

А.А. Ковалев

**ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В
НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ**

Санкт-Петербург
2019

УДК 321
ББК 66.2
К560

Автор

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Рецензенты

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

Радиков Иван Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики Санкт-Петербургского государственного университета

Ковалев А.А. Военная безопасность в научном дискурсе. – СПб.: Изд-во Коновалова А.М., 2019. – 206 с.
ISBN 978–5–6042547–5–2

В настоящем издании собраны статьи, опубликованные автором в различных научных изданиях на протяжении нескольких лет. Все материалы, вошедшие в книгу, объединяет одна тема: исследование вопросов обеспечения военной безопасности России. Раскрываются актуальные теоретические и практические аспекты проблемы российской политики военной безопасности. Представлены концептуальные, доктринальные и правовые основания обеспечения военной безопасности России.

Издание предназначено для научных и практических работников, занимающихся проблемами политического управления и обеспечения безопасности в военной сфере.

УДК 321
ББК 66.2

ISBN 978–5–6042547–5–2

© А.А. Ковалев, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Военная безопасность традиционно рассматривается как важнейшая часть комплексной безопасности государства и социума. В современную эпоху она представляет собой сложную военно-политическую и социально-правовую систему со своими специфическими содержанием и структурой. Обеспечение военной безопасности исторически является важнейшей задачей государства, о чём свидетельствует вся мировая и отечественная история. История России, как никакой другой страны в мире, наполнена ярчайшими примерами посягательств на территориальную целостность нашей Родины со стороны враждебных сил как на западе, так и на востоке. И чаще всего речь шла не только о защите территории государства, но и о самом существовании народов, живших в нашей стране.

Видимо, великий философ Гегель прав: всемирная история развивается не линейно, а по спирали. А витки исторической спирали, как известно, обнаруживают некую тенденцию к повтору. Наша Родина на рубеже веков воевала всегда – это со всей определенностью доказывает отечественная история. И сегодня в политической атмосфере всё сильнее ощущается приближение новых военных столкновений. Очаги новой мировой войны уже охватили зону Средиземноморья, перманентно тлеют на Кавказе, в Иране и Сирии. Более того, практически в самом центре Европы, вблизи от «матери городов русских», ведется гражданская война, а по улицам самого Киева с попустительства недалеких политиков-однодневок маршируют солдаты НАТО. Если война примет глобальный характер с необратимыми экзистенциальными последствиями, всеобъемлющими разрушениями и жертвами, то человечеству может прийти конец.

Чтобы избежать этого, необходимо создать новую систему международной безопасности. Но такая система закономерно включает целый ряд национальных систем комплексной, в том числе и военной, безопасности. В современной России подходы к решению проблемы военной безопасности весьма разнообразны. В идеале они предполагают учет множества параметров и соблюдение специфических норм и принципов. Одновременно необходимо задействовать особый механизм, с помощью которого должна решаться данная задача. В любом современном государстве таким механизмом обеспечения военной безопасности служит особый сегмент государственного управления, обладающий соответствующим комплексом средств и методов и базирующийся на доступных властных ресурсах.

В современных условиях постоянно усложняющегося и глобализирующегося мира неуклонно возрастают роль и значение институтов государственной власти в нашей стране. От эпохи управленческой анархии и олигархического беспредела, характерных для посткоммунистической России, наша страна вновь вернулась к идее сильной авторитарной власти, которая особенно необходима в вопросах обеспечения военной безопасности государства. В интересах успешного решения проблем обеспечения военной безопасности государства сегодня чрезвычайно важно адаптировать структуру и деятельность властного механизма под постоянно изменяющуюся ситуацию как внутри страны, так и в отдаленной перспективе.

Именно сильная государственная власть в современной России приобретает всё большее значение в социальном бытии страны. Только сильная власть может успешно решать внешнеполитические задачи: успешная военная операция в Сирии, продемонстрировавшая силу российского оружия, отлично иллюстрирует данный тезис.

Обращение к исследованию системы обеспечения военной безопасности будет бесполезным, и продиктовано оно следующими обстоятельствами.

Во-первых, увеличиваются опасности и угрозы в отношении Российской Федерации. Действенные шаги российской власти по направлению восстановления исторической справедливости и целостности Русского мира (присоединение Крыма к России и военные действия на востоке Украины, где преобладает русскоязычное население) вызывают активную неприязнь Запада.

Во-вторых, войны эпохи противостояния цивилизаций качественным образом отличаются от войн предшествующей человеческой истории. Изменение характера и сущности войны диктуют необходимость переосмысления концептуальных оснований теории войны. Необходимо выработать новые подходы, которые учитывали бы возникновение новых военных опасностей и угроз. Как следствие, появились теории войн, которые именуют сетевыми, сетецентрическими, концентрическими, геофизическими. Совсем недавно военные политологи выделили еще одну разновидность войн – гибридную войну. Естественно, что само изменение характера войн влечет за собой и необходимость переосмысления принципов и механизмов обеспечения военной безопасности. Войны нового типа требуют безопасности соответствующего уровня.

В-третьих, продолжающееся изменение военных опасностей и угроз в эпоху противостояния цивилизаций требует радикального реформирования органов государственного управления, структура которых зачастую не соответствует задачам и вызовам сегодняшнего дня. Необходимо создать действенный механизм взаимодействия между всеми ветвями власти, призванными обеспечивать военную безопасность государства для предотвращения возможной военной агрессии.

В-четвертых, принятые в Российской Федерации концептуальные документы, регламентирующие деятельность в области обеспечения военной безопасности (в том числе принятая в 2014 г. Военная доктрина¹), содержат ряд неточностей и пробелов в трактовке современных войн, выборе объектов и субъектов войн и обеспечения военной безопасности. Явственно видна низкая степень участия представителей фундаментальной науки в составлении этого важнейшего документа.

И, наконец, обеспечение военной безопасности является составной частью общей политики государства, а не только связанной с созданием и развитием военной организации и ее подготовкой к применению средств насилия для защиты государства. В Военной доктрине указывается, что к военным угрозам

---

¹ Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

для страны относятся: подрывная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств против России; комплексное применение информационных и иных мер невоенного характера, реализуемых с широким использованием протестного потенциала населения и сил специальных операций.

Сама актуальность выбранной темы исследования для всех истинных патриотов России, кому небезразлична судьба страны, позволяет нам надеяться на заинтересованность, которую может вызвать это монографическое издание.

Автор с благодарностью воспримет замечания и предложения читателей, которые будут способствовать дальнейшему комплексному исследованию проблемы обеспечения военной безопасности. Объединив все свои изыскания последних лет в одной книге, автор надеется найти отклик у заинтересованного в данной проблеме читателя и готов вступить в конструктивную дискуссию.

Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации*

Введение

В постиндустриальной цивилизации стратегия геополитических отношений основывается, по большей части, на геоэкономической парадигме. Эта парадигма базируется не только на завоевании территорий, овладении экономическим пространством или ресурсными базами, но и направлена на внедрение своего видения будущего и навязывание своей политической воли наиболее мощными акторами международных отношений. Реализация политических интересов ведущих держав приводит к их цивилизационному противостоянию, в котором одной из ведущих интенций является стремление к экономическому доминированию. Но в современную эпоху стратегические цели реализуются и достигаются с учетом геополитических интересов, исследование которых становится ныне все более актуальной задачей. Поэтому в этой статье мы рассмотрим основные аспекты влияния геополитических факторов на обеспечение военной безопасности нашей страны.

Материалы и методы

Методология исследования данной работы закономерно предполагает использование диалектического, историко-логического и историко-сравнительного методов, а также конкретно-политологических методов (ситуационный анализ, ивент-анализ, метод экспертной оценки).

Рассмотрим основные теоретические материалы, которые имеются в распоряжении исследователя, обращающегося к проблеме влияния геополитических факторов на военную безопасность страны.

Прежде всего, главным геополитическим фактором является занимаемая государством территория, т. е. исторически сложившееся жизненное пространство того или иного социума, включающее земельные ресурсы, недра, полезные ископаемые и др. Большинство войн во всемирной истории возникало из-за спорных территорий и желания овладеть их богатствами. Десятки философских учений возникло для оправдания захватнических стремлений: от Аристотеля, который еще в IV в. до н. э. говорил о войнах справедливых и несправедливых, до З. Бжезинского, обосновывавшего ведущую роль США на «геополитической шахматной доске». От главного геополитического фактора – территории – зависят и все остальные. Отсюда геополитику в теоретическом плане нужно рассматривать как науку о территориальных интересах государства. А интересы эти можно защищать как мирными, так и военными средствами. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый симбиоз военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

---

* Ковалев А.А. Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2018. – №6. – С.53-62.

После исчезновения с политической карты мира СССР как исторической России сложился, по сути дела, однополярный мир, в котором доминирует одна сверхдержава – США, отстаивающая и проводящая в жизнь свои геополитические интересы агрессивной политикой глобализации. Эта политика включает целый комплекс насильственных, в том числе военных, методов, а также самых разнообразных способов социокультурного, экономического и политического воздействия, целью которого является навязывание американского образа жизни и либеральных ценностей. Территориальные претензии США к странам, богатым нефтью и другими природными ресурсами, но не принадлежащими к европейскому цивилизационному сообществу, оборачиваются прямым вооруженным вмешательством во внутренние дела этих стран (Афганистан, Сирия) и их фактическому уничтожению (Ирак, Ливия).

Сегодняшняя геополитическая стратегия США основана в основном как на геоэкономической конкуренции, так и на управлении национальными рисками. Эта стратегия направлена на упрочнение своей собственной политической системы и на подрыв социальной, политической и экономической систем своих оппонентов. Причем старый имперский принцип Британской империи «разделяй и властвуй» используется Соединенными Штатами в полной мере даже в отношениях с Европейским союзом, находящимся под их действенным и порой агрессивно-навязчивым влиянием.

Во второй пол. XX – нач. XXI вв. произошел переход от статистического к динамическому использованию пространства, которое выразилось монополизацией контроля над потоками информации, капиталов, рабочей силы. В связи с ростом экономического могущества Китайской Народной Республики и растущей геополитической активностью России по пути возрождения русской цивилизации возможно перераспределение влияния мировых центров силы. Стоит отметить, что некоторые политологи отмечают, что спад экономического потенциала и могущества США очевиден. Из придерживающихся такого мнения ученых следует назвать, прежде всего, историка Альфреда Уильяма Маккоя из Университета Висконсин в Мэдисоне². Делается вывод, что эти процессы неизбежно приведут к ослаблению позиций этой сверхдержавы на международной арене, возможному появлению новых геополитических центров и воссозданию многополярного мира.

4 декабря 2014 г. Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному собранию отметил: «Надо с уважением относиться к законным интересам всех участников международного общения. Только тогда не пушки, ракеты или боевые самолеты, а именно нормы права будут надежно защищать мир от кровопролитных конфликтов»³ [5]. Но это пожелание в современных геополитических условиях и состоянии противостояния цивилизаций, к сожалению, фактически невыполнимо. И говорить о сглаживании противоречий и уменьшении цивилизационного противостояния сегодня не приходится.

---

² Alfred W. McCoy. The Decline and Fall of the American Empire: Four Scenarios for the End of the American Century by 2025. The Huffington Post, 6 Dec 2010.

³ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>

Напротив, современная международная обстановка свидетельствует о том, что политические конфликты все более и более обостряются. Территориальные претензии решаются чаще всего военной силой, но и сама война приобрела за последние годы новые, ранее просто невозможные формы. Ежедневно со стороны противоборствующих цивилизационных конгломератов звучат воинственные декларации и чрезвычайно угрожающие заявления. В условиях уменьшения авторитета и неэффективности международных институтов, отвечающих за поддержание и укрепление мира, в сфере безопасности опять стала преобладающей доминанта силового компонента.

При этом происходящий процесс глобализации наложил свой отпечаток не только на геоэкономические и геополитические структурные изменения, но и на организацию и функционирование системы обороны и политики безопасности современных государств, так как вопросы безопасности перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Этому способствовала динамика роста локальных межгосударственных конфликтов малой интенсивности XX – нач. XXI вв., а также активное внедрение на геополитическое поле такой концепции, как «теория хаоса», и реформатирование существовавшей некоторое время архитектуры монополярного устройства мирового сообщества.

Во второй половине XX столетия общим местом в концепциях политологов и действиях политиков-практиков была интенция на создание международной системы коллективной безопасности. Приведем типичный для такой парадигмы пример определения системы коллективной безопасности: «Система безопасности, созданная усилиями нескольких государств или всего мирового сообщества для предотвращения или нейтрализации различного рода угроз (экономических, военных, экологических и др.) существованию и развитию человеческой цивилизации на региональном или глобальном уровне» [2].

В современную эпоху начинает складываться парадигма, основной чертой которой является стремление ведущих государств – игроков на международной арене – усилить реформатирование и укрепить собственные системы национальной безопасности. Ведущую роль здесь играет цивилизационное противостояние. Мы уже обращались ранее к исследованию современных цивилизационных противоречий, которые могут привести к «мировому пожару», и которые необходимо учитывать при построении стратегических и тактических действий в области военной безопасности [4].

Здесь отметим лишь, что наиболее значимыми и опасными противоречиями являются, на наш взгляд, следующие: 1) противоречия между интересами России и странами Европейского союза, бездумно следующими в фарватере американской политики; 2) противоречия между утратившей статус сверхдержавы Россией и сверхдержавой Соединенными Штатами Америки; 3) противоречия между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, с другой, включая Россию. За последние двадцать лет лидеры Соединенных Штатов были твердо уверены в том, что их страна приобрела статус единственной сверхдержавы. Но такого рода самоуверенность

может стать опасной для любой державы. Отметим, что однополярный мир противоречит, по мнению автора, фундаментальным законам диалектики.

Объективно России как державе, начинающей проявлять все большую геополитическую активность, выгоден рост противоречий как внутри самого Европейского союза, так и между ЕС и США. Выход Британии из Еврзоны и растущее число протестных настроений в странах Европейского союза, связанных с притоком мигрантов из Азии и Африки, может стать дестабилизирующим фактором для ЕС. А распад Евросоюза будет объективно содействовать решению многих геополитических вопросов в пользу России. И в этой связи компонент военной мощи российского государства опять стал преобладающим аргументом при решении спорных геополитических вопросов.

Следует понимать, что формирование объективных геополитических моделей дает возможность объяснить не только уже сложившуюся геополитическую структуру и соотношение сил на международной арене, но и дать объяснение направлениям и ключевым факторам геостратегии государств в направлении постоянной экспансии. Экспансия предполагает навязывание готовых образцов социально-экономического, политического и культурного развития без какого бы то ни было взвешенного учета различия между цивилизациями. Уже четверть века глобализация осуществляется по унифицированным американским стандартам, причем демократию (феномен, свойственный исключительно европейской цивилизации) пытаются насильственно насадить в регионах с совершенно противоположной исторической традицией.

Поэтому современная модель геополитической архитектуры должна основываться на двух основных тезисах: уход в прошлое монополярного атлантизма и формирование многополярной модели геополитического сообщества. Период монополярного протектората и контроля США в сфере международных отношений заканчивается, и как любое завершение определенного этапа развития мирового сообщества и цивилизации, это чревато эскалацией напряженности из-за возникновения многовекторной комбинации интересов и различных возможностей участников данного процесса.

На формирование современной геополитической напряженности наложили свой отпечаток самые разнообразные факторы. Мы отметим лишь ведущие среди них:

- 1) цивилизационное противостояние,
- 2) усиление значимости некоторых геополитических акторов (например, КНР) и ослабление роли конгломератов (например, ЕС),

- 3) абсолютно беспрецедентная комбинация представлений на формирование нового мирового порядка, который мог бы отразить и сбалансировать возникшую на сегодняшний момент геополитическую ситуацию. Существующая ситуация в современном мировом сообществе уникальна еще и тем, что происходит кризис не только системы и институтов международных отношений, но и кризис структурно-цивилизационный, который совершается одновременно на геополитическом, геоэкономическом и духовно-культурном уровне.

На наш взгляд, вышеперечисленные обстоятельства в очередной раз подтверждают концепцию Г. Моргентау [7], согласно которой все цели внешней

политики должны определяться вектором национального интереса и поддерживаться соответствующей силой, т.е., согласно «железному закону политики», во все времена между государствами определяющими выступают именно силовые отношения. Самосохранение системы международных отношений основывается на поддержании в ней динамического равновесия разных, иногда абсолютно противоположных интенций государств как составных элементов этой системы. Но данное равновесие, как и любая саморазвивающаяся система, рано или поздно приходит к необходимости более или менее существенных изменений – «перезагрузки», говоря популярным ныне языком.

Попытки максимальной реализации собственных национальных интересов отдельными участниками процесса либо вызывают недовольство остальных участников, а соответственно провоцируются ответные противодействующие движения, либо ставят всю систему в монопольную зависимость от одного определяющего фактора. Эту мысль наглядно иллюстрируют современные отношения между США и Европейским союзом, многие развитые страны которого недовольны взятой на себя США ролью «старшего брата». Но главная опасность состоит в том, что Соединенные Штаты порой стремятся играть роль Большого Брата в оруэлловском смысле, а такие интенции рано или поздно вызывают перенапряжение и эскалацию противостояния всех участников системы.

Именно подобный процесс мы и наблюдаем в современных геополитических отношениях. Связано это прежде всего с тем, что в системе международных отношений отсутствует единая, четко обозначенная и общественно признанная структура управления, а следовательно, данная система относится к категории систем стихийного регуляционного механизма. Поэтому происходит постоянное противоборство интересов и позиций, интересов и обстоятельств между государствами, что до последнего момента и являлось нормой функционирования общепризнанной системы международных отношений. Но на данном этапе эта система в таком ее виде стала неэффективной, так как, во-первых, в нее были изначально заложены субъективные факторы тех геополитических акторов, которые ее формировали, поддерживали и продолжают контролировать, а во-вторых, произошло значительное смещение векторов сил, в первую очередь это касается усиления геополитического веса Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

При этом также следует понимать, что мощь государства состоит из совокупности факторов экономического, политического и военного потенциала, она направлена как на отстаивание своих позиций на международной арене, так и на обеспечение внутривнутриполитического развития и функционирования государства. В этом контексте каждое государство является носителем, а следовательно, и субъектом силы, а сама система международных отношений выступает непосредственным объектом деятельности государств.

С одной стороны, стабильность системы международных отношений базируется на равновесии межгосударственных отношений всех стран, пребывающих в процессе постоянного национального, политического, экономического и социокультурного эволюционного развития. С другой стороны,

для того чтобы система развивалась, нарушение данного баланса является аргументированным и неперенным условием. Но, как следствие нарушения этого баланса, происходит эскалация конфликтности в межгосударственных отношениях. Таким образом, геополитика, как и экономика, развивается по цикличному сценарию. Рост общемировой конфронтации свидетельствует о том, что существует острая необходимость в переформатировании и внесении структурных корректив в существовавшую систему межгосударственных отношений.

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что если не отслеживать и не контролировать данные пики эскалации структурных сдвигов в международных отношениях, то возникает угроза перехода из фазы тотального международного кризиса в фазу общемирового вооруженного конфликта – войну. Однако в любом случае с учетом цикличности геополитических отношений, на одной из стадий международного конфликта формируется новая архитектура баланса сил в обновленной системе международных отношений, с учетом изменений в элементах и самой структуре системы. Следовательно, международные конфликты разного уровня интенсивности и напряженности являются логичным этапом развития системы международных отношений.

Несмотря на то что до сегодняшнего момента в условиях постиндустриального этапа развития мирового сообщества наиболее развитые страны уже более половины столетия решали вопросы без вооруженных серьезных конфликтов, это объясняется только одним аргументом: конфронтационная форма выяснения отношения является губительной и отсюда контрпродуктивной. Но в условиях процессов агрессивной глобализации и насильственной интеграции наметилась явственная тенденция к тому, что более развитые государства современного сообщества усиливают и совершенствуют свою сферу обороноспособности.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что ведущую роль при формировании глобального постиндустриального мирового сообщества играли лишь несколько стран. Именно эти страны не только создали проект «дивного нового мира» (если вспомнить без всякой иронии Шекспира и Хаксли), но и готовы отстаивать и навязывать свои интересы всему современному международному сообществу, в том числе используя при этом и фактор силы. Ведь войну можно политкорректно назвать «операцией по принуждению к миру», убийство мирных граждан – «зачисткой территорий», а стремление захватить богатые природными ресурсами страны неевропейской цивилизации – «необходимостью борьбы с терроризмом». Нестабильность современного сообщества, столкновение и конфронтация цивилизаций Запада и Востока позволяют внедрять в жизнь современного общества агрессивные идеологии, религиозный фундаментализм, шовинизм, национализм, т.е. тот самый инструментальный, который способен нарушить существующую систему международных отношений и привести к полной дестабилизации мирового сообщества.

Результаты

Систематизируем изложенный выше теоретический материал. Прежде всего отметим, что на сегодняшний день сформировался также целый ряд моделей взаимоотношений государств – от простой классической формы двухсторонних отношений до отношений коалиций, основанных на объединении вокруг совпадающих интересов, либо вокруг интересов доминирующего лидера. Также третьей стороной, регулирующей межгосударственные отношения, может выступать надгосударственная структура, имеющая на это определенные полномочия – ООН, ОБСЕ, НАТО и т.п.

На современном этапе развития международных отношений военную безопасность любого государства необходимо рассматривать не только как систему, предназначенную для предотвращения или минимизации деструктивных последствий военно-политического противостояния, а как симбиоз осознанных и продуманных действий по мониторингу, анализу, прогнозированию, предотвращению или пресечению угроз и опасностей, исходящих от внешних оппонентов, включая как отдельные государства, так и надгосударственные структуры.

Кризис современного геополитического процесса, как нами было отмечено ранее, связан не только со структурными и институциональными изменениями самого общества, но и с попытками ряда государств и негосударственных акторов, используя свой экономический и политический потенциал, не только выражать и лоббировать свои интересы, но и откровенно навязывать свою геополитическую позицию. Это не могло не привести к эскалации нестабильности как на общемировом, так и на региональных уровнях. В идеале в механизме обеспечения военной безопасности современного государства должны начать играть все большую роль невоенные, несилловые его компоненты. Приоритет должен отдаваться использованию дипломатических, переговорных, политико-правовых и социально-экономических методов предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций, без трансформации их в форму военных угроз и опасностей.

К сожалению, современная ситуация не дает оснований для оптимистичных прогнозов. Видимо, мир вступает в новый период, который можно назвать новой «холодной войной». Мы согласны с мнением современных российских исследователей: современное сообщество, не научившись содействовать и взаимодействовать в формате мирных отношений как базовой модели взаимодействия, постоянно в скрытой или открытой форме наращивает военные ресурсы, а гарантом защиты является только присутствие в одном из военно-политических союзов, и, таким образом, нарушены все основные принципы, которые были сформулированы и заложены после окончания Второй мировой войны в существовавшую донныне систему обеспечений международной безопасности [5].

В сложившейся ситуации глобальной геополитической трансформации эффективность обеспечения военной безопасности, в первую очередь, формируется с помощью методов мониторинга и аналитического прогнозирования военно-политической обстановки как в общемировом, так и на

региональном и внутригосударственном уровнях. На сегодняшнем этапе сформировалась очевидная потребность в методологической и правовой разработке и введении в практическую деятельность международных отношений договоров и законов, запрещающих агрессивное применение невоенных средств, определив механизм и инструментарий информационной войны как одной из форм войны классической. Действенная информационная политика в современную эпоху может привести к победе в войне или же существенно способствовать таковой.

Структурно военную безопасность можно представить тремя взаимосвязанными уровнями: 1) общественный уровень, формирующий общественные отношения, включающие в себя и необходимость обеспечения военной безопасности; 2) государственный уровень, на котором происходит разработка и формирование концепции обеспечения военной безопасности; 3) военный уровень, на котором происходит непосредственное воплощение решений и действий по обеспечению военной безопасности в мирное и военное время.

Деляя свой стратегический выбор за последние четверть века, Российская Федерация несколько раз модернизировала и корректировала свой политический курс развития [1]. Связано это, прежде всего, с напряженными отношениями, которые сформировались за последние несколько лет по оси США-РФ, с характерным стремлением Вашингтона не дать возможности усилению России как центра силы и притяжения в постсоветском регионе. Опасения США строятся на том, что Российская Федерация выступает динамично развивающимся государством, твердо отстаивающим свои позиции на международной арене в условиях происходящего геополитического противостояния.

Проблемы геополитики, затронутые в настоящей статье, трактуют по-разному. Причем определения самой геополитики значительно отличаются друг от друга, но в их обсуждении неизменным остается констатация связи геополитических факторов и военной безопасности. Приведем определение профессора В.А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук, которое совпадает с позицией автора: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [3, с. 8].

Политолог из Германии Гайнц Брилл рассматривает геополитику как «геопространственные, внешнеполитические акты великих держав в контексте геостратегии» [8, с. 21]. Брилл подчеркивает, что геополитика – политическая интерпретация географических обстоятельств, она возникла из политической географии и первоначально находилась в оппозиции к ней [8, с. 19].

К сожалению, некоторая теоретическая слабость отечественной геополитики объясняется тем, что в СССР эта наука, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, понималась как лженаука со всеми вытекающими

отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость утверждать необходимость разрабатывать и учитывать созданные геополитические концепции. А ведь Советский Союз как историческая Россия имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Поэтому геополитические интересы великой державы – признавали ли ее первые лица реальность этих интересов или же нет – были весьма многосторонними и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего – военными средствами.

В обсуждении проблем геополитики эту науку часто характеризуют как удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой – навешивают на нее ярлык околонучного, идеологизированного неологизма, порожденного западноевропейским интеллектуализмом. Мы полагаем, что статус геополитики как особого политолого-социологического подхода к изучению соотношения между географическим положением государств, их внешней политикой и состоянием военной безопасности вряд ли целесообразно ныне подвергать сомнению.

Заслуживает внимания одно из последних исследований, увязывающих проблемы геополитики и безопасности страны, в том числе и безопасности военной. Это исследование 2010 г., принадлежащее перу Е.А. Ходаковского «Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока» [6], в котором автор дает целостное рассмотрение основных угроз военной безопасности, существующих для России.

Заключение

В заключение нашего краткого исследования сделаем ряд выводов. Современная геополитика, которая в нашей стране уже четверть века не рассматривается лишь как «буржуазная наука», вынуждена иметь дело с постоянно, лавинообразно меняющейся политической реальностью. Изменениям подвергается не столько политическая карта мира, сколько цивилизационные союзы, возникшие после крупнейшей геополитической катастрофы новейшей истории – распада СССР как исторической России. В связи с возросшей геополитической активностью РФ можно говорить о ее активном включении в процесс противостояния цивилизаций.

Меняющиеся геополитические факторы действительно воздействуют на военную безопасность акторов цивилизационного противостояния, которое в ряде регионов мира перетекает в прямые военные конфликты. Вопросы безопасности в ядерную эпоху перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Современная военная безопасность осуществляется не только поддержанием на должном уровне сугубо военной мощи, но и адекватным развитием информационной политики, соответствующей внутри и внешнеполитическим реалиям.

Геополитические претензии должны быть должным образом сформулированы и обоснованы, а противоречия решаться, по преимуществу, методами информационной войны, а лишь затем следует допускать возможные реальные военные действия. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее,

качественно новый синтез военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

Библиографический список

1. *Аминов И.Р.* О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 2 (27). С. 56-62.
2. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь. М.: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.
3. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001.
4. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: Поликона, 2016.
5. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 49-54.
6. *Ходаковский Е.А.* Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.
7. *Bain W.* Deconfusing Morgenthau: Moral Inquiry and Classical Realism Reconsidered // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. N 3. P. 445-464.
8. *Brill H.* Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. Bissendorf, Biblio-Verlag, 2008.

Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации*

Введение

Вопросы военной безопасности как важнейшей составной части комплексной безопасности страны представляются особенно актуальными в современную эпоху обострения межкультурных и цивилизационных противоречий, когда перед человечеством вновь со всей остротой встала угроза нового мирового пожара. После распада Советского Союза Российская Федерация не только оказалась в одиночестве против стран Североатлантического блока, но и вынуждена действительно противостоять весьма недружелюбной политике, которую НАТО проводит по отношению к нашей стране на протяжении последних лет. Именно за последнее десятилетие Россия обнаружила стремление к проведению подлинно независимой внутренней и внешней политики, что вызвало ничем не

---

* Ковалев А.А., Балашов А.И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1151-1165.

оправдываемое агрессивное противодействие со стороны Североатлантического блока.

Составной и наиболее опасной частью такого противодействия стало продвижение блока НАТО к границам нашей страны, в том числе в тех ставших независимыми государствах, которые традиционно не только являлись частью российской державы в таких ее исторических формах, как Российская империя и Советский Союз, но и всегда входили в сферу геополитических интересов нашей Родины.

К числу таких геополитических объектов принадлежит Балтийский регион, проблема военной безопасности которого относится к числу важнейших в условиях дальнейшего продвижения военной инфраструктуры НАТО на восток. Именно рассмотрение этой проблемы является целью настоящей статьи, которая реализуется последовательным решением следующих взаимосвязанных и взаимосвязанных задач:

- 1) оценка роли стран Балтийского региона в системе европейской безопасности;
- 2) анализ военно-стратегической обстановки в балтийском регионе с момента распада СССР и по настоящий день;
- 3) оценка деятельности НАТО в Балтийском регионе с точки зрения угрозы для военной безопасности нашей страны;
- 4) анализ возможностей РФ для обеспечения и защиты своих интересов в Балтийском регионе.

Решение этих задач обусловило структурные компоненты настоящего исследования.

Роль Балтийского региона в системе европейской безопасности

Такое понятие, как Балтийский регион, все чаще используется в самых различных сферах современной жизни, хотя еще совсем недавно им оперировали в основном историки и культурологи, а также специалисты в различных отраслях экологии. Видимо, сам термин происходит от латинского *balteus* – пояс. Еще в средние века это море сравнивали с поясом, который простирается от Скифии до Греции [1]. О Балтийском море впервые, скорее всего, написал хронист XI в. Адам Бременский [2]. В международной политике и экономике понятие «Балтийский регион» начало широко применяться только в самом конце 1980-х гг.

Сам термин «Балтийский регион» может использоваться как в узкой, так и в широкой трактовке [3, 4]. Когда говорят о Балтийском регионе в узком понимании этого термина, то к нему относят государства, которые имеют непосредственный выход к Балтийскому морю, а именно: Россию, Польшу, Эстонию, Латвию, Литву, Финляндию, Швецию, Данию и Германию. Что же касается широкого понимания термина «Балтийский регион», то оно сложилось после образования Совета государств Балтийского моря (1992). Помимо тех стран, которые Балтийский регион включает в узком смысле, в него вошла Норвегия, а в 1995 г. – Исландия.

Основным обоснованием термина «Балтийский регион» является физико-географическое, основанное на так называемом «бассейновом» принципе: к этому

региону относят ту территорию, на которой располагается дренажный бассейн рек, впадающих в Балтийское море [3–5]. Исходя из этого принципа, к странам Балтийского региона полностью относятся территории Литвы, Эстонии и Латвии, практически вся территория Польши, очень значительная часть территории Финляндии и Эстонии, весь северо-восток Германии, северо-запад Российской Федерации, большая часть территории Дании, примерно половина территории Белоруссии и даже небольшие части территорий таких достаточно значительно удаленных от Балтийского моря государств, как Словакия, Чехия и Украина.

Еще одним критерием, по которому исследователи (например, сотрудники Центра балто-славянских исследований Института славяноведения РАН В.В. Иванов, П.М. Аркадьев, Т.В. Михайлова) относят те или иные государства к Балтийскому региону, является исторический [6]. Различные народы, проживавшие на побережье Балтийского моря, в течение сотен и тысяч лет вступали друг с другом в экономические, политические, культурные и другие контакты. Но исторический подход достаточно аморфен с точки зрения определения конкретных географических границ, поэтому его применение серьезно ограничено. К тому же он весьма политизирован.

Каждый из описанных подходов имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. В нынешней международной практике базовой считается та трактовка понятия «Балтийский регион», которая содержится в международной программе VASAB (Видение и стратегии развития государств Балтийского региона). Ее реализация осуществляется под эгидой Совета Европы и Европейского союза. Базовый документ этой стратегии был принят в начале декабря 1994 г. на конференции в Таллине, и в нем указаны основные ценности стран Балтийского региона. Несколько ранее, в марте 1992 г., в Копенгагене была образована межправительственная организация Совет государств Балтийского моря, в которую вошли Дания, Германия, Латвия, Литва, Эстония, Норвегия, Россия, Польша, Швеция, Финляндия.

С древнейших времен Балтийское море являлось морской коммуникацией, которая в экономике тех государств, которые расположены на его берегах, играла огромную роль. Согласно официальным статистическим данным [7], на сегодняшний день на страны Балтийского региона приходится 12,6% территории и 4,4% населения всей планеты. Суммарный валовой национальный продукт этих государств составляет чуть более 11% мирового ВВП (с учетом такого показателя, как паритет покупательной способности – 9,7%). Что касается удельного веса стран Балтийского региона в мировой торговле, то он составляет примерно 14% (13% импорта и 15% экспорта). Эти статистические данные свидетельствуют: от того, в каком состоянии находится экономика балтийских государств и насколько активно они участвуют в международном разделении труда, во многом зависит и состояние мировой экономики.

Специалисты отмечают [4], что для экономик таких государств Балтийского региона, как Эстония, Латвия и Литва, наибольшее значение имеют внутри региональные связи: более 60% их внешнеторгового оборота приходится именно на взаимную торговлю. От нее в значительной степени зависит экономическое

благополучие Финляндии, в несколько меньшей степени – Швеции, Польши и Дании (от 30 до 40%), России (20%) и Германии (10%).

Исторически сложилось так, что в экономике Балтийского региона всегда значительную роль играл транзит сырьевых товаров, причем его направленность очень ярко выражена: с востока и севера на запад и юг. Из России еще в древности именно по Балтийскому морю в страны Европы отправлялись основные сырьевые товары: лес и пенька. С развитием промышленности они дополнились сначала углем и железной рудой, а несколько позднее – нефтью и газом. Именно углеводороды на сегодняшний день играют преобладающую роль в экспорте Российской Федерации в другие страны Балтийского региона, прежде всего в Германию, которая является крупнейшим внешнеторговым партнером РФ в Европе.

Сейчас Россия представляет собой для стран Евросоюза в целом и Балтийского региона в частности самую настоящую кладовую природных ресурсов. Следует заметить, что для европейских государств сотрудничество с РФ в сырьевом и энергетическом секторах экономики является чрезвычайно важным, поскольку дает возможность значительно диверсифицировать закупки ресурсов и существенно снизить зависимость от их поставок в Старый Свет из других регионов планеты: Северной и Южной Америки, стран Азии и Персидского залива. В свою очередь, тесное сотрудничество с другими странами Балтийского региона очень выгодно и для Российской Федерации, поскольку оно дает возможность не только обеспечить себе обширный рынок сбыта сырьевых экспортных товаров, но и доступ к современным западным технологиям.

Прорубать «окно в Европу» на балтийском направлении Россия начала еще во времена Ивана III, но окончательно наша страна обосновалась на балтийском побережье в период царствования Петра I. Во многом именно то, что Россия тогда де-факто стала одним из государств Балтийского региона, привело к ее ускоренному экономическому развитию.

Согласно данным внешнеторговой статистики [8], на сегодняшний день почти половина всего российского экспорта осуществляется через Балтийское море. При этом внешнеторговые грузы отправляются не только через те порты, которые располагаются на территории Российской Федерации, но и через гавани, находящиеся на территории сопредельных стран Балтийского региона. Специалисты утверждают, что без них Россия не сможет обойтись даже в том случае, если претворит в жизнь все свои долгосрочные планы, касающиеся строительства новых собственных морских портов [8]. В обозримом будущем ожидается рост поставок российских экспортных товаров. Российские порты, расположенные на Балтике, даже в среднесрочной перспективе не смогут справиться с тем потоком нефти, нефтепродуктов и прочих сырьевых товаров, которые отправляются по морю в страны Балтийского региона. Российской Федерации для их отправки придется и далее использовать те порты, которые расположены в странах Балтии и Финляндии. Именно поэтому улучшение и углубление экономического и политического сотрудничества со странами Балтийского региона имеет для России экзистенциальное значение.

Важной частью такого сотрудничества является возможность доставки российских энергоносителей потребителям стран Балтийского региона. В 2011 г. вступил в строй газопровод «Северный поток», который проложен по дну Балтийского моря и связывает терминал, находящийся в бухте Портовая, расположенной неподалеку от Выборга (Ленинградская область), и терминал, находящийся неподалеку от Грайфсвальда (земля Мекленбург-Передняя Померания, ФРГ). В 2012 г. была пущена в эксплуатацию вторая нитка этой газотранспортной магистрали, проектная мощность которой составляет около 55 млрд м³ газа в год. Предполагается, что вскоре начнется сооружение газопровода «Северный поток-2», который пройдет параллельно первому и существенно улучшит возможности поставок российского природного газа в Западную Европу.

Особую ценность Балтийский регион представляет для Российской Федерации еще и потому, что в нем имеются весьма благоприятные природные, культурно-исторические, интеллектуальные и технические условия для развития сотрудничества со странами Евросоюза. Кроме того, в странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литве) достаточно многочисленно русскоязычное население, что также является одним из серьезных факторов, способствующих расширению и дальнейшему углублению взаимовыгодных экономических связей в этом важном регионе планеты [9]. Проблемы экономического развития стран балтийского региона самым непосредственным образом связаны с его комплексной безопасностью и той военно-стратегической обстановкой, которая исторически сложилась на сегодняшний день. Экономические, политические и социокультурные интересы стран Балтийского региона защищаются военными средствами, в том числе и инструментарием информационной войны.

Военно-стратегическая обстановка в Балтийском регионе

Отношение большинства стран Балтийского региона к Российской Федерации всегда было сдержанно-настороженным, ибо Россия практически с того самого момента, как распался Советский Союз, рассматривалась как их политическими элитами, так и простыми гражданами в качестве продолжателя традиций Российской империи и СССР. Именно поэтому совершенно неслучайно Эстония, Латвия, Литва и Польша поспешили вступить в НАТО. Несмотря на отсутствие реальной военной угрозы со стороны России, эти страны Балтийского региона продолжают придерживаться ярко выраженных антирусских позиций.

Серьезное ухудшение отношений со странами Балтийского региона, да и со всем западным миром, произошло после того, как в состав Российской Федерации весной 2014 г. по результатам проведенного референдума вошел Крым, ранее бывший частью территории Украины. Международным сообществом это было воспринято как акт агрессии в отношении суверенного государства, а к Российской Федерации на международном уровне был применен целый ряд экономических санкций, которые в последнее время только усиливаются. Эстония, Латвия и Литва восприняли присоединение Крыма особенно настороженно, поскольку в этих государствах проживает немало этнических русских – у властей появилось серьезное опасение, что они также каким-либо образом выразят желание, чтобы территории, на которых они компактно проживают, вошли в состав России.

Отношения других стран Балтийского региона к Российской Федерации также изменились далеко не в лучшую сторону. Конечно, в каждом из государств этого региона проводится своя собственная политика в отношении России, и поэтому на ее особенностях и нюансах имеет смысл остановиться поподробнее.

В 1940 г. Эстония вошла в состав Советского Союза и была одной из его республик вплоть до 1991 г., когда в результате распада СССР стала независимым государством. Опасаясь того, что эта независимость рано или поздно будет утрачена, Эстония сразу же взяла решительный курс на вступление в НАТО и стала полноправным членом этого военного блока 29 марта 1994 г⁴. Она обеспечила себе достаточно надежную защиту, несмотря на то, что на сегодняшний день численность ее вооруженных сил составляет всего 5 500 чел. (30 000 чел. в резерве). Согласно уставу НАТО, при агрессии в отношении какого-либо из членов этого блока в его защиту выступают все остальные (принцип коллективной безопасности). Именно в Эстонии произошло вопиющее по своему варварству надругательство над памятью советских воинов, отдавших свои жизни в борьбе с фашизмом⁵. Причем постоянное русское население Эстонии, составляющее около 25%, подвергается постоянной дискриминации с молчаливого согласия властей Евросоюза, которые снисходительно и не без одобрения взирают на парады эсэсовских военных преступников в Эстонии и никак не реагируют на уголовное преследование ветеранов, боровшихся с нацизмом.

В интервью, которое в середине мая 2017 г. президент Эстонии К. Кальюлайд дала немецкой телерадиокомпании Deutsche Welle, заявлено, что на данный момент физической угрозы Россия для ее страны не представляет. Тем не менее она считает, что на территории Эстонии все же должен быть размещен батальон НАТО. Кроме того, с 8 по 26 мая 2017 г. в Эстонии состоялись учения «Весенний шторм», в которых приняли участие около 9 тыс. военнослужащих из 13 государств Североатлантического альянса.

Позиция нынешних эстонских властей состоит в том, что НАТО на 100% обеспечивает адекватное сдерживание любого потенциального агрессора, поэтому Россия нападать на Эстонию не будет [10]. Собственно говоря, об отсутствии таких планов неоднократно заявлял и российский МИД.

Литва стала независимым государством, по сути, до официального распада СССР, и случилось это в сентябре 1991 г. Отношения этой страны с Российской Федерацией складывались достаточно непросто, поскольку о своем выходе из состава Советского Союза Литва фактически объявила еще в 1990 г., а в январе 1991 г. Москва решила вернуть эту бывшую республику обратно, причем с использованием военной силы. Именно события той поры в Вильнюсе и некоторых других крупных литовских городах и являются основной причиной того, что Литва является на сегодняшний день прибалтийским государством, которое больше всего опасается России.

---

⁴ Amnesty International: Estonia – Amnesty International Report 2010. December 2011.

⁵ Konflikt um Sowjet-Ehrenmal – Streit zwischen Estland und Russland eskaliert // Spiegel Online, 1 Mai 2007, 8 Juni 2017.

Д. Грибаускайте, нынешний президент Литвы, является, пожалуй, одним из самых антироссийски настроенных политических лидеров. Следует особо отметить, что в этом с ней солидарна практически вся политическая элита страны [11], по мнению которой, политика Москвы опасна не только для прибалтийского региона, но и для всей Европы в целом. Особую тревогу литовских властей вызывает «декларируемая российскими властями доктрина, согласно которой они в качестве одного из своих внешнеполитических приоритетов рассматривают защиту русскоязычных за рубежом»⁶.

В 2014 г., после того как Крым на основании волеизъявления его граждан вошел в состав России, министр обороны Литвы Ю. Олескас заявил, что нечто подобное может случиться и в этой стране Балтии. Он сказал, что около 100 тыс. российских военных могут в течение всего нескольких часов выдвинуться к границам страны, и поэтому очень важно, чтобы на ее территории располагался воинский контингент НАТО в качестве сдерживающего фактора, причем на постоянной основе. Совсем недавно Грибаускайте выразила также большую озабоченность в связи с повышенной военной активностью Российской Федерации в границах с Литвой Калининградской области. Более того, она заявила, что российско-белорусские учения «Запад-2017» свидетельствуют о том, что Москва и Минск совместно готовятся к войне с Западом⁷. Таким образом, Литва видит в России значительную угрозу собственному суверенитету.

Латвия также объявила о своей независимости в 1990 г., еще до распада СССР. В новейшей истории ее отношения с Российской Федерацией складывались очень непросто. Одной из основных претензий к латышским властям со стороны России остается сложное положение многих русскоязычных жителей, которым не предоставлено гражданство и которые являются в республике, образно говоря, людьми второго сорта⁸. После того как Крым вошел в состав Российской Федерации, власти Латвии убеждены, что недовольные своим положением русскоязычные граждане могут попытаться провести собственный референдум о присоединении тех территорий, где они преимущественно проживают, к Российской Федерации⁹.

Чтобы максимально снизить вероятность такого развития событий, Латвия разместила на своей территории контингент НАТО, который, по ее мнению, в значительной мере гарантирует стране безопасность. Военные эксперты считают латвийскую армию самой слабой в прибалтийском регионе [12], так что для защиты от гипотетической агрессии со стороны Российской Федерации присутствие войск Североатлантического блока в этой стране действительно необходимо.

В вопросе отношения к России латвийское общество сейчас достаточно серьезно расколото. Подавляющее большинство русскоязычного населения

---

⁶ Russland verdoppelt Zahl der Soldaten bei Militärmanöver // Die Zeit, 19 März 2015.

⁷ Graham-Harrison E., Boffey D. Lithuania fears Russian propaganda is prelude to eventual invasion. The Guardian, 3 April 2017.

⁸ Werden die Russen in Estland und Lettland diskriminiert? URL: <http://baltikum-blatt.eu/baltikum-submenu/1089-werden-die-russen-in-estland-und-lettland-diskriminiert.html>

⁹ Der neue Fischer Weltatmanach 2017. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2016. S. 278.

никакой угрозы со стороны России не ощущает, в то время как большинство этнических латышей испытывают такие опасения [12]. Интересно, что не так давно глава полиции безопасности Латвии Н. Межвиетс заявил, что его сотрудниками зафиксировано несколько случаев, когда отдельные латвийские педагоги пытались «реализовывать геополитические интересы России»¹⁰, соответствующим образом воздействуя на своих учащихся.

Финляндия независимость от Советской России получила в декабре 1917 г., однако в 1939–1940 гг. бывшей российской провинции Чухне [13] пришлось воевать с Советским Союзом. Во время Второй мировой войны Финляндия была союзницей Германии, однако после ее окончания у СССР именно с ней сложились, пожалуй, самые лучшие отношения из всех капиталистических стран.

В последнее время отношения России и Финляндии серьезно ухудшились – вплоть до того, что нейтральная ранее Финляндия стала рассматривать возможность вступления в НАТО. Правда, в мае 2017 г. М. Хаутала, посол этой страны в России, во время своего рабочего визита в Екатеринбург заявил, что в действительности таких планов нет, однако отметил, что финны отнюдь не отказываются от своего права подать заявку на вступление в этот военно-политический блок. Посол сказал, что это может быть сделано тогда, когда будет наблюдаться явное ухудшение ситуации в области безопасности.

Финляндия озабочена присоединением Крыма к РФ и повышением военной активности России в Балтийском регионе. Не так давно в американском издании *The Wall Street Journal* появились сообщения о том, что финские власти решили серьезно реконструировать систему бункеров и тоннелей под Хельсинки протяженностью около 200 км. Как свидетельствуют эксперты, в этом подземном городе может разместиться все население финской столицы¹¹. Причиной того, что власти страны решили взяться за модернизацию этой системы коммуникаций, является, по их мнению, военная угроза со стороны Российской Федерации.

Дания как скандинавская страна располагается достаточно далеко от Российской Федерации, и военной агрессии не опасается. К тому же она давно является полноправным членом НАТО, что в значительной мере гарантирует ее безопасность. Тем не менее, в последние годы экономические и политические отношения Дании и Российской Федерации существенно ухудшились. Совсем недавно Дания высказала намерение направить полторы сотни своих военнослужащих в состав контингента НАТО, размещенного в Прибалтике [14].

Михаил Ванин, российский посол в Копенгагене, в своем недавнем интервью датским средствам массовой информации, констатировал, что в последнее время Дания проводит немало, как он выразился, «антироссийских кампаний», что выражается и в поддержке санкций, и в отправке своих военных в Прибалтику, и в целом ряде других совсем недружественных действий¹². Дания недовольна тем,

---

¹⁰ Infotop.lv – новости Латвии и мира, аналитика и путешествия. URL: http://infotop.lv/home/startpage_lv/lv

¹¹ Canonica F., Krogerus M., Simone S., Gertsch C. Was die Welt von Finnland lernen kann. Hei Suomi! Finland hat Geburtstag. Das Magazin. Zürich: Tagesanzeiger, Tamedia, № 13, Frühjahr 2017.

¹² Российский посол пригрозил Дании ядерным оружием, а в Минобороны призвали не делать из России «монстра». URL: <http://newsru.com/russia/21mar2015/vanin.html>

что российские военные самолеты нередко летают в непосредственной близости от ее воздушных границ.

Как и Дания, Швеция располагается достаточно далеко от России, но и с этой скандинавской страной отношения у Российской Федерации в последнее время складываются далеко не лучшим образом вследствие вхождения Крыма в состав России. Не так давно шведская газета *Dagens nyheter*, ссылаясь на свои собственные источники в спецслужбах страны, сообщила, что Швеция опасается роста угрозы со стороны Российской Федерации. Издание не стало конкретизировать, в чем именно состоят угрозы, поскольку его источники классифицировали эту информацию как совершенно секретную и имеющую большое значение для национальной безопасности государства. По данным издания, рассекречивание этой информации возможно только по специальному решению правительства.

Не так давно власти Швеции приняли решение досрочно вернуть в 2017 г. на остров Готланд размещавшуюся там ранее военную группировку. По уверениям шведских властей, это никак не связано с тем, что страна опасается военного вторжения, однако специалисты отмечают, что безо всяких причин военные гарнизоны в ускоренном порядке не размещаются. Следует также отметить, что по сообщениям той же газеты, *Dagens nyheter*, в шведском правительстве подумывают о вступлении страны в НАТО, хотя никаких официальных заявлений по этому поводу нет. Причиной тому также считается некая возросшая угроза со стороны России, которая, как уже было сказано, в Швеции является государственной тайной.

Польша, бывшая некогда территорией Российской империи и после 1945 г. — частью мировой социалистической системы, традиционно ощущает угрозу со стороны России. Как отметил в своем недавнем выступлении в Сейме министр обороны А. Мацирович, военная угроза в последнее время существенно возросла по причине значительного повышения активности российской военной авиации вблизи воздушных границ страны. По словам Мацировича, польским истребителям F-16 все чаще приходится вылетать на их перехват. Кроме того, значительное беспокойство польских властей вызывают и совместные российско-белорусские учения «Запад-2017».

Недавно в Варшаве состоялся саммит НАТО, по результатам которого Североатлантический альянс принял решение о серьезном усилении военной группировки, расположенной в Польше. Официальный представитель канцелярии президента А. Дуды по его результатам заявил, что во многом благодаря этой мере, страна в обозримом будущем уже не будет ощущать никакой угрозы со стороны России. Впрочем, некоторые известные польские эксперты считают, что так называемая российская угроза является фиктивной. Т. Янковский в интервью радио *Sputnik* отметил, что такая угроза полностью надумана для того, чтобы обеспечить необходимость закупки американских вооружений (в значительной степени, кстати, устаревших)¹³.

---

¹³ Польский эксперт: никакой «российской угрозы» не существует. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170620/1496930704.html

О своей обеспокоенности возросшей угрозой со стороны России для Германии и всей Европы не так давно официально заявил Б. Каль, нынешний глава федеральной разведывательной службы. Боевая мощь российских вооруженных сил, сосредоточенных вблизи западной границы Германии, в последнее время возросла вдвое. Каль отметил, что это никак нельзя расценивать в качестве оборонительных действий. В качестве практической меры противодействия российской угрозе является решение немецкого правительства обновить систему ПВО, о котором недавно сообщило агентство Reuters.

Однако трезвомыслящие немецкие политики понимают, что ухудшение отношений с Россией и экономические санкции лишь вредят экономике Германии. В середине июня 2017 г. официальные власти заявили, что новый пакет антироссийских санкций, который ставит под вопрос реализацию совместных российско-германских проектов, угрожает энергетической безопасности не только ФРГ, но и всей Европы. Глава немецкого внешнеполитического ведомства З. Габриэль отметил также, что сотрудничество Германии и России в сфере энергетики является прерогативой исключительно этих двух стран.

Итак, военно-стратегическая обстановка в Балтийском регионе остается напряженной и обусловлено это боязнью мифической российской угрозы. Живучесть этого мифа связана с агрессивной и недружественной политикой правительств балтийских стран по отношению к русскому населению, которое рассматривается в качестве граждан второго сорта, дискриминируется и потому видит в Российской Федерации возможного спасителя.

Деятельность НАТО в Балтийском регионе

Проблема приближения военной инфраструктуры блока НАТО к границам Российской Федерации не нова. В действующей редакции Военной доктрины¹⁴ прямо говорится, что основной внешней военной опасностью для нашего государства является приближение военной инфраструктуры стран – членом НАТО к границам Российской Федерации, в том числе и путем дальнейшего расширения блока. Кроме того, к внешней военной опасности относится развертывание или наращивание воинских контингентов иностранных государств на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях.

После распада СССР все три бывшие прибалтийские союзные республики и большинство стран Варшавского договора стали членами НАТО. В целом за последние четверть века новыми членами блока НАТО стали 13 государств, из которых четыре страны непосредственно граничат с территорией России. В качестве «компенсации» России предлагали участие в натовской программе «Партнерство во имя мира». Был предъявлен ряд условий, при выполнении которых наша страна могла бы участвовать в совместных учениях и миротворческих операциях. Российская сторона в соответствии с данной программой должна была взять на себя ряд обязательств, которые противоречили концепции ее военной политики (раскрытие военного бюджета, согласование

---

¹⁴ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976.

программы модернизации и развития ОПК). От России требовалось также реорганизовать вооружение и свою систему боевого управления, тактику действия военных формирований под стандарты НАТО. Учрежденный в 2002 г. совет «Россия – НАТО», функционировавший до 2014 г., также не дал никакого позитивного результата.

Обеспечение безопасности нашего государства зависит от резко меняющейся обстановки в стране и в мире. Проанализируем несколько редакций Военной доктрины Российской Федерации, что поможет понять мотивы, логику и причины реформирования силовых институтов власти в сфере обеспечения военной безопасности страны.

В Военной доктрине 1993 г. не было прямо сказано о проблемах, связанных с приближением НАТО к границам Российской Федерации. Речь шла о том, что внешней военной опасностью для России было расширение военных блоков и союзов в ущерб интересам военной безопасности РФ¹⁵.

В начале 2000 г. исполняющий обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путин утвердил новую редакцию Военной доктрины¹⁶. В качестве военной опасности извне стали рассматривать создание и наращивание группировок войск, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы РФ и ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях.

Через 10 лет, уже Президентом РФ Д.А. Медведевым были утверждены новые положения Военной доктрины¹⁷. Теперь приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе расширение блока, стали рассматривать как серьезную военную опасность, требующую незамедлительного реагирования.

Отсутствие в течение 10 лет законодательно закрепленной угрозы приближения инфраструктуры НАТО к границам РФ можно объяснить попытками России сблизиться с НАТО. В своем недавнем интервью режиссеру О. Стоуну Президент РФ В.В. Путин сообщил, что поднимал вопрос о возможности вступления России в блок НАТО еще в беседе с Б. Клинтоном¹⁸. Здесь стоит отметить, что вступление России в Североатлантический альянс, по сути, невозможно. Это своего рода утопия, так как после гипотетического вступления России в данную организацию НАТО теряет весь смысл своего существования. Стоит напомнить, что в 1949 г. блок НАТО был создан США в противовес Советскому Союзу, а Россия после распада СССР является его правопреемницей. Вступление России в НАТО означало бы конец самому альянсу, если только блок не обозначил бы нового врага – например, международный терроризм.

---

¹⁵ Основные положения Военной доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.11.1993 № 1833 (утратил силу).

¹⁶ Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2000 № 706 (утратил силу).

¹⁷ О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 № 146 (утратил силу).

¹⁸ Путин рассказал, что обсуждал с Клинтоном вступление России в НАТО. URL: <https://ria.ru/politics/20170603/1495759550.html>

Альтернативой взаимоотношений России и НАТО должно стать не вступление нашей страны в данный альянс, а поиск возможности сотрудничества с НАТО в случае соблюдения ряда условий, из которых важнейшими должны стать следующие:

1) блок НАТО должен взять на себя обязательство действовать в рамках норм международного права, неукоснительно соблюдая принципы Устава ООН, в том числе и в странах Балтийского региона;

2) альянсу необходимо трансформироваться из военного блока в политическую систему коллективной безопасности, включающую в себя военное ядро, способное незамедлительно реагировать на конфликты локального характера, могущие вспыхнуть в Балтийском регионе;

3) участники Североатлантического альянса обязуются соблюдать и исполнять норму ст. 5 Вашингтонского договора относительно того, что нападение на какую-либо страну – члена НАТО стоит рассматривать как нападение на всех, и применить это ко всей территории нашего государства;

4) должны произойти сокращение и унификация военных расходов;

5) блок НАТО должен отказаться от размещения вдоль российской границы в целом и в Балтийском регионе в частности военных объектов, способных противостоять российскому стратегическому потенциалу.

На сегодняшний день деятельность НАТО в Балтийском регионе представляется достаточно агрессивной, а против России развязана широкомасштабная информационная война, в которой огромную роль играют бывшие прибалтийские республики. Сама логика политических процессов заставляет Россию всемерно укреплять и расширять военное присутствие в Балтийском регионе.

Возможности РФ для обеспечения и защиты своих интересов в Балтийском регионе

Одним из механизмов в обеспечении военной безопасности Балтийского региона выступают силы и средства Западного военного округа, являющегося военно-административной единицей вооруженных сил Российской Федерации. Западный военный округ был образован в 2010 г. в ходе военной реформы путем слияния Ленинградского и Московского военных округов, Северного и Балтийского флотов, а также 1-го Ленинградского Краснознаменного командования ВВС и ПВО. Штаб-квартира округа располагается в Санкт-Петербурге. Войска и силы военного округа дислоцируются на территории трех федеральных округов (Северо-Западного, Центрального, Приволжского), включающих в себя территории 26 субъектов Российской Федерации. Западный военный округ входит в состав Объединенного стратегического командования (ОСК) «Запад». В связи со сложной международной обстановкой, вызванной в том числе наращиванием военного присутствия блока НАТО в Арктике, в декабре 2014 г., Северный флот был выведен из ОСК «Запад» и был включен в состав ОСК «Север» для комплексного обеспечения безопасности арктического региона, со штаб-квартирой в Североморске.

В законодательстве Российской Федерации имеется такое понятие, как оборона¹⁹, под которой понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. В целях обороны создаются Вооруженные силы Российской Федерации, при этом Минобороны России является органом управления Вооруженными силами Российской Федерации. К обороне привлекаются силы и средства ФСВНГ, МЧС России, СВР, ФСБ, ФСО, ГУСП, а также создаваемые на военное время специальные формирования.

Оценим военно-стратегический потенциал Вооруженных сил Российской Федерации в Балтийском регионе. Так, в состав ОСК «Запад» входят 2 общевойсковые армии (6-я Краснознаменная общевойсковая армия, 20-я гвардейская Краснознаменная общевойсковая армия); 1-я гвардейская танковая армия; 6-я армия ВВС и ПВО; Балтийский флот, а также соединения, воинские части и организации всестороннего обеспечения. По данным официального сайта Министерства обороны России, численность ОСК «Запад» составляет более 400 тыс. военнослужащих.

Непосредственно страны Балтийского региона граничат с территориями Ленинградской (Эстония, Финляндия), Псковской (Эстония, Латвия), Калининградской (Литва, Польша), Мурманской (Финляндия) областями, Республикой Карелия (Финляндия). В данных субъектах Федерации располагается достаточное количество сил и средств, способных отразить или предотвратить агрессию (или угрозу агрессии) против Российской Федерации.

Так, для поддержания состояния военной безопасности и в случае агрессии или угрозы агрессии против Российской Федерации силы и средства ОСК «Запад» и ОСК «Север», включающие в себя бригады, полки, батальоны, дивизии, центры, отряды, готовы выполнить приказ Президента – Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами Российской Федерации и защитить наше государство от акта агрессии. Под агрессией признается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации. Федеральный конституционный закон «О военном положении»²⁰ к актам агрессии относит ряд действий, направленных против России, выраженных в виде: вторжения или нападения вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию Российской Федерации, либо любая аннексия территории нашего государства или группы государств или ее части с применением вооруженной силы; бомбардировки вооруженными силами иностранного государства территории России или применение любого оружия иностранным государством против России; блокады портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства; нападения вооруженных сил иностранного государства на Вооруженные силы Российской Федерации или другие войска независимо от их

---

¹⁹ Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ.

²⁰ О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ.

места дислокации; действия иностранного государства, позволяющие использовать свою территорию другому государству для совершения акта агрессии против России; засылки иностранным государством или от имени иностранного государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Российской Федерации.

Большинство действий НАТО, предпринятых в последнее время в Балтийском регионе, напоминают готовящуюся военную агрессию против нашей страны, причем присутствие значительных сил сопровождается продуманными акциями информационной войны, направленными на сознание как россиян, так и граждан других стран Балтийского региона.

Выводы

Итак, Балтийский регион – это область традиционных геополитических интересов России, сфера обоснованных притязаний «русского мира» в экономике, политике и социокультурной сфере. Мир и спокойствие в этом регионе напрямую влияют на комплексную безопасность России, а военная активность НАТО, возросшая за последние годы, должна справедливо оцениваться как прямая угроза для военной безопасности нашей страны.

Россия не принадлежит к какому-либо военному блоку, поэтому активность НАТО не может быть оправдана необходимостью защиты или превентивных мер в ответ на российскую угрозу. Балтийский регион не должен превратиться в «ядерный пояс» враждебно настроенных по отношению к нашей Родине государств, тем более – в шахидский пояс смертников, ибо политкорректная и толерантная по отношению к азиатским мигрантам политика может привести к фатальным для всей европейской цивилизации последствиям.

С другой стороны, Россия должна укреплять свои политические и экономические позиции в Балтийском регионе и быть готова защищать их военными средствами, ибо усиление влияния нашей страны соответствует традиционным историческим и патриотическим традициям и, следовательно, реализации национальной идеи страны.

Библиографический список

1. *Бременский А.* Деяния архиепископов гамбургской церкви. В кн.: *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий.* М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2012. С. 297–449.

2. *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. Л.: Наука, 1964. 483 с.

3. *Корнеев В.С.* Международная регионализация на Балтике: монография. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 205 с.

4. *Корнеев В.С.* Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // *Космополис.* 2008. № 2. С. 68–76.

5. *Корнеев В.С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010. 79 с.

6. Балто-славянские исследования. XIX. Сборник научных трудов. СПб.: Нестор-История, 2014. 588 с.
7. *Maciejewski W.* The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies. Uppsala: Baltic University Press, 2002. 676 p.
8. *Жиркова С.В.* Роль Балтийского региона в сотрудничестве Россия – Евросоюз // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 6. С. 87-91.
9. *Кабузан В.М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М.: Институт российской истории, 2009. 151 с.
10. *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI в. М.: Аспект Пресс, 2015. 271 с.
11. *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M.* The History of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2015. 328 p.
12. *Schmidt T.* Das politische System Lettlands. In Die politischen Systeme Osteuropas. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 111-151.
13. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.
14. *Knauer C.* Dänemark. Ein Länderportrait. Berlin: Christian Link Verlag, 2017. 224 s.

Военная безопасность в период изменения политических режимов*

Существенной характеристикой политических систем является их динамичный характер. Политические системы, которые производят впечатление устойчивости и внешней неподвижности, претерпевают изменения, не всегда сразу заметные. Глубинные корни динамизма политических систем лежат в сосуществовании множества социальных групп и слоев, классов, отношения между которыми вследствие различия, а иногда и противоположности их интересов являются конфликтными. Как считает Л.С. Санистебан, темп и глубина изменений политических систем объясняется преобладанием консервативного, реформистского или революционного поведения [12, с. 83-84].

Особое значение в условиях трансформации политических систем приобретают способы реагирования власти на проблемы военной безопасности. Изменение политической системы нередко сказывается на возможности общества и государства адекватно отвечать угрозам и вызовам. Зачастую изменения касаются мобилизационных возможностей государства, а также объема ресурсов, которыми оно располагает; подчас происходит переоценка роли правовых и политических процедур, изменяется компетенция силовых институтов.

Переход от одного политического режима к другому принципиально изменяет модель обеспечения военной безопасности. Изменения касаются:

---

* Ковалев А.А. Военная безопасность в период изменения политических режимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №9. – Ч.1. – С.106-112.

- переоценки роли правовых процедур и компетенции силовых институтов;
- мобилизационных возможностей государства и объема ресурсов, которыми оно располагает для обеспечения военной безопасности;
- участия общественно-политических сил и отдельных граждан в обеспечении военной безопасности;
- степени гражданского контроля над деятельностью государственных органов, силовых институтов.

Несмотря на то, что обеспечение военной безопасности является одной из важнейших задач государства, на практике никто и никогда переход от одного политического режима к другому прямо не связывал с необходимостью укрепления системы военной безопасности. Среди причин политического перехода, как правило, называют экономические кризисы, социокультурные противоречия, разногласия в высших эшелонах власти, нелегитимность режима [14]. Вместе с тем, определенные явления в области военной безопасности могут предопределить судьбу политического режима. Так, например, дестабилизация режима может быть вызвана гипертрофированным вниманием к укреплению военного компонента в системе национальной безопасности. Чрезмерное внимание к военной составляющей может стать причиной появления проблем в других сферах жизни общества. Вместе с тем, недостаточное внимание к нуждам военно-политического механизма обеспечения безопасности государства и общества приводит к ослаблению возможностей по противодействию военным опасностям и угрозам, а также к потере самостоятельности во внешней и внутренней политике, полной или частичной утрате суверенитета.

Недостаточное внимание к нуждам военной сферы также может способствовать дестабилизации политического режима и стать одной из причин политической трансформации. Другими словами, преувеличение значения военно-силовой составляющей в системе безопасности или ее преуменьшение могут явиться причиной трансформации политических режимов.

Способы перехода от одного политического режима к другому определяют изменение системы военной безопасности. Их классификация определяется в соответствии с избираемыми критериями. По средствам осуществления различают мирный или насильственный переход; по форме протекания – эволюционный, реформаторский или революционный; по причинам обусловленности – навязанный извне или вызванный внутренними причинами.

Переходный период сопровождается нестабильностью политической системы, кризисными явлениями, снижением эффективности социального регулирования, постоянным возникновением стихийных неинституционализированных форм и альтернативных структур, а также изменением политических отношений.

Рассмотрим способы и модели политического перехода к демократическому режиму и их влияние на систему военной безопасности.

Каждому из них присущи свои особенности решения возникающих задач, обусловленные как характером авторитарного наследия, так и избираемыми стратегиями поведения. Взяв за основу взаимоотношения основных политических факторов (масс и элит), Т. Карл и Ф. Шмитер называют четыре

формы демократического перехода: навязанный и пактовый переходы, реформа и революция [18, р. 49-50]. Дадим им краткую характеристику через призму решения проблем военной безопасности.

1. *Навязанный переход*. Его отличительной особенностью является ярко выраженный элитный характер. Переход начинается, во-первых, если внутри политического руководства появляются силы, располагающие необходимыми ресурсами для навязывания своего политического видения. В большинстве случаев решение о переходе принимается под давлением внешних факторов: деятельности международных организаций, системы внешнеэкономических связей и т.п. Во-вторых, политический переход может навязываться извне, то есть при вмешательстве во внутрисоциальные процессы более сильных и субъектов международных отношений.

Навязанная модель военной безопасности, базирующаяся не на общности экономических, военных и других национальных интересов, а на идеологических основаниях, также не может являться устойчивой. Изменение идеологической ориентации влечет за собой изменение содержательной стороны системы военной безопасности.

2. *Пактовый переход* также является элитным. Отличительной особенностью пактового перехода является то, что он не навязывается одной из группировок политической элиты, а является результатом многостороннего соглашения представителей элиты. Пактовый переход осуществляется с большим успехом в условиях авторитарных режимов, где уже сложились институты социального представительства [21, р. 21-24]. В таком обществе элиты оказываются менее коррумпированными и более открытыми для рекрутирования новых членов. Пактовый переход осуществляется, как правило, в условиях, когда правительство обладает достаточным авторитетом. Эта форма политического перехода имеет реальные шансы на успех, т.к. характеризуется достаточно широким социальным представительством.

3. *Реформа* – одна из наиболее предпочтительных форм изменений политического режима, соответствующая эволюционному развитию общества и характеризующаяся сравнительной постепенностью и плавностью изменений. Реформы должны проводиться правовыми, конституционными средствами.

Они успешны, когда активными участниками политического процесса наряду с элитами выступают массы при условии их последовательного проведения во всех сферах общественной жизни.

Продуманное реформирование военного механизма государства приводит к значительному сокращению бюджетных затрат при улучшении качественных показателей.

4. *Революция* – насильственная форма ниспровержения прежнего политического режима, замена политической власти одних социально-политических сил другими.

Революционный переход от одного политического режима к другому предполагает решительную ломку старого военного механизма обеспечения безопасности. Различаются не только формы политического перехода, но и его

модели. Так, С. Хантингтон выделяет и характеризует три модели перехода от авторитаризма к демократии [13]:

1) *классическая линейная модель* демократизации (Великобритания, Швеция) характеризуется постепенным ограничением монархической власти, расширением прав граждан и парламента. Сначала подданные получают гражданские (личные) права, затем политические и позже – социальные. Постепенно ограничиваются и устраняются избирательные цензы, парламент становится высшей законодательной властью и контролирует правительство. Применительно к сфере военной безопасности эта модель может характеризоваться постепенным ограничением субъективных представлений авторитарных лидеров об опасностях и угрозах, способах противодействия им, возрастанием значения представительных органов власти в определении сущности военной безопасности, в контроле над деятельностью силовых институтов, известным внедрением демократических начал во внутриармейские отношения;

2) *циклическая модель* (во многих странах Латинской Америки, Азии и Африки), по мнению Хантингтона, предполагает сочетание демократических и авторитарных форм правления при формально позитивном отношении к демократии политической элиты. В этом случае избранные народом правители либо свергаются военными, либо сами узурпируют власть, опасаясь потерять ее, сталкиваясь с растущей непопулярностью и сильным противостоянием оппозиции.

Характерной особенностью обеспечения военной безопасности при такой модели политического перехода является превалирование внутренней безопасности над внешней. Средства, традиционно выделявшиеся на оборону, теперь предназначаются для нужд внутренней безопасности, в частности, для обеспечения контроля за общественным порядком.

При этом под внутренней безопасностью понимается, как правило, задача преодоления, нейтрализации и ослабления любого противостояния или насилия, свершающегося внутри национальных границ. Таким образом, одной из основных функций вооруженных сил в новых государствах оказывается внутренняя – предотвращение внутривнутриполитических конфликтов, обеспечение безопасности правящего режима и политической стабильности в стране. Укрепление национальной безопасности и обороны также обусловлены заботой о политической стабильности. В таких условиях внешнюю безопасность государства гарантируют региональные военно-политические организации или страны, доминирующие в регионе. Если же возникают реальные военные угрозы, то государства циклической модели отдадут предпочтение силовым средствам их нейтрализации. С этой целью страны «третьего мира» в переходный период создают достаточно мощные, современные вооруженные силы;

3) *диалектическая модель* (Испания, Португалия, Греция), по Хантингтону, предполагает, что авторитарный и демократический режимы могут на протяжении определенного исторического периода несколько раз сменять друг друга, оказываясь неэффективными в управлении страной. Поскольку переход к демократии осуществляется под влиянием уже достаточно созревших для нее

внутренних предпосылок (индустриализации, многочисленного среднего класса, высокого образовательного уровня граждан, рационализации и индивидуализации массового сознания), то нарастание этих факторов приводит к тому, что авторитарный режим уступает место более стабильной демократической системе.

В прямой зависимости от становления нового политического режима находится процесс формирования новой модели военной безопасности. Взяв за основу четыре основные фазы демократизации, предложенные У. Росту [20], мы можем сформулировать четыре основные фазы создания новой системы военной безопасности.

1. Формирование предпосылок перехода к новой модели военной безопасности. Такие предпосылки зреют во всех сферах жизнедеятельности общества.

2. Подготовка к смене существующей модели военной безопасности. Этот процесс происходит в рамках продолжительной и непрерывной политической борьбы в обществе, в фокусе которой оказываются военно-политические проблемы: место, функции и роль армии, других силовых институтов в политической системе общества, сущность военной безопасности и механизм ее обеспечения.

При отсутствии национального единства этот процесс может ознаменоваться поляризацией, дезинтеграцией и расколом общества.

3. Непосредственное формирование новой модели военной безопасности. Это фаза принятия и осуществления решений, связанных с созданием системы и механизма обеспечения военной безопасности.

4. Стабилизация сформированной системы и механизма обеспечения военной безопасности. На этой стадии происходит окончательная «притирка» военной и других сфер жизнедеятельности общества. Сложность политического перехода обусловлена тем, что все элементы политической системы не могут быть заменены одномоментно.

Остановимся на роли внешнего фактора. Его роль чрезвычайно важна как при переходе к демократическому политическому устройству, так и в случаях, характеризующихся прямо противоположным вектором политических изменений.

Переход к демократии – не просто переход к демократической, конституционной, плюралистической политической системе и рыночной экономике, но и переход к большей открытости в международных процессах и контактах. Государство, вступившее на демократический путь развития, более восприимчиво к внешним импульсам, а значит, имеет больше возможностей для предотвращения военных угроз.

Основными направлениями внешнего воздействия на государства, вступившие на путь демократических преобразований, могут быть:

а) способствование созданию гарантий военной безопасности, причем не только внешней, но и внутренней. Создание гарантий безопасности дает возможность освободить необходимые для успешного завершения переходного периода финансово-экономические и психологические ресурсы. Благоприятное

внешнеполитическое окружение позволяет государству определить свои приоритеты таким образом, чтобы суметь обеспечить интересы народа и избежать угрозы военных конфликтов;

б) стимулирование экономических преобразований. Внешнее воздействие направлено на создание необходимых условий для освоения страной крупных инвестиций и ее полноценного включения в мировую экономику;

в) оказание помощи в формировании демократических политических институтов. Только последовательная реформа политических институтов превращает демократизацию в необратимый процесс. Кроме того, следует подчеркнуть, что в отличие от стран, переходивших к рыночной экономике и демократии в прошлые десятилетия, постсоциалистическое общество не может реформироваться стихийно, «снизу». Главным инструментом социальных преобразований в нем являются государство, а также другие политические институты: партии, общественные движения и ассоциации;

г) вовлечение в международные и региональные системы военной безопасности, создание условий, исключающих нарушение всеобщего мира или возникновение угрозы безопасности народов в какой бы то ни было форме.

Воздействие извне на государства, вставшие на путь реформ, обусловлено необходимостью интегрирования политики обеспечения военно-политической безопасности и социально-экономической политики в глобальном масштабе. Такая постановка проблемы, по мнению Я. Тинбергена и Д. Фишера, оправдывается тем, что «благополучие, являющееся главной целью социально-экономической политики, находится в столь сильной негативной зависимости от войны и военных приготовлений, что социально-экономическая политика, не принимающая в расчет последствия войны, нереалистична» [21, р. 21].

Анализ процессов перехода к демократическому политическому режиму показал, что внешнее вмешательство может совершаться как в насильственных, принудительных формах, так и в ненасильственных. Это внешнее воздействие носит рациональный характер, так как выполняет ярко выраженную социальную политическую функцию. Оно преследует конкретную цель, поэтому выполняет также инструментальную функцию.

К ненасильственным формам влияния на авторитарные режимы следует отнести:

- моральное воздействие на антидемократический режим;
- осуществление радио- и телевещания на территорию стран, в которых информация цензурируется;
- дипломатическое воздействие (от замораживания до разрыва дипломатических отношений, а также многостороннее воздействие через международные и региональные организации);
- материальную помощь внутренней оппозиции;
- образовательные и профессиональные обмены между странами с авторитарными и демократичными способами правления;
- использование экономического давления и санкций для экономического ослабления режима.

Для тех обществ, где авторитарный режим был военным по своей природе, или где военные фактически находились у власти, в целях эффективного демократического переустройства необходимо решить задачу по выводу военных из сферы политики. В этой связи широко известны рекомендации С. Хантингтона [13]:

1) безотлагательно очистить армию от потенциально нелояльных офицеров, включая как сторонников авторитарного режима, так и реформаторов армии, возможно, способствовавших установлению демократии;

2) консолидировать командные структуры вооруженных сил. Устранить аномалии и дать ясно понять, что глава правительства (государства) – гражданское лицо – является одновременно верховным главнокомандующим;

3) существенно сократить армию, учитывая, что ее непомерная численность диктовалась потребностями управления обществом;

4) использовать сэкономленные от сокращения армии средства для увеличения оплаты, пенсий, льгот, для улучшения жилищных условий офицеров;

5) реорганизовать вооруженные силы в форме быстрого реагирования по устранению угроз внутренней нестабильности – это устранил склонность военных думать о политике в отсутствие угрозы извне;

6) существенно сократить численность войск, расположенных в предместьях столицы и перевести их ближе к относительно малонаселенным и территориально удаленным местам;

7) снабдить военных современной техникой и электронным оборудованием, требующими овладения особыми навыками для их управления;

8) использовать любую возможность для выражения вооруженным силам своего уважения – посещать военные церемонии, вручать награды; подчеркивать, что военнослужащий сосредотачивает в себе важнейшие ценности нации, появляться, если это не противоречит конституции, в военной форме;

9) жестко наказывать организаторов переворота против нового правительства [17, р. 251-253].

Правительства практически всех государств, осуществляющих демократические преобразования, в той или иной мере используют эти рекомендации.

Внешнее воздействие осуществляется и на государства, в которых трудно решаемые демократические преобразования приводят к определенному возврату к авторитаризму.

Таким образом, внешнее вмешательство может преследовать различные цели – от подталкивания режима к самоизменению и стимулирования соответствующих кадровых перестановок до глубинных преобразований самой природы политического режима. Оно может быть активным и пассивным, позитивным и негативным, способствующим ослаблению или, напротив, укреплению режима.

Процесс формирования обновленной системы военной безопасности при переходе к новому политическому режиму длителен. Эта длительность определяется следующими взаимосвязями:

– между экономическими предпосылками и стабильностью демократического устройства;

– между сформировавшимися в эпоху авторитаризма нормами поведения масс, отдельных групп, личности и потребностями в новой демократической политической культуре.

В зависимости от степени перехода к новому политическому устройству и его необратимости можно выделить следующие возможные результаты:

- 1) успешная или консолидированная демократия;
- 2) неконсолидированная демократия, чреватая установлением полувотитарного режима;
- 3) реванш сил прежнего режима и реставрация прежних порядков;
- 4) возникновение принципиально нового вида авторитаризма с новой социальной и идейной базой.

Система военной безопасности при консолидированной демократии характеризуется не ценностнорациональной деятельностью людей по ее обеспечению, а целерациональной деятельностью [9]. При консолидированной демократии индивид, ориентируясь на цель, средства и результаты, уже не абстрагируется от своих потребностей и интересов, а согласует с ними свои действия. Ценности, в том числе военная безопасность, не абсолютизируются, не навязываются личности как высшая сила. Меняется соотношение между внешним стимулированием и внутренней мотивацией в пользу последней, целеполагание и целеосуществление все более соединяются в одном субъекте. В обществе складывается гражданский контроль над военно-силовыми институтами, над механизмом обеспечения военной безопасности.

Неконсолидированная, минималистская демократия может существовать в тех случаях, когда легитимность власти непрочна и успешно реализуется лишь часть демократических процедур, фактически сводимых к регулярным выборам и беспрепятственному созданию ассоциаций. Новые условия общественной жизни характеризуются при такой демократии разительным контрастом между официальной политикой реформ и реальным состоянием, самосознанием подавляющего большинства населения. Провозглашенные и широко тиражируемые в политическом лексиконе властвующих сил принципы и формы демократического устройства оказываются несоответствующими общепризнанным политическим категориям и понятиям. Очевидное выражение данного несоответствия – фактическое отстранение народа от власти и влияния на государственную политику.

Система военной безопасности при неконсолидированной демократии характеризуется противоречивостью, незавершенностью начатых преобразований. Механизм выработки военно-силовой политики, принятие военно-политических решений, их содержание и ход реализации, порядок строительства силовых структур находятся по-прежнему вне общественного контроля.

Еще более сложным представляется процесс демократизации силовых ведомств. Нормы и принципы, регулирующие деятельность силовых ведомств, находятся в серьезном противоречии не только с идеалами, ценностями

цивилизированного государства, но и с реальной жизнью общества. Общество во благо своей же безопасности должно заботиться о демократизации и гуманизации всех отношений внутри силовых ведомств, о правах и свободах военнослужащих, о воспитании их в духе верности идеалам демократии и прогресса. При неконсолидированной демократии эффективность общественных усилий по решению этих задач крайне низка. Декларации о приверженности государства новым, демократичным подходам в обеспечении безопасности не могут заслонить рецидивов старой модели силового понимания безопасности, отчуждения народа от военно-политического механизма обеспечения безопасности. Неконсолидированная демократия и чревата установлением полуавторитарного режима. Этому способствует и сохраняющаяся среди части населения вера в преимущества авторитарного правления, «сильную руку», национального лидера, который сможет обеспечить в стране необходимые порядок, стабильность и безопасность.

Ослаблению складывающегося политического режима способствуют следующие процессы:

- а) укрепление оппозиции режиму;
- б) завоевание ею значительной части умеренной оппозиции и вчера еще нейтральных слоев населения;
- в) возникновение неразрешимых проблем и вытекающих из них кризисов;
- г) появление в обществе кризисных групп;
- д) постепенная утрата правительством монопольного владения органами государственного принуждения;
- е) утрата реальной власти правительством.

Функционирование системы военной безопасности в условиях постоянно снижающегося уровня жизни населения, самоустранения государства от выполнения интеграционных и организационно-контрольных функций, компрометации в массовом сознании демократии и либеральных ценностей характеризуется следующими чертами:

- сведением безопасности к защите политического режима с помощью силовых структур, принуждению граждан и прямого насилия над личностью на фоне всеобщей бедности, приоритетом внутренней безопасности перед внешней;
- падением престижа армии, бездумным ее сокращением без обеспечения социальных гарантий военнослужащих.

При отсутствии необходимости защиты от внешнего врага основной задачей армии становится не защита общества, а защита государственных институтов, сохранение конституционного порядка, поддержание статус-кво [19, р. 364].

Подведем некоторые итоги данной статьи.

Любое изменение политического режима влечет за собой изменение системы и механизма обеспечения военной безопасности государства и общества. Переход от одного политического режима к другому принципиально изменяет модель обеспечения военной безопасности.

В период изменения системы военной безопасности объективно снижается способность государства к осуществлению одной из основных задач военной безопасности – обеспечению обороноспособности с опорой на собственные силы.

Государства-конкуренты, потенциальные противники могут воспользоваться ослаблением военной мощи государства, снижением его международного политического, а также военного авторитета и занять его политическую и военную нишу. Более того, контрагенты стремятся законсервировать его переходное состояние и воспрепятствовать восстановлению прежнего военного влияния.

На формирование новой модели военной безопасности влияют способ, модель, формы политического перехода. Значительное воздействие оказывают внешние факторы.

В силу закрытости и приверженности государственной идеологии темп, скорость преобразований системы военной безопасности отличаются от темпа и скорости преобразований в иных сферах общественного организма.

Степень завершенности политического перехода от одного политического режима к другому предопределяет степень формирования новой системы военной безопасности. Не может быть создана новая система безопасности без завершения задач переходного периода.

Длительность этого периода (процесса формирования новой модели военной безопасности) определяется исходными позициями государства (степенью экономического, политического и социального развития и др.), глубиной связи с прошлым, нормами поведения людей, потребностями в новой демократической политической культуре, а также в новой культуре военной безопасности.

Библиографический список

1. *Громыко Ю.А.* На пути к новому консенсусу по вопросам безопасности // Безопасность Евразии. 2005. № 1. С. 221-249.
2. *Жирнов О.А.* Политика России на постсоветском пространстве: прошлое, настоящее, будущее: обзор // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 2. С. 124-163.
3. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. 462 с.
4. *Золотарев В.А.* «Холодная война»: далекая и близкая // Армия. 1994. № 9. С. 32-37.
5. *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов в 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. 120 с.
6. *Касюк Л.А.* Активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве как фактор противодействия политике США в условиях перехода от биполярного к многополярному миру // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 604. С. 51-73.
7. *Корабельников А.А.* О необходимости расширения законодательных основ по вопросам военной безопасности России // Вестник академии военных наук. 2008. № 3. С. 29-34.
8. *Малашенко И.Е.* Безопасность и затратный подход // Коммунист. 1988. № 18. С. 14-22.

9. Проблемы демократизации в России: состояние и перспективы: материалы научно-практического семинара (21-22 мая 1998 г.). СПб.: Петрополис, 1999. С. 7-9.

10. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дисс. ... д. полит. н. СПб., 2000. 408 с.

11. Рассадин А.В. Военная сила и безопасность в объединяющемся мире // Военная сила. М.: МО РФ, 1993. С. 35-36.

12. Санистебан Л.С. Основы политической науки / пер. с испанского. М., 1992. 90 с.

13. Хантингтон С. Будущее демократических перемен: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 6. С. 11-18.

14. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интерпракс, 1995. 130 с.

15. Шеенков О.А. Военный институт государства и демократический контроль // Современное право. 2009. № 7. С. 12-14.

16. Bzezinski Z. The Great Transformation // The National Interest. 1993. № 33. P. 4-5.

17. Huntington S. The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman – L., 1991.

18. Karl T.L., Schmitter Ph.C. Democratization around the Globe: Opportunities and Risks / ed. by M. T. Klare, D. C. Thomas // World Security. Challenges for a New Century. N. Y., 1994. P. 49-50.

19. Munck G.L. Democratic Transitions in Comparative Perspective // Comparative Politics. 1994. № 3. P. 361-364.

20. Rustow U.A. Transitions to Democracy: toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. № 3.

21. Tinbergen Z., Fisher D. Warfare and Welfare. N. Y., 1987.

Военная безопасность как подсистема национальной безопасности*

Впервые в политическом лексиконе понятие «национальная безопасность» было употреблено в 1904 г. в послании президента Т. Рузвельта конгрессу США, где он обосновал присоединение зоны Панамского канала интересами «национальной безопасности» [6]. В последние годы эта проблема стала стержневой в исследованиях американских политологов, которые источник понятия «национальная безопасность» видят в теории «национальных интересов» [1, с. 18]. Большинство исследований определяют национальную безопасность

---

* Ковалев А.А. Военная безопасность как подсистема национальной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №11. – Ч.1. – С.71-78.

через силу либо с позиций взаимодействия государств, т.е. создания оптимальных условий развития системы международных отношений.

Одно из первых определений национальной безопасности в отечественной науке дано в энциклопедическом словаре по политологии. В соответствии с данным определением, «национальная безопасность – это категория политической науки, которая характеризует состояние социальных институтов, обеспечивающее их эффективную деятельность по поддержанию оптимальных условий существования и развития личности и общества... характеризует состояние нации как целостной системы» [5, с. 83-84].

Принципиально соглашаясь с этим определением, подчеркнем лишь, что термин «нация» здесь предполагает не только и не столько антропологическое и этническое происхождение индивидов, сколько их социокультурную, историко-культурную и государственную принадлежность.

Основными объектами, входящими в систему национальной безопасности, как явствует из приведенного определения, являются личность, общество и государство. Это – разномасштабные объекты системы, если рассматривать ее в вертикальном срезе. Они взаимосвязаны и взаимно обусловлены, но их место, иерархия, роль подвижны, изменчивы и определяются рядом обстоятельств, среди которых выделяются характер общественных отношений, политическое устройство, степень внешних и внутренних опасностей.

В модели отношений «личность – гражданское общество – государство» в идеале должно быть следующее содержание связей между названными элементами: человек как основной субъект через механизмы прямой демократии и различные институты гражданского общества делегирует наиболее значимые полномочия государству, осуществляя за ним гражданский контроль, но не посягая на его неотъемлемые, признаваемые всеми права.

Человек для государства в этом контексте есть цель существования, развития государства; критерием же эффективности государства являются реально обеспеченные права и свободы человека, качество и уровень его жизни и развития. Лишь в этом смысле человек – высшая ценность, критерий прогресса и благополучия общества.

Государство и гражданское общество являются средством для сохранения этой ценности и достижения цели развития, человек же – главным ресурсом государства по защите его же собственных по форме, но общественных по сути интересов.

Главный интерес государства должен быть сосредоточен на всестороннем развитии личности. Защита же конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества должны в конечном итоге служить для защиты личности – краеугольного камня государства.

При этом создается идеальная модель обеспечения безопасности: человек, являясь высшей целью системы национальной безопасности, внося свой определенный вклад в общую систему безопасности, в то же время делегирует

большую часть забот о своей безопасности гражданскому обществу, общество, в свою очередь, государству, а государство – в определенной мере – международному сообществу.

Национальная безопасность, таким образом, должна рассматриваться не как состояние «прочности, стабильности, незаблемости», а как системное свойство страны, которое позволяет ей прогрессивно развиваться в условиях существования рисков, неопределенностей, вызовов и опасностей. При таком подходе безопасность предстает не как «благо», дарованное извне в виде защиты, охраны, а как имманентное свойство страны, общества, государства, отдельной личности, тем более что государство как главный субъект безопасности обеспечить ее без участия всего общества эффективно не может. Специфика безопасности определяется спецификой опасностей и угроз и средствами реакции на них.

Государство признается центром политической системы, институтом власти, распространяющейся на общество и включенной в него в качестве особого социального института – политического класса, но не поглощающей общество. При этом безопасность государства характеризуется его способностью предотвращать, нейтрализовать, пресекать, локализовывать, ослаблять, снижать, парировать и, наконец, уничтожать опасности и угрозы для политической системы в целом, в частности для системы властных органов и учреждений, для территориальной неприкосновенности и целостности страны, ее населения.

Здесь безопасность государства рассматривается как состояние жизнедеятельности системы властных органов и учреждений, характеризующее качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития как самого государства, так и общества в целом, его граждан.

Безопасность государства может быть обеспечена наличием эффективного механизма управления и координации всех социальных сил общества, а также действенных институтов их защиты.

Военная безопасность государства в широком смысле слова – это такое состояние межгосударственных и внутригосударственных военно-политических отношений, обороноспособности страны, при котором предупреждается или сдерживается агрессия, уменьшается вероятность нанесения ущерба национальным интересам и вовлечения социальных групп в войну или военные конфликты. При этом в случае возникновения военной угрозы интересам личности, общества и государства гарантируется обеспечение их вооруженной защиты.

Военная безопасность государства в узком смысле – это такое состояние жизнедеятельности системы властных органов и учреждений, которое сохраняет качественные и количественные параметры надежности существования конституционного строя, политической, экономической и социальной стабильности и устойчивости общества посредством исключения военных опасностей и угроз, военного насилия.

Поскольку государство в рассматриваемом варианте не поглощает общество, общество также является суверенным, а государство – частью этого общества, то

возникает необходимость определиться в самостоятельном феномене – безопасности общества.

Безопасность общества, по нашему представлению, есть качественное выражение состояния устойчивого единства, паритета человека, общества и государства. Это состояние характеризуется рядом признаков: возможностями свободного развития ассоциативной жизни, сферы массовых движений, партий, группировок; развитием функции коллективности; осуществлением бесконфликтного взаимодействия большинства и меньшинства; достижением и поддержанием гражданского мира и общественного согласия; способностями ограничивать и преодолевать политическое отчуждение; устойчивым развитием и сохранением материальных и культурных ценностей, культуры, прогрессивных традиций; невмешательством в сферу личной жизни человека.

Безопасность общества возможна лишь при наличии общественных институтов, норм, развитых форм общественного сознания, позволяющих реализовать права и свободы всех групп населения и противостоять действиям, ведущим к расколу общества.

Таким образом, *безопасность общества* – это такое качественное состояние общественных отношений, которое обеспечивает прогрессивное развитие человека и общества в конкретных исторических и природных условиях.

Военная безопасность общества – это состояние, характеризующееся отсутствием военных опасностей и военных угроз в социальном и социокультурном пространстве, в котором связаны и взаимодействуют между собой независимые от государства индивиды. Иными словами, эти опасности и угрозы исключены из системы жизнеобеспечения социальной, социокультурной и духовной сфер, из производства, воспроизводства и передачи от поколения к поколению норм, образцов и стандартов поведения, традиций, а также из системы самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений.

Близким, но не тождественным понятию «безопасность общества» является понятие «*общественная безопасность*». Преимущественно оно используется специалистами права и практикуется как система общественных отношений и юридических норм, регулирующих эти отношения в целях обеспечения общественного спокойствия, неприкосновенности жизни и здоровья населения, нормального труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных и общественных организаций, учреждений и предприятий.

Национальная безопасность в конечном итоге связывается с зоной личной безопасности граждан, с безопасностью человека-гражданина, его положением в обществе, возможностью спокойно жить и трудиться, реализовывать свои материальные и духовные потребности. Таким образом, безопасность личности характеризуется реальным обеспечением ее конституционных прав и свобод, доступом к здравоохранению, образованию, культуре, возможности выбора деятельности по призванию, социальными гарантиями компенсации трудовых затрат, отсутствием всех форм принуждения. Безопасность личности достигается общественными институтами и организациями, государством, комплексом правовых и нравственных норм, которые позволяют ей развивать и

реализовывать социально-значимые потребности и способности, не испытывая противодействия государства и общества.

Поскольку национальная безопасность – это системное свойство страны, то она имеет целый ряд составляющих ее элементов, отражающих все многообразие внутренних и внешних, существенных и несущественных, необходимых и случайных связей и отношений. В содержательном плане в национальной безопасности в соответствии со сферами жизнедеятельности (в горизонтальном срезе) вычленяются следующие структурные виды: политическая, экономическая, экологическая, социальная, информационная, духовная, военная и другие виды безопасности. Их круг постоянно раздвигается.

Основанием для конституирования различных видов национальной безопасности является комплекс объективных и субъективных предпосылок:

- потребность людей, социальных групп, общества, государства, международного общества в том или ином виде безопасности для сохранения и развития самих себя, а также жизненно важных социальных и природных ценностей и объектов;

- расширение спектра опасностей и угроз, рисков и вызовов, которым и должна быть противопоставлена та или иная система безопасности;

- осознание уязвимости людей, их жизненно важных интересов без наличия той или иной системы безопасности;

- политико-правовое признание и закрепление этого вида безопасности;

- наличие соответствующей концепции, политики, стратегии.

Расширение содержания безопасности – не произвольный акт. Безопасность всегда была, есть и будет многомерным явлением. Однако каждый из элементов ее структуры имеет конкретно-историческое содержание и свою меру. От признания единственного вида безопасности – военной безопасности, – долгие годы доминировавшего в жизни человечества, практически все государства пришли к пониманию множественности видов безопасности.

Вместе с тем процесс расширения представлений о содержании безопасности продолжается: и в литературе, и в повседневной практике называются такие виды безопасности, как продовольственная, финансовая, демографическая, культурная, психическая, конституционная и т.д.

При многочисленности подходов к квалификации различных видов безопасности наиболее общим является определение трех ее видов на основе анализа природных, технических и социальных сил. Так, геобиофизическая безопасность связана с защищенностью людей и техники от катастрофического воздействия сил природы. Техническая (или технологическая) безопасность означает защищенность природы и людей от опасностей, исходящих вследствие возросшей мощи техники, скоростных машин и оборудования, вредных технологий. Социальная безопасность, в предельно широком плане, связана с обеспечением жизненно важных, значимых интересов людей в условиях возможных деструктивных воздействий социальных сил и процессов, возникающих в самом обществе.

Хотя военная сфера может породить геобиофизические и технологические опасности и угрозы, сама военная безопасность проявляется как составная часть

социальной безопасности, при этом составляющая данной дефиниции «социальная» употребляется в широком смысле (как «общественная»).

Для того чтобы определить место военной безопасности в общей системе национальной безопасности, раскроем в самом общем виде сущностные признаки других основных видов безопасности, а затем установим взаимосвязь между ними.

Подходы к пониманию сущности того или иного вида безопасности разные.

Начнем с безопасности политической. Несмотря на то, что сам термин «политическая безопасность» в РФ официально еще не конституировался, под ней понимается защищенность конституционного строя и политическая стабильность в обществе. Представляется, что суть политической безопасности не может быть сведена лишь к сохранению конституционного строя, она, прежде всего, характеризуется суверенностью, самостоятельностью как выбора, так и осуществления на практике политического курса, независимостью внешней и внутренней политики, способностью политического режима содействовать прогрессивному политическому развитию самого государства, общества, отдельного человека. Она обеспечивается совокупностью мер по выявлению, предупреждению и устранению тех факторов, которые могут нанести ущерб политическим интересам страны, народа, общества, граждан, обусловить политический регресс и даже политическую гибель государства, а также превратить власть и политику из созидательно-конструктивной в разрушительную силу, источник бед и несчастий для людей и страны [7]. Иначе говоря, достигается формированием такой политической системы, которая сумеет обеспечить баланс интересов различных социальных групп с опорой на приоритет личности.

Материальной основой национальной безопасности является экономический потенциал государства, который позволяет обеспечить национальный суверенитет, территориальную целостность, защиту интересов за рубежом, социально-экономическую стабильность общества, физическое и духовное развитие людей, наконец, соответствующий уровень обороноспособности. Состояние экономики страны, позволяющее эффективно выполнять эти задачи, характеризуется категорией экономической безопасности. Подчеркнем, что такое состояние национальной экономики определяющим образом не должно зависеть от действия внешних факторов [4]. Экономическая безопасность, таким образом, характеризуется уровнем материального производства, развития производительных сил и экономических отношений, наличия «эффективности» функционирования экономической инфраструктуры, полезных ископаемых, квалифицированной рабочей силы и системы ее подготовки, технологической самостоятельности, характером интеграции в систему мировых хозяйственных связей.

При наличии известных материальных ресурсов равновесие, стабильность, целостность и динамизм в обществе как качественные характеристики его безопасности возникают в результате социальной политики.

Одна из ее целей – социальная безопасность. Под социальной безопасностью в узком смысле слова мы понимаем такое состояние социальной сферы, которое

позволяет поступательно и устойчиво развиваться социальной структуре и социальным отношениям в обществе, надежно функционировать системе жизнеобеспечения и социализации людей. Социальная безопасность непосредственно характеризует состояние человека, людей как высшей ценности любой страны, а уровень социальных гарантий определяет уровень самой социальной безопасности. Таким образом, главный объект социальной безопасности – личность. Необходимо подчеркнуть, что социальная безопасность личности может быть обеспечена лишь в условиях сложившегося и устойчиво развивающегося правового государства.

Качественно новым элементом концепции национальной безопасности в современных условиях является включение в него такого элемента, как экологическая безопасность, отражающего одну из глобальных проблем современности.

В широком смысле слова экологическая безопасность – это безопасность жизненно важных для человечества экологических компонентов нашей планеты и поддержание надлежащего природного равновесия между ними. Это такое состояние природных и антропогенных экосистем, при котором обеспечиваются сохранение, рациональное использование, воспроизводство и повышение качества окружающей среды, не создаются опасности и угрозы для здоровья человека, необратимой потери природных ресурсов и других пагубных для различных форм жизни изменений в биосфере Земли. Экологическая безопасность государства – это состояние, исключающее военное или любое иное враждебное использование средств воздействия на природную среду и климат и гарантирующее максимальное предотвращение воздействия научно-технического прогресса на экологическую базу своего развития, недопустимость нанесения ущерба окружающей среде, в том числе и за пределами национальной юрисдикции. Экологическая безопасность характеризуется видовым разнообразием биосферы, состоянием почв и гидросферы, степенью антропогенной деградации ландшафтов, состоянием здоровья населения [2].

Безопасное развитие любого общества, государства, человека напрямую связано с их информационной безопасностью, так как информационная среда является системообразующим фактором этого развития. Под информационной безопасностью общества, государства подразумевается состояние отсутствия информационных опасностей и угроз либо, при их наличии, состояние устойчивости основных сфер жизнедеятельности (политики, экономики, науки, техносферы, сферы государственного управления, культуры, общественного сознания, военного дела и т.д.) по отношению к опасным информационным воздействиям (как внедрению, так и извлечению информации).

Информационная безопасность характеризуется способностью государства, общества, социальной группы, личности обеспечить с определенной вероятностью достаточные и защищенные информационные ресурсы и информационные попытки для поддержания своей жизнедеятельности и жизнеспособности, противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические

источники информации, осуществлять информационно-психологическое противоборство.

Каждый из рассмотренных нами видов безопасности, каждая такая подсистема, в свою очередь, оказывается системой по отношению к элементам, ее составляющим.

Наряду с представлениями об элементах национальной безопасности, в нее, как систему, входят и представления о структуре безопасности. Структура системы безопасности – это совокупность устойчивых отношений и связей между элементами, обеспечивающими ее целостность. Качество системы национальной безопасности определяется, во-первых, ее элементами (подсистемами) и, во-вторых, – их взаимодействием.

В структуре безопасности один из самых сложных вопросов – соотношение ее компонентов, которые находятся в органической взаимосвязи. Системы безопасности нет без взаимодействия.

Взаимосвязи между элементами, уровнями системы, между самими системами, как известно, могут быть различными: постоянными и переменными, необходимыми и случайными, устойчивыми и неустойчивыми, взаимостимулирующими и взаимодействующими. В полной мере это относится и к системе национальной безопасности России. Известно, что взаимодействие не только совместные и согласованные действия, а вид отношений и связей объектов между собой. Любое взаимодействие состоит из двух компонентов: единства и борьбы взаимодействующих сторон либо их содействия, которое является формой единства, но не сводится полностью к нему. Единство системы безопасности проявляется в динамической связи, взаимообусловленности ее структурных элементов, в неразрывности составных частей общей безопасности, в невозможности достичь ее посредством усилия в одной только сфере, не принимая во внимание другие составные части.

Эта динамическая связь существует между всеми элементами системы безопасности. Вместе с тем эти элементы в общей системе не равноценны. Их место и роль определяются степенью внешних и внутренних угроз. Проанализируем воздействие подсистем национальной безопасности на систему военной безопасности.

Ведущим фактором в конструировании и функционировании всей системы национальной безопасности выступает политическая безопасность, политика государства, политическая система, которая пронизывает все сферы безопасности и позволяет (или нет) в той или иной мере реализовывать возможности безопасности в реальную действительность. Воздействие системы политической безопасности на систему военной безопасности обусловлено следующими обстоятельствами:

а) усилением определяющей роли власти, государства, политической системы, политики в обеспечении благополучия народов, социально-экономического и культурного развития, поддержании общественного согласия, правопорядка и стабильности, развитии международного сотрудничества, а значит, и национальной безопасности;

б) специфическими особенностями государственной власти, ее абсолютными правом и монополией на легальное принуждение и насилие, наличием инструментов силового обеспечения политики государства, в том числе военной силой, правом вести войну, требовать от граждан страны обязательности участия в обеспечении военной безопасности;

в) ужесточением борьбы за власть, влияние внутри государства и на мировой арене, сопровождающейся рецидивами военно-силовых решений спорных вопросов;

г) эффективностью самой власти, политической системы, государства и его институтов, что является неременным условием нормализации международных политических отношений, а значит, складывания такой военно-политической обстановки, в которой нет места военным угрозам. С другой стороны, эффективность власти есть важное условие внутриполитической стабильности, которое определяет внутреннюю военную безопасность государства и общества;

д) ролью власти, государства в процессах артикуляции и агрегирования интересов общества, отдельных личностей, в том числе и интересов военной безопасности;

е) особенностями методов и форм осуществления политической власти – политическим режимом, предопределяющим механизм обеспечения военной безопасности.

Обеспечивая политическую безопасность государства и общества, мы тем самым создаем условия для их военной безопасности.

Конкретизируя взаимосвязь систем экономической и военной безопасности, отметим следующее:

а) только надежная, эффективная система обеспечения экономической безопасности может служить гарантом суверенитета и независимости страны, ее стабильного и устойчивого социально-экономического развития. При длительных и хронических превышениях пороговых значений, характеризующих нормальный уровень экономической безопасности, возможны не только крайне отрицательные, но и необратимые последствия в механизмах обеспечения безопасности государства, общества и личности;

б) экономика – материальная основа военной безопасности. Состояние экономической сферы страны, ее оборонного и промышленного комплекса определяет системы технического и тылового обеспечения институтов военной безопасности, количество и качество вооружения, военной техники и других материальных средств, их функционирование в мирное, военное время и в кризисные ситуации. Снижение уровня экономического развития страны как один из показателей снижения уровня ее экономической безопасности, в свою очередь, создает предпосылки к снижению уровня военной безопасности;

в) необходимая боеспособность сил, обеспечивающих военную безопасность, исходя из исторического опыта, может поддерживаться только в полном соответствии с экономическими возможностями государства. С учетом того, что возможности наращивания функционирования экономики с началом боевых действий, в силу многих объективных причин, будут ограничены, требуется уже к их началу иметь необходимые запасы военной продукции, сырья для

экстренного наращивания процесса ее выпуска и активизации работы действующих и резервных производственных мощностей. Мобилизационные, стратегические экономические резервы государство может создать (и сохранить) только при надежно функционирующей экономике страны, а без них рассуждения и об обороне, и о военной безопасности теряют смысл;

г) поскольку экономическая безопасность есть основа национальной безопасности, позволяющая функционировать всем другим ее подсистемам, то влияние на военную составляющую она осуществляет и опосредованно, через другие подсистемы. Например, несоответствие системы экономических производственных отношений потребностям производства и экономического развития страны как важнейшего фактора экономической безопасности неизбежно влечет искривления и в социальной структуре общества, которые, в свою очередь, вызывают искажения в интересах различных социальных групп и слоев и, будучи трансформированными в политику, наносят непоправимый ущерб как политической, так и военной безопасности.

Обеспечивая экономическую безопасность, мы создаем надежную материальную, а опосредованно – и духовную основу военной безопасности.

Неотъемлемая составляющая часть национальной безопасности – социальная безопасность, находящаяся также в единстве с другими подсистемами безопасности. Непосредственное воздействие системы социальной безопасности на военную определяется следующими факторами:

а) консолидация народа, его сплоченность, общественное согласие, гражданский мир, построенный на справедливом распределении общественного богатства, нравственное здоровье – как существенные характеристики социальной безопасности – являются одними из решающих сил обеспечения военной безопасности, особенно на стадии защиты от реальных военных угроз, а также снимают внутренний вектор военной безопасности;

б) в противовес этому социальная апатия, пассивность населения, вызванные низким уровнем жизнеобеспечивающих систем (низким уровнем социальной безопасности), существенно снижают стратегическую мощь государства, жизнестойкость государства и общества. Увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, расслоение общества на узкий слой богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, нарастание антагонизмов в социальной структуре и социальных отношениях ведут не только к появлению социальной напряженности, но и разрушают единство, целостность национальной системы безопасности, ибо каждый из социальных субъектов, находящихся в контакте друг с другом, заботится больше о своей собственной безопасности, нежели об общей. Военная безопасность в таких условиях становится как бы ведомственным делом, «не нужным» значительной части общества;

в) отсутствие достаточного уровня социальных гарантий, низкий уровень материального обеспечения и социальной защищенности военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также гражданского персонала военных организаций ведут к стремительному снижению престижа военной службы, сокращению количества и ухудшению качества призывного

контингента и мобилизационных ресурсов, сужению социальной базы военной организации, а значит, и системы военной безопасности;

г) поскольку главный объект социальной безопасности – личность, то подчеркнем, что реальный уровень социальной безопасности обуславливает мотивацию воинской службы, т.е. тех, кто непосредственно участвует в обеспечении военной безопасности.

Таким образом, укрепление социальной стабильности общества – важнейший фактор достижения эффективности принимаемых государством мер по обеспечению военной безопасности.

Определенное воздействие на военную безопасность оказывает и система экологической безопасности. Реальными опасностями и угрозами в современных условиях стали изменения в естественной основе жизни человека, негативно воздействующие на развитие общества: опасность изменения генетического фонда, недостаточная энергетическая, минерально-сырьевая и продовольственная обеспеченность развития, демографический дисбаланс, растущее загрязнение окружающей среды токсическими отходами. Все эти факторы как непосредственно, так и опосредованно влияют на систему обеспечения военной безопасности. Например, истощение природных ресурсов государства создает серьезные топливно-энергетические проблемы для институтов военной безопасности. С другой стороны, как в мирное, так и в военное время актуальной является проблема защиты войск от опасных экологических факторов, связанных с повседневной промышленной или хозяйственной деятельностью общества, а также от экологических факторов природного характера.

Первостепенное значение в современных условиях приобретает система информационной безопасности. Ее влияние на систему военной безопасности определяется следующими факторами:

а) освоением и использованием в интересах обороны и безопасности многими государствами новой сферы военно-силового противостояния – сферы информационного противоборства;

б) необходимостью развития интегрированных систем, средств связи и автоматизации, боевого управления, разведки, целеуказания, предупреждения, контроля и радиоэлектронной борьбы – этих важнейших составляющих информационного ресурса стратегических сил;

в) тенденцией информатизации средств вооруженной борьбы, объективной основой которой являются происходящее перевооружение войск (сил), создание multifunctional комплексов огневого поражения, а также совершенствование автоматизированных систем ПВО, авиационных комплексов и высокоточного оружия;

г) возможностью рефлексивного управления противоборствующей стороной, которое достигается посредством преднамеренных воздействий на информационный ресурс, а также использованием дезинформации для целевого воздействия на общественное мнение и военно-политическое руководство страны, что порождает принятие и реализацию этим государством политических и иных решений, желательных для другого государства. Аналогичные действия

предпринимаются для воздействия непосредственно на военнослужащих противника;

д) расширением возможности доступа через современные информационные сети к информации закрытого характера, данным, составляющим государственную тайну. В России этот фактор усиливается тем, что в отечественном оборудовании в основном используются импортные программно-аппаратные комплексы. Это дает возможность иностранным спецслужбам проникать в информационные сети заблаговременно, для чего они используют средства радиоэлектронной разведки, глобальные и региональные сети.

Таким образом, информация – системообразующий фактор во всех областях национальной безопасности.

Чем выше ее достоверность и качество, тем обоснованнее принимаемые решения, тем выше эффективность действий по обеспечению военной безопасности.

В качестве предварительного вывода отметим, что военная безопасность определяется не только уровнями развития и эффективностью функционирования всех иных подсистем национальной безопасности, но и носит интегративный характер.

Кроме того, опасности и угрозы в оборонной сфере есть порождение экономических, информационных, технологических и др. опасностей. Поэтому военная безопасность, в известном смысле, есть производная от других подсистем безопасности.

В свою очередь, военная безопасность оказывает существенное воздействие на все другие подсистемы национальной безопасности.

Во-первых, обеспечивая безопасность личности, общества и государства в оборонной сфере от военной агрессии со стороны других государств, предотвращая любое противоправное вооруженное насилие, направленное против государственного суверенитета и конституционного строя, территориальной целостности страны, гарантируя безопасность и военно-политическую стабильность в прилегающих к границам России регионах, свободу деятельности в Мировом океане и космическом пространстве, доступ к важным для России международным экономическим зонам и коммуникациям в соответствии с нормами международного права, мы создаем надежные условия для реализации национальных интересов России во всех других сферах (позитивное влияние или базовая функция военной безопасности).

Во-вторых, система военной безопасности находится в противоречии с другими подсистемами национальной безопасности (негативное влияние или детерминирующая функция военной безопасности). Гипертрофирование роли военной безопасности в общей системе безопасности, выделение на защитный механизм сверх меры общих ресурсов, что может быть не адекватно степени военных опасностей и реальных угроз, ведет к существенному ослаблению всех других подсистем национальной безопасности.

Кроме того, сама деятельность сил, обеспечивающих военную безопасность, оказывает воздействие на другие подсистемы национальной безопасности.

Приведем лишь один пример: повседневная деятельность Вооруженных Сил оказывает негативное воздействие на окружающую среду различными антропогенными, экологическими факторами. Это, прежде всего, радиационные, световые, тепловые, химические, шумовые, электромагнитные загрязнения окружающей среды, загрязнение бытовыми и хозяйственными отходами, нерациональное и/или ведущееся с нарушением технологий использование природных ресурсов.

Таким образом, все подсистемы национальной безопасности, как ее структурные элементы, находятся в постоянной взаимосвязи. Вырвать хотя бы один из этих элементов из целостного комплекса – значит разрушить всю систему.

Системы национальной безопасности нет без взаимодействия. Все подсистемы национальной безопасности влияют на военную безопасность. Поэтому военная безопасность не только определяется уровнями развития и эффективности функционирования всех иных подсистем национальной безопасности, но и носит интегративный характер, оказывая существенное воздействие на все другие подсистемы.

Библиографический список

1. Агаев Э.Т. Внешнеполитические аспекты концепции безопасности России // *Международная жизнь*. 1993. № 9.
2. Деркачев В.В. Международная экологическая безопасность: концептуальный и практический аспекты: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990.
3. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. 462 с.
4. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997.
5. Политология: энциклопедический словарь. М.: Издательство Моск. коммерч. ун-та, 1993. 408 с.
6. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000. 408 с.
7. Серебрянников В.В. Политическая безопасность // *Свободная мысль*. 1997. № 1. С. 18-32.
8. Стребков В.А. Военно-стратегический паритет как фактор международной безопасности: дисс. ... докт. филос. наук. М., 1990.
9. Харламов С.В. Геополитика и военная безопасность // *Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы*. М.: Институт востоковедения РАН, 1994. С. 159-163.
10. Шапошников Е.И. О концепции безопасности России // *Международная жизнь*. 1993. № 9.

Военная безопасность как проблема философии политики*

Философия политики – важная составная часть социальной философии, которая в последнее время начинает становиться все более актуальной в общем комплексе социально-гуманитарных наук. В своей предметной области философия политики во многом совпадает с теоретической политологией, которую можно рассматривать как преемника социальной философии, весьма быстро ставшей на ноги в социокультурной реальности XX в. В наступившем столетии политики обязаны решать сложнейшие внутри- и внешнеполитические задачи, но одной из главнейших является обеспечение комплексной безопасности страны.

В системе комплексной безопасности важнейшее место занимает военная безопасность – устоявшееся понятие, которое во всех европейских языках возникло с момента зарождения государственности и самой цивилизации. Достигнуть действенных успехов в деле укрепления военной безопасности без достижения должного уровня теоретического понимания данной проблемы невозможно. Теоретическое понимание проблемы военной безопасности немислимо без применения методологической базы философии политики, которая сама по себе обширна и многоаспектна. С целью рассмотрения некоторых аспектов проблемы военной безопасности в контексте философии политики обратимся к онтологическим, прагматическим, этическим и историко-логическим особенностям понятия «военная безопасность». Отметим, что все эти грани тесно переплетаются друг с другом, образуя неразрывное единство системного качества военной безопасности, поэтому сама военная безопасность не сводима к числу структурных элементов, ее составляющих.

За всю историю существования философии проблемы войны и мира, безопасности и экзистенциальных угроз часто становились предметом углубленной рефлексии. Вопросы обеспечения военной безопасности государства находили свое отражение еще в работах античных мыслителей. О «кратικής ασφάλειας» (государственной безопасности) рассуждали как первые представители любомудрия Фалес и Гераклит, так и столпы «высокой классики» Сократ, Платон и Аристотель.

Платон отмечал в диалоге «Федон», что война разгорается из-за жадности телесных удовольствий и требуемых для реализации этой цели богатств [1, с. 16]. К справедливым войнам Платон относил войны оборонительные или направленные на восстановление справедливости и полагал, что ничто не должно отвлекать воинов от обеспечения военной безопасности. Основная цель воинов – это сохранение мощи и целостности государства. Сущность безопасности, по его мнению, – это предотвращение вреда [2, с. 275].

Аристотель считал, что для защиты государства и его граждан необходимы специальные социальные институты, предназначенные для обеспечения мира [3, с. 307]. Стагирит видел справедливость войны в защите от врагов и установлении

---

* Ковалев А.А., Мусин Э.А. Военная безопасность как проблема философии политики // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №3. – С. 106-115.

наилучшего правления над варварскими народами. И Платон, и Аристотель различали строгие нормы войны в отношении соседей-греков и более слабые – в отношении варваров, к которым возможно применение методов, неприемлемых к эллинам. Как видим, политика двойных стандартов имеет давнюю историю в социокультурной и политической практике человечества. Проблема военной безопасности нередко решалась в зависимости от господствовавшей в ту или иную эпоху формы идеологии, завесившей от определенных этических воззрений. Онтология военной безопасности теснейшим образом была связана с этикой и аксиологией. Ценность самой безопасности имела человеческое, социальное и культурное значение, а безопасность рассматривалась как явление действительности, как нечто сущее. Различное понимание добра и зла, блага и вреда не могло не сказаться на трактовках проблем войны и мира – порой диаметрально противоположных у разных мыслителей.

Гай Юлий Цезарь считал, что безопасность должна обеспечиваться вооруженной силой [4, с. 430–439], хотя уже Геродот в своей «Истории» сообщает об античных формах информационной войны и своеобразных «идеологических диверсиях». В пятой книге великого труда рассказывается, как Аристагор Милетский искусным психологическим воздействием уговаривает персидского сатрапа склонить царя к захвату Наксоса, Пароса, Андроса и других Кикладских островов, а также города Евбеи [5].

Постепенно трансформация самой сущности войны приводит к изменению понимания военной безопасности. Совершенствование способов истребления себе подобных толкало людей на изучение разнообразных подходов к проблеме безопасности, в том числе и военной, ибо людей в человеческой истории чаще всего истребляли на войне – величайшей опасности для единичного и общего социального бытия. Длительные и суровые военные действия служили для любой цивилизации проверкой на прочность. Великая европейская цивилизация возникла в Греции, структурно и законодательно окрепла в Римской республике и впоследствии в империи, а окончательно сформировалась в Европе. Новая и свежая кровь европейских народов влилась в жилы греко-римской цивилизации. Европейская цивилизация триумфально пошла по миру. Отнюдь не погруженные в наркотический сон индусы с их верой в нирвану, а деятельные европейцы создали паровой котел, открыли Америку и создали «Илиаду», «Божественную комедию» и «Фауста».

Весь современный мир – продукт пассионарности европейской цивилизации, если использовать терминологию великого мыслителя Л.Н. Гумилева. Бывшие варвары распространяли свои ценности не только мирным путем, но преимущественно огнем и мечом. Благие цели достигались порой весьма спорными средствами, среди которых война занимала главенствующее место. Особо подчеркнем, что христианская западная цивилизация была создана сильными телом и духом, воинственными, гетеросексуальными и абсолютно неполиткорректными людьми, убежденными в превосходстве своего этноса, религии и культуры. С другой стороны, все негативные тенденции и кризисные явления современной эпохи (экологический кризис, аннигиляция нравственности, военные конфликты) также, по большей части, являются результатом развития

западноевропейской цивилизации. Сама война может быть понята как превышение меры здоровой агрессивности и неуживчивости, которая жизненно необходима для возникновения любой цивилизации. Желание доказать свою правоту, в том числе и военной силой, коренится в природе западного человека. В этом – диалектическая связь силы и слабости западной цивилизации, где ценность часто оборачивается антиценностью, а добро – злом.

В Новое время Эразм Роттердамский утверждал, что обеспечение безопасности возможно не только военными средствами [6]. Несколько ранее Уильям Оккам сказал Людвигу Баварскому, у которого с 1328 г. скрывался в Мюнхене от преследований Римского Папы: «Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером». По сути, вся христианская цивилизация базируется на признании важности Слова, понимаемого как Дух, Логос, могущий убивать и воскресать: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1:1). Искусно сказанное и вовремя употребленное слово могло не только вызвать войну, но и предотвратить кровопролитие.

По сути, эти мысли трансформировались в воззрения выдающихся политологов современности. Такие исследователи, как В.К. Потехин, В.И. Слипченко подчеркивают, что применение вооруженного насилия отнюдь не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами [7; 8]. Если придерживаться такой точки зрения, то Третья мировая война уже идет полным ходом. Ведь и в 1930-е годы военные действия велись в разных регионах земного шара до того, как разразился мировой военный пожар, а накал идеологической борьбы был обжигающе горяч.

Даже после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. никто из политиков того времени не говорил о том, что началась Вторая мировая война. Даже само слово «война» ими не употреблялось. Немецкая официальная пресса писала о военных действиях в Польше как о «борьбе за мир в Европе», советские пропагандисты после 17 сентября 1939 г. именовали раздел и уничтожение Польши «защитой братских народов» – правда, без уточнения того обстоятельства, от кого эти народы защищаемы. Итальянская пресса вторжение Гитлера в Польшу трактовала как «выполнение миротворческой миссии».

Сегодня часто вспоминают о различных трактовках стратегии не прямых действий сэра Б. Лиддел Гардта, бывшего современником двух мировых войн и самых разнообразных кризисов, в том числе и Карибского [9]. Традиционное понимание войны устарело и не отвечает в полной мере среде безопасности в XXI в. Мысли Лиддел Гардта о том, что для достижения победы противника нужно любой ценой вывести из равновесия, активно используются для стратегии современной информационной войны, а создание действенной стратегии такой войны невозможно без мощной политико-философской базы.

При рассмотрении состояния военной безопасности России как проблемы философии политики в современной ситуации следует учитывать, что войны как явление социокультурной реальности всегда возникают как следствие неразрешимых противоречий в межгосударственных отношениях. Эти противоречия, как и некоторые болезни, хотя порой и загоняются внутрь

общественных организаций, но все равно рано или поздно проявляются, и порой это происходит самым роковым образом.

Ныне уже нет противостояния двух общественно-политических систем, но налицо противостояние цивилизаций, возникшее из-за неразрешенных цивилизационных противоречий. За последние годы наблюдается тенденция к возрождению Русского мира как геополитического единства. Само понятие «Русский мир» в современную эпоху стало интенсивно употребляться отечественными социальными философами, историческими философами и политологами после встречи В.В. Путина с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге. Именно тогда, в канун Года русского языка, Президент РФ в качестве важнейших составляющих «русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру». В.В. Путин тогда отметил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – «русский мир». Это пожелание Президента РФ было выполнено социальными философами и политологами, и дискуссии о Русском мире как о некоей общности приняли оживленный характер.

И пусть пока само это понятие носит, по большей мере, культурологический и идеологический оттенок, но налицо и практические шаги, предпринятые в процессе создания и укрепления Евразийского экономического союза, созданного при ведущем активном участии России 1 января 2015 г.

Сама возможность укрепления позиций России вызывает активное противодействие Запада. Идеологические схватки превращаются в борьбу геополитических концепций. Главное, чтобы при этом не страдала истина, ибо она вновь – и уже давно – в ряде научных исследований как на Западе, так и в нашем Отечестве, в некоторых секторах общественно-политического знания запрещена. Господствует идеология в самых разнообразных формах и модификациях. Если же истина противоречит идеологии, то эта истина объявляется преступной. Именно поэтому важно не повторять ошибок советского времени, когда безграмотные идеологи в 1970–1980-е годы привели державу к духовному вакууму и экономическому краху. Важно также не опуститься до уровня западных «прогрессивных» политологов, для многих из которых основным методом научной дискуссии является лишь стройная и продуманная система оскорблений оппонентов.

В современную эпоху происходит унификация мира по американским стандартам, и этот процесс угрожает национальной безопасности многих стран, в том числе напрямую и военной безопасности России. Этот процесс красиво именуют глобализацией. Как отмечает П.А. Горохов, «глобализация – всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по западным стандартам систему, совпадающий, по сути дела, с Третьей мировой войной, которая ведется развитыми странами Запада против остального мира» [10, с. 44].

Сама военная безопасность любой страны напрямую связана с ее властными структурами. Т. Гоббс акцентировал внимание на том, что у верховной власти есть право объявления войны и заключения мира [11]. Мыслитель много

рассуждал о войнах, причины которых коренятся в человеческой природе, склонной в агрессии. В своем труде «Левиафан» философ опровергал старую истину Аристотеля о том, что человек является по природе своей общественным существом.

Но подлинной безопасности можно достичь лишь при отказе от состояния «войны всех против всех», от «права всех на все». Люди заключают общественный договор, суть которого заключается во взаимных обязательствах между подчиняющим и подчиняющимися. Именно государство – главный гарант всеобщей безопасности. Государство призвано соблюдать нерушимость общественного договора, который, по словам Т. Гоббса, «без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность» [12, с. 338]. Ныне эти мысли кажутся трюизмом, но в эпоху зарождения капитализма и создания новых общественно-политических концепций идеи Т. Гоббса были струей чистой воды в замутненном болоте средневековых предрассудков.

Собственно, именно Т. Гоббс и Дж. Локк являются творцами теории безопасности, которая стала утверждаться в Новое время и оказала значительное влияние на идеологию и практику европейских государств, в том числе созданных на основе философских и правовых идей Дж. Локка Соединенных Штатов Америки. Именно мысли и доводы, содержащиеся в его произведении «Два трактата о государственном правлении» [13], американские колонисты использовали в своей борьбе против королевской власти во время Американской революции.

Война непосредственно связана с политикой и имеет политическое содержание. Так было всегда, но именно с возникновением капитализма в Европе политические интересы стали довлеть над прочими и определять состояние войны и мира. К началу XIX столетия, в бурную эпоху наполеоновских войн, определились основные контуры теории войны и военной безопасности. Здесь нельзя не вспомнить о классической книге Карла фон Клаузевица «О войне», созданной в 1832-1837 гг. и призванной осмыслить величественную Наполеоновскую эру, порожденную кровавой и великой Французской революцией. По К. Клаузевицу, война является рационально организованным инструментом национальной политики. Безопасность – состояние, свободное от военной угрозы. Здесь Клаузевиц идет в русле основных концепций немецкой классической философии, согласно которым разум довлечет над природой и рационально можно постичь все загадки мироздания. Клаузевиц вполне логично и рационально связал войну и политику. «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств» [14, с. 101].

К. Клаузевиц подчеркивал, что войны не возникают внезапно, но долго и тщательно подготавливаются национальными правительствами, проводящими определенную политику. Война, являясь частью единой системы, лишь продолжает в иной форме предшествующую политику государства. Политика порождает войну, а не наоборот. Если же правительство начало войну, то оно лишь рационально продолжает ту политику, которую проводило до начала военных действий. Мирная политика призвана удовлетворить собственные

эгоистические интересы, но если она не дает желаемых результатов, то государственная власть переходит к другой форме политики – войне, главной целью которой является сокрушение вражеской политики военными средствами. Отсюда «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [14, с. 3].

Разумеется, в современную эпоху цели войн не всегда являются политическими в традиционном смысле, ибо меняются сами представления о должном и сущем в политике. Эти цели не всегда эксплицитно связаны с идеологическим и геополитическим выражением национальных интересов, но имплицитно отражают эти интересы. Геополитика теснейшим, часто неявным образом связана с целым комплексом этнических и религиозных аспектов целей и достижением территориальной или языковой идентичности. Разумеется, само право применять вооруженное насилие при ведении войн в современную эпоху принадлежит не только заинтересованным государствам, но и союзам государств и транснациональным корпорациям.

Суть военной безопасности для России – предотвращение войны, которая угрожала политической и социокультурной целостности страны на протяжении всей ее истории. Здесь онтологическая сущность явления сливается с праксеологической стороной. Некоторые аспекты проблемы военной безопасности в условиях силового противостояния цивилизаций в логико-историческом аспекте уже рассматривались в предшествующих работах [15]. Отечественные мыслители часто обращались к проблемам войны и военной безопасности, ибо война была перманентным явлением для русской истории. Гигантская территория России с богатейшими людскими и природными ресурсами издревле манила к себе захватчиков.

Выдающийся историк М.Н. Покровский совершенно справедливо отмечал, что история – это политика, опрокинутая в прошлое [16]. Порой историк-большевик говорил, что история есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего. Видимо, эта максима является парафразом мысли британского историка Эдварда Фримана: «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего» [16].

Фактически на протяжении всей своей государственной истории России пришлось отражать удары завоевателей, мечтавших захватить богатые и обширные просторы Руси. В начале XVII столетия Россия оказалась под угрозой потери государственности, которая была восстановлена не усилиями верховной власти, а инициативой снизу – народным ополчением, созданным в Нижнем Новгороде под руководством князя Дмитрия Пожарского и гражданина Кузьмы Минина.

Именно вечная необходимость отражать удары многочисленных внешних врагов нашла свое отражение в самой этимологии русского слова «безопасность». Этимологически безопасность означает состояние свободы от любой возможной опасности, что подчеркивал В.И. Даль в своем великом Словаре. Он определяет слово «безопасность» как «отсутствие опасности; сохранность, надежность». Далее читаем: «Безопасливый, ничего не опасующийся, неосторожный, самонадеянный, смелый и опрометчивый; безопасливость – свойство, качество».

В контексте рассматриваемой тематики интересна поговорка, которую приводит в этой словарной статье В.И. Даль: «Безопасливость губит» [17, с. 67].

Немецкое слово *die Sicherheit* означает «безопасность» и «уверенность», а логика и корни английского *security* и французского *la sécurité* коренятся в латинском слове *securitas*, которое означает состояние уверенности, надежности, стабильности и беззаботности. Собственно, и это латинское слово произошло от древнелатинского «*sesed*» (без) и *cura* (забота).

В аксиологическом аспекте саму свободу как величайшую ценность можно понимать как в положительном («свобода для»), так и в отрицательном («свобода от») аспектах. Военная безопасность как состояние свободы для мирного и творческого труда всегда была идеалом для русских патриотов. Военная безопасность, сама выступая одной из высших ценностей, давала возможность развиваться высшим духовным потенциям народа. В этом – главный аксиологический аспект военной безопасности.

До 1990-х годов отечественная социально-политическая мысль военную безопасность вполне логично ассоциировала с понятием защиты социалистического государства, и укреплением его обороноспособности. Огромную роль играл социалистический патриотизм. В ельцинские годы над патриотизмом посмеивались разные общественно-политические деятели, обанкротившиеся политики, люто ненавидевшие Россию, особенно любили вспоминать афоризм поэта Самуэля Джонсона «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» (*Patriotism is the last refuge of a scoundrel*). С начала 2000-х годов смехи по поводу патриотизма, патриотов и необходимости укреплять безопасность страны стали затихать, но окончательно утихли лишь тогда, когда в феврале 2016 г. В.В. Путин объявил патриотизм национальной идеей России.

В 1994 г., в разгар ельцинского безвременья, лауреат Нобелевской премии мира и бывший Государственный секретарь США Г. Киссинджер, изрек: «Любой, кто хоть сколько-нибудь обстоятельно изучал историю России, знает, что именно русский национализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами» [18]. На наш взгляд, эксполитик верно уловил основную философскую составляющую национальной идеи нашей страны, которой она была верна во всех государственно-политических формах на протяжении своей истории (Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз). Г. Киссинджер считается не только выдающимся американским интеллектуалом, но и инициатором и главным проводником политики разрядки в отношениях США и Советского Союза. Г. Киссинджер тщательно изучал русскую историю и литературу, поэтому резюмировал свои наблюдения пророчески: «А ныне русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли рассчитывать на какую-то иную реакцию на это унижение, нежели взрыв национализма?» [18].

Пусть иностранцы именуют русский патриотизм национализмом! Из-за этого вовсе не стоит отрекаться от самих себя и великой истории своего государства лишь потому, что кому-то хочется называть наше Отечество последней империей в мире, а русский патриотизм именовать национализмом. Степень военной безопасности напрямую связана с уровнем патриотизма, ибо безопасным может

считать себя лишь государство, свободное от внутренних распри и могущее в любой момент отразить внешнюю опасность силами как армии, так и всего народа.

Патриотизм – диалектический синтез онтологической и аксиологической составляющих духовности, без которого невозможна безопасность страны. Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества является стратегической целью национальной безопасности, согласно Указу Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 7 мая 2018 г., после инаугурации Президента РФ, был издан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Данный документ направлен на укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации.

Таким образом, очевидно, что само понимание термина «военная безопасность» в разных исторических эпохах у различных мыслителей варьировалось, различается оно и у современных мыслителей – политологов, философов, юристов. Например, военную безопасность можно понимать «как состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия» [19, с. 81–82].

Различные аспекты безопасности – экономические, политические, психологические и т.д. – исследуются уже в течение столетий. Однако к середине XX столетия явственно высветилась необходимость обобщения множества эмпирических данных и отдельных теоретических положений. Необходим синтез знаний о самом феномене безопасности, создание системной концепции обеспечения безопасности. Многие ученые и в России, и за рубежом приступили к активному исследованию проблем, связанных с обеспечением национальной и международной безопасности. Однако, существенные различия в подходах к трактовке социальных процессов, к объяснению их логики также явились причиной возникновения большого количества концепций иногда дополняющих друг друга, а, зачастую, и противоречащих друг другу.

Итак, рассмотрев онтологические, праксеологические, аксиологические, этические и историко-логические особенности понятия «военная безопасность», можно сделать вывод, что военная безопасность России не сводима к числу составляющих структурных элементов, так как образует внутреннее и внешнее единство. Онтология теснейшим образом связана с праксеологией, а этика – с аксиологией, которая, в свою очередь, базируется на сущностной основе. Логика исторического процесса высвечивает экзистенциальную и онтологическую проблематику.

Тем не менее следует констатировать, что исключить само начало локальных военных действий в эпоху противостояния цивилизаций чрезвычайно сложно. По сути, в мире уже вспыхнули очаги новой мировой войны, и если в ближайшее

время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет неизбежной.

Создать, сохранить и укрепить состояние военной безопасности нельзя без перманентного анализа меняющейся ситуации, в котором должны быть задействованы философы, политологи, юристы, экономисты и культурологи. Реальная жизнь намного богаче самых объемных и всеохватных философских концепций, но, по нашему убеждению, именно философия политики может послужить нитью Ариадны в лабиринте международных и геополитических противоречий. Исходя из сложившейся социокультурной и геополитической ситуации противостояния цивилизаций в современном мире, военную безопасность России в качестве предмета анализа философии политики можно определить как диалектическое состояние отношений между Россией и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других противоречий, сглаживание или разрешение которых призвано исключить возможность Третьей мировой войны.

Библиографический список

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 2.
2. Платон. Диалоги. М., 1986.
3. Аристотель. Политик. СПб., 1911.
4. Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 2007.
5. Геродот. История. М., 2007.
6. Роттердамский Эразм. Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. М., 2001.
7. Потехин В.К. Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?: сборник статей / гл. ред. Ю.В. Крупнов. М., 1997. С. 69-87.
8. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.
9. Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий. М., 1957.
10. Горохов П.А. Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 7. С. 44-50.
11. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 139-140.
12. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970.
13. Локк Д. Два трактата о государственном правлении. М., 2009.
14. Клаузевиц К. О войне. М., 1933.

15. Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб., 2016.

16. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М., 2005.

17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 1. А – З.

18. Kissinger I.W. A Biography. New York: Simon & Schuster, 2005.

19. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... д-ра. полит. наук. СПб., 2000.

Военная безопасность России и проблемы геополитики*

У каждого государства, стремящегося сохранить свою территориальную, социально-экономическую и культурную независимость, есть некие ценностные каркасы, которые остаются в основе своей неизменными на протяжении длительного социального времени. К такой ценностной основе относится и военная безопасность страны, которая, в совокупности с другими компонентами, призвана обеспечить ее национальную безопасность в целом.

Вообще этим проблемам национальной безопасности в целом, равно как и значению ее отдельных составляющих, уделяется в последнее время все более пристальное внимание, в том числе и нашими московскими коллегами – специалистами Дипломатической академии МИД России (см., напр.: [1: 78–98; 2: 99–115; 3: 158–175]). Статьи на эти темы, в их самых разнообразных ракурсах и аспектах, публиковались и на страницах «Вестника» [4: 21–30; 5: 31–43]. На примере США затрагивались и вопросы сопряжения современной военно-политической мысли с политологическими концепциями и геополитикой вообще [6: 35–50]. В настоящей же статье внимание автора концентрируется прежде всего на взаимосвязи многих из проблем военной безопасности России с рядом геополитических концепций.

К сожалению, исключить военные действия с участием нашей страны, пусть даже первоначально локальные, в современную эпоху, насыщенную множеством больших и малых противоречий и конфликтов, чрезвычайно сложно. По сути, некоторые из таких конфликтов, устойчиво перешедших в фазу боевых действий, гипотетически можно воспринимать как первые уже вспыхнувшие очаги новой мировой войны. В том смысле, что если в ближайшее время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет вполне возможной, а при определенном стечении обстоятельств даже неизбежной.

Военную безопасность России в этих условиях можно определить как поиск таких форм отношений между нашей страной и ее возможными противниками, которые бы исключали или хотя бы до предела минимизировали саму

---

* Ковалев А.А. Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 2 (8). – С. 41–50.

возможность третьей мировой войны. Форм, обусловленных, конечно, внушительным комплексом действенных и эффективных политических, экономических, социально-психологических, военных и других факторов. (Это определение можно считать уточняющим и дополняющим первоначальное. В своем диссертационном исследовании автор определял военную безопасность как «особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий)» [7: 39]).

Логично понимать при этом военную безопасность государства также и как некое качественное состояние, складывающееся из количественных факторов, важнейший среди которых – степень защищенности традиционных национальных достояний и ценностей, самих природных богатств нашей Родины от различного рода внешних и внутренних опасностей и угроз.

Широкие трактовки военной безопасности вообще имеют тенденцию максимально приблизиться к более многомерному понятию «национальная безопасность», стать своего рода его «рабочим ядром». Так, И.В. Радиков считает, что военная безопасность – это «состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия» [8: 81–82]. Напомним в этой связи, что национальная безопасность в целом определялась в «Стратегии национальной безопасности

России до 2020 года» как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [9]; цит. по: [5: 32]).

Не вдаваясь в глубокие дискуссии по терминологии, в данной статье под военной безопасностью будем преимущественно понимать качество защищенности от агрессии и получения значимого ущерба со стороны других государств.

Говоря сегодня о военной безопасности, нельзя обойти вниманием проблемы геополитики. Саму геополитику тоже трактуют по-разному, причем определения в той или иной мере зависят от мировоззрения, политических взглядов автора, уровня и качества его образования, степени патриотизма и других самых разнообразных факторов. Позволим привести здесь определение профессора В.А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [10: 8].

В СССР геополитика, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, долгое время рассматривалась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость говорить о необходимости разработки собственных и учета существующих геополитических концепций. Между тем, Советский Союз имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Отсюда геополитические интересы великой державы – признавали ли ее лидеры реальность таковых или нет – были весьма разнообразными, многоаспектными и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего – военными средствами. Де-факто, на прагматическом уровне, это, естественно, так или иначе осознавалось и учитывалось руководством страны, но на научном, теоретическом уровне замутнялось господством идеологизированных догм.

Геополитику и поныне часто характеризуют как более-менее удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой и вовсе навешивают на нее ярлык околонучного неологизма, порожденного творчеством западноевропейских интеллектуалов. Думается, что хотя бы в качестве методологии особого подхода к изучению соотношений географического положения и ресурсных возможностей государств с их внешней (не в последнюю очередь военной) политикой статус геополитики вряд ли целесообразно подвергать сегодня сомнению.

Геополитические концепции широко применяются и в информационной сфере, особенно в ее сегментах, направленных на достижение и сохранение военной безопасности. Впрочем, еще до рождения термина как такового построения геополитического характера слишком часто использовались на протяжении истории для обоснования шовинистических и милитаристских интенций во внутренней и внешней политике.

Спустя столетия, в первой половине XX века, геополитические конструкции на новом качественном уровне были развиты в трудах англичанина Хэлфорда Джона Маккиндера [11] и немецкого генерала, считающегося одним из основателей Общества Туле (Thule-Gesellschaft), профессора Карла Гаусхофера [12]. Маккиндер и Гаусхофер использовали некоторые идеи американского адмирала Альфреда Тайера Мэхэна [13], признанного подлинным основателем геополитики как таковой. Хотя в научной литературе можно встретить и мнение, что само понятие ввел в западноевропейскую интеллектуальную традицию в 1916 году, в разгар Первой мировой войны, шведский ученый-германofil и политик Рудольф Челлен в своем труде «Государство как форма жизни» [14]. Челлен считал, что, с точки зрения геополитики, три основных фактора оказывают влияние на положение государства: расширение, территориальная монолитность, свобода передвижения. Челлен вычленил геополитику как один из ведущих элементов политики вообще, понимаемой как многоаспектный, многоуровневый и направляемый процесс.

Адмирал Мэхэн развивал концепцию Sea Power, согласно которой завоевание господства на море признавалось основным законом и главной целью войны, достижение которой в наибольшей мере гарантирует победу над врагом и обретение мирового господства [13: 54–60]. Среди прочего адмирал обосновывал

необходимость борьбы англосаксонской «морской» расы с «сухопутной» славянской, поэтому призывал сдать Россию железным кольцом государств, обладающих «морской силой» [13: 59]. В целом он постулировал существование вечного противоречия между сухопутными и морскими державами и выделял то обстоятельство, что лишь всеохватный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и крупными портами способен привести к долговременному геополитическому доминированию англосаксов в мире. Россию Мэхэн считал сухопутной, континентальной державой, которую нужно сдерживать совместными силами США и держав-союзников, обладающих «морской мощью».

Теперь, когда после распада СССР наша страна обладает лишь 4/5 своей бывшей территории и во многом утратила былое величие морской державы, некоторые застарелые идеи Мэхэна, к сожалению, оказались реализованными.

Как и Мэхэн, Хэлфорд Маккиндер в своей работе «Демократические идеалы и реальность» призывал сдерживать Россию путем постоянного военного давления на нее [11: 78–80]. Согласно концепции Маккиндера, Россия занимает самое выгодное географическое положение между Европой и Азией, то есть срединное, центральное положение. Поэтому ее ослаблению должны всячески содействовать другие государства планеты. Если смотреть с планетарной точки зрения, то в центре обитаемого мира находится Евразийский континент, в середине которого лежит так называемый Heartland, «сердце мира». Heartland – это самый удобный географический плацдарм для контроля над всей планетой, ибо этот плацдарм через систему концентрических кругов организует иерархию планетарного пространства. В самом его центре находится «осевой ареал» (pivot area). Это геополитическое понятие географически совпадает с Россией, вызывавшей особую ненависть у Мэхэна и Маккиндера.

То, что само понятие «геополитика» напрямую связано с проблемой военной безопасности, не требует особых доказательств. Геополитические концепции, отдельные идеи и конструкции в той или иной степени всегда служили обоснованием возможной военной, социально-экономической или культурной экспансии, что явственно видно и сегодня. Казалось бы, все перечисленные выше геополитические концепции принадлежат уже достаточно далекому прошлому. Однако, как показывает практика, они продолжают, хотя и в разной степени, воздействовать на умы людей, в том числе (и прежде всего) – на административные, дипломатические и военные элиты многих государств.

Причудливо смешиваясь подчас в головах иных генералов и политиков, как новые, так и старые геополитические идеи непредсказуемо влияют на характер их военно-стратегического мышления. Так, в этой связи О.П. Иванов и А.В. Копылов отмечали, например, «путаницу среди военных руководителей США в прочтении угроз американской национальной безопасности, которая проявилась во время слушаний в Конгрессе США летом 2015 года» [6: 45]. И этот пример – далеко не единственный.

Сложности тут добавляет и тот факт, что относительно современные геополитические идеи, естественно, богаче и разнообразнее рассмотренных «классических». Обратимся лишь к одному примеру.

Еще в 1990 году французский генерал Пьер Галлуа издал книгу «Геополитика. Истоки могущества» [15]. В ней он не только представляет свое теоретическое видение геополитики и основных периодов ее истории, но убедительно доказывает, что геополитика вовсе не тождественна географическому детерминизму и политической географии. Галлуа отмечает, что потенциал государства определяется его территорией, географическим расположением, населением, протяженностью и конфигурацией границ, состоянием недр, экономическими, культурно-образовательными и прочими факторами. При определении потенциала государства непременно и особо должно приниматься в расчет также наличие или отсутствие новейших средств массового уничтожения противника.

Таким образом, если обобщать, то приходим к выводу: отличия современных концепций геополитики от ее классических интерпретаций определяется тем, что в современную эпоху провозглашается ведущая значимость материальных, социальных и моральных ресурсов государства, взятых в их совокупности. Эта совокупность факторов часто именуется «геополитическим потенциалом». Не только активное использование этого потенциала, но порой само его наличие достаточно для успешного осуществления тех или иных внешнеполитических приоритетов.

Ушедший XX век в геополитическом плане был столетием борьбы за мировое господство, которую вели между собой государства или союзы государств, движимые различными идеологическими устремлениями в не меньшей мере, чем сугубо материальными интересами. Идеологии придавался статус науки, как это было с марксистской философией в СССР. Собственно, мир в первой половине XX века стал ареной противостояния (в том числе и военного) трех основных субъектов, ориентированных на победу в глобальном, мировом масштабе. Эти три субъекта – национал-социалистическая Германия, ее союзники и вассалы; Советский Союз и созданный им позднее, после разгрома гитлеровской Германии, так называемый мировой лагерь социализма; англо-американский стратегический альянс, оформившийся после Второй мировой войны в НАТО – широкий блок ведущих (и «ведомых») западных государств.

Нацистская Германия, потерпевшая сокрушительное военное поражение, в геополитическом плане стремилась к мировому господству, расширению «жизненного пространства», обеспечению процветания и весьма своеобразно понимаемого «счастья» лишь для одной нации. Идеологи Третьего рейха все 12 лет его существования пытались сортировать нации и народы, ориентируясь на степень приближенности к арийскому эталону. Причем это стремление к расовой чистоте и изуверски понимаемому совершенству сочеталось с идеями ликвидации «недоразвитых» и «вредных» этносов и полного ущемления прав остальных народов.

Социалистический Советский Союз на протяжении семи десятков лет был ведом догмой об особом мессианском пути и избранности одного общественного слоя – пролетариата, союзником которого выступает беднейшее крестьянство. Ленин не скрывал, что конечная цель Октябрьской революции – осуществление мировой революции, которую можно трактовать и как особого рода

геополитическую экспансию. Только Ленин изначально отводил самой России лишь роль экспериментальной площадки для реализации теории и практики мировой революции, а Сталин в интересах правящей партийной бюрократии соединил традиционный русский патриотизм с задачами практической реализации идеи построения великой империи социализма, в которой проблеме военной безопасности уделялось, конечно же, самое пристальное внимание.

Эти идеи не могли не раздражать западный мир, который в 1930-е годы колебался в выборе наименьшего зла между Гитлером и Сталиным, боялся и ненавидел их равным образом.

И все же противоречивая коалиция, в саму возможность которой верили немногие, трагически поздно, когда нацистами уже была захвачена практически вся Европа, но сложилась. Национал-социалистический Третий рейх был повергнут совместными усилиями социалистического СССР и англосаксонского мира. После Второй мировой войны цели последнего явственнее всего сформулировал Уинстон Черчилль в своей речи в Фултоне 5 марта 1946 года. В ней Черчилль констатировал, что Соединенные Штаты находятся на вершине всемирной мощи. Это состояние он определил как торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и огромную ответственность перед будущим. Черчилль призвал к созданию коалиции народов, прежде всего – говорящих на английском языке, направленной на борьбу против складывающегося мирового социалистического лагеря.

В основу нового западного стратегического альянса легла теория и практика ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям и идеалам «открытого общества» под планетарной эгидой США, которая, впрочем, открыто и явно не провозглашалась. Крах нацистской Германии, а к концу века и СССР, сделал наглядным и очевидным стремление США ускорить процесс американизации всего мира. Это стремление стало особо рельефным на рубеже третьего тысячелетия и, слившись воедино с объективным процессом всемирной экономической, политической и культурной интеграции, получило название «глобализация».

Глобализация серьезно влияет на современную мировую политику, включая отношения Запада и России. Вместе с тем, никто в мире не отрицает тот факт, что между Западом, который, за исключением отдельных оговорок, по-прежнему нельзя себе представить без экспансионистских планов, и Россией издавна существует значительная напряженность. Эту напряженность можно уже назвать исторически традиционной, что само по себе диктует необходимость крепить обороноспособность государства и не забывать о военной безопасности как важнейшей составной части национальной безопасности в целом.

Библиографический список

1. *Аникин В., Сурма И.* Международные аспекты экономической безопасности в условиях геополитической нестабильности // Современный мир и

геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.

2. *Аникин В., Анненков В., Сурма И.* Энергетическая безопасность как основа национальной безопасности России // Там же.

3. *Неймарк М.А.* Культура как ресурс национальной безопасности России // Там же.

4. Он же. Культура и национальная безопасность России: бремя перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2014. № 2.

5. *Копылов А.В.* О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» // Там же. 2015. № 2 (4).

6. *Иванов О.П., Копылов А.В.* Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // Там же. № 4 (6).

7. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук по спец. 23.00.02 / Ковалев Андрей Андреевич. СПб., 2015.

8. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: Дисс. на соиск. уч. ст. докт. полит. наук по спец. 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. СПб., 2000.

9. Российская газета. Федеральн. вып. № 4912. 2009. 19 мая.

10. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М., 2001.

11. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. New York, Washington, DC: National Defence University Press, 1996. (Первое изд.: Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: Constable and Company, 1919.)

12. *Haushofer, Karl Ernst.* Geopolitische Grundlagen. Industrieverlag Spaeth & Linde. Berlin; Wien, 1939.

13. *Mahan, Alfred Thayer.* The Influence of Sea Power Upon the French Revolution, 1793–1812. London, 1967.

14. *Kjellén, Johan Rudolf.* Der Staat als Lebensform. Hirzel, Leipzig, 1917.

15. *Gallois, Pierre Marie.* Géopolitique, les voies de la puissance. Plon, 1990.

Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва*

Военная безопасность ранее ассоциировалась с такими категориями, как «защита социалистического Отечества», «обороноспособность», «военная мощь государства». Впервые на законодательном уровне определение военной безопасности дается в третьей редакции Военной доктрины России в 2010 г., которая рассматривает ее как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных

---

* Ковалев А.А. Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. – 2016. – №11. – С.39-49.

угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»²¹.

Решение задачи по обеспечению военной безопасности предполагает необходимость учета множества параметров, соблюдения специфических норм и принципов. Одним из элементов механизма обеспечения военной безопасности государства выступает нормативно-правовая база деятельности в данной сфере. И именно от того, каким законодательством будет регулироваться система обеспечения военной безопасности, зависит многое, в том числе и судьба страны.

В России завершилась очередная кампания по выборам депутатов Государственной Думы. Каждая из «старых» парламентских партий представляла на суд избирателей обновленные программы, в которых старалась отразить свои позиции по всем актуальным вопросам современной жизни России, в том числе и касательно вопросов темы военной безопасности.

Парламентское участие в вопросах обеспечения военной безопасности выражается в различных формах: в виде разработки, обсуждения и принятия соответствующих законов, утверждения федерального бюджета, в том числе оборонных его статей, ратификации международных договоров, проведения парламентских расследований, связанных с военными инцидентами, и т.д.

Непосредственно вопросы, связанные с обеспечением военной безопасности, находятся в ведении двух комитетов Госдумы – Комитета по безопасности и противодействию коррупции и Комитета по обороне. Комитет по безопасности осуществляет подготовку законопроектов о правовом регулировании деятельности силовых структур – ФСБ, ФСО, СВР, ФСВНГ; о расходах федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной безопасности, о социальной защите и пенсионном обеспечении лиц, проходящих службу в системе безопасности Российской Федерации; разрабатывает модельные законодательные акты для государств-участников СНГ и ОДКБ в сфере коллективной безопасности; осуществляет ратификацию международных договоров в области национальной безопасности, участвует в разработке правовых основ, связанных с геополитическими интересами Российской Федерации. В свою очередь, Комитет по обороне рассматривает и подготавливает законопроекты по вопросам обороны, полномочий органов государственной власти в данной сфере, рассматривает вопросы войны и мира, порядка введения и правового режима военного положения, финансирования расходов на оборону и т.д.²²

В информационной системе Государственной Думы происходит фиксация уровня законодательной активности каждого депутата. И анализ этого уровня свидетельствует о том, что с законодательными инициативами активно выступают далеко не все парламентарии. Возможно, это объясняется тем, что не все депутаты имеют образование и опыт практической деятельности, связанные с

---

²¹ Военная доктрина Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 № 146.

²² Официальный сайт комитета Государственной Думы по обороне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet2-15.km.duma.gov.ru/site.xp/049056.html>.

обороной и безопасностью. На данный аспект следует обязательно обращать и акцентировать внимание, так как плоскость безопасности всегда являлась и продолжает являться краеугольным камнем существования государства на всех этапах его формирования и развития. В какой-то степени этот пробел призван восполнить институт помощников и аппарат профильных комитетов и экспертных советов, где, как правило, работают профессионалы данной сферы. Однако необходима дальнейшая, более глубокая и предметная разработка методологии и инструментария изучения, анализа, формирования и контроля механизмов сферы безопасности.

Правовая основа деятельности Государственной Думы в области обеспечения военной безопасности закреплена в ряде нормативных актов, таких, как «О военном положении»²³, «О чрезвычайном положении»²⁴, «Об обороне»²⁵, «О безопасности»²⁶. Рассмотрим подробнее их законодательные и правовые основы.

В сравнительно свежем законе «О безопасности» определяются принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, полномочия и функции органов государственной власти в области безопасности. Согласно данному закону, государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики России. Государственная Дума в соответствии со ст. 9 закона принимает федеральные законы в области обеспечения безопасности²⁷.

Теперь непосредственно обратимся к обновленным программам парламентских партий, представленным ими в нынешней избирательной кампании. В том, что касается интересующего нас вопроса о военной безопасности, партийные программы во многом основываются на тезисах Послания Президента Федеральному собранию от 3 декабря 2015 г. В нем В.В. Путин акцентировал роль Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом²⁸. Как мы знаем, Военная доктрина России относит международный терроризм к внешним военным опасностям для нашей страны. Президент делает акцент на то, что одному обособленному государству невозможно справиться с этой проблемой, особенно в условиях, когда границы в мире фактически открыты. Выходом из этой ситуации может стать создание мощного, единого антитеррористического фронта, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединенных Наций. Также Президент напомнил об общей ответственности власти, политических партий, гражданского общества, СМИ. Обращаясь к лидерам партий и участникам будущего избирательного процесса, ко всем общественно-политическим силам, Президент сказал, что они «должны сохранить нашу сплоченность, помнить, что главное для нас – Россия».

---

²³ О военном положении: федер. конст. закон Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

²⁴ О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

²⁵ Об обороне: федер. закон Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

²⁶ О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

²⁷ О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

²⁸ Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

В программе Всероссийской политической партии «Единая Россия» имеется отдельная глава, посвященная справедливости и безопасности для мира и для России²⁹. Партия рассматривает вопросы обеспечения военной безопасности в контексте внешней политики государства. Принципы и подходы в международных отношениях основаны на верховенстве международного права, укреплении коллективных начал и центральной координирующей роли ООН. Говорится в программе и о наличии эффективных, мобильных, хорошо оснащенных Вооруженных Сил, являющихся гарантией безопасности государства.

Согласно Конституции страны, вопросы внешней политики отнесены к компетенции главы государства. И в этих вопросах партия намерена помогать Президенту на своем, парламентском уровне, в процессе международного сотрудничества, выработки законопроектов и ратификации международных договоров.

В международных отношениях ЕР выбрала вектор активизации деятельности, направленной на нормализацию отношений с Европейским союзом, но только в том случае, если европейские страны проявят к этому встречную активность и политическую волю, т.е. на паритетных началах. Уделено внимание и развитию интеграционных связей в рамках Союзного государства, с евразийской «пятеркой», СНГ. В этой связи хотелось бы уточнить важность и своевременную актуальность данного вопроса, так как «узкое понятие «политическая интеграция» трактуется, как «политический процесс, ведущий к объединению различных государств и других политических сил, к координации и сближению их деятельности» [1, с. 187]. И ударение здесь ставится именно на сближении, что особенно важно в сегодняшней непростой геополитической ситуации. Как видим, Россия всегда готова к конструктивному диалогу не только со своими союзниками или потенциальными геополитическими партнерами, но и со своими оппонентами, и даже с теми акторами, которые открыто называют Российскую Федерацию врагом (или потенциальным врагом) № 1.

Важным вектором развития в программе партии названо укрепление безопасности. Здесь ЕР опирается на положения Стратегии национальной безопасности³⁰ и Военной доктрины России³¹, в которой обозначены приоритеты в развитии военной организации государства. Это поддержание высокой боеготовности и гибкости Вооруженных Сил, укрепление систем стратегического сдерживания, дальнейшая модернизация неядерных вооружений. На последовательность данной политики указывает тот факт, что 5 декабря 2016 г. Указом Президента № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» была принята новая программа обеспечения государственной безопасности в ее информационном секторе. И

---

²⁹ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/33>

³⁰ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

³¹ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

связано это, прежде всего, с «увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности» (п. 15 Указа)³².

Данный пункт Указа интересен еще тем, что отражает формирующийся в последнее время тренд политической и государственной деволюции, когда полномочия частично передаются от общенациональных и наднациональных структур в пользу преобладания первостепенности и важности региональности. Касательно применимости данного аспекта к сфере парламентаризма и функционирования современных партий, можно отметить, что наметилась тенденция к необходимости перераспределения внимания партийной активности в сторону низового уровня, накладывая дополнительную, более конкретизированную и личностную ответственность на решение законодательных и управленческих задач. При этом эффективность или неэффективность решения таких задач на региональном уровне проявляется намного оперативнее и более показательно, что, в свою очередь, так же динамично формирует общественное мнение о заявленных партиями приоритетах и позициях, и их фактической и результативной (или не результативной) деятельности.

В области внешней политики по вопросам военной безопасности партия выступает за недопущение эскалации конфликтов, гонки вооружений и конфронтации России с кем бы то ни было, за выстраивание конструктивных партнерских отношений со всеми центрами силы современного мира.

Можно сделать вывод об адекватности современной международной и внутри-политической обстановки предложенной программы партии «Единая Россия», ее нацеленности на единую с Президентом страны политику в сфере военной и национальной безопасности. Являясь правящей партией и традиционно получая на выборах большинство в парламенте, ЕР имеет все возможности для реализации своей стратегической программы. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что государственная политика современной России становится все более планомерно последовательной, и доказывает свою эффективность, получая стабильно высокую избирательную оценку от российского электората (общества). А в плане свидетельства преемственности российского парламентаризма можно повторить слова Президента РФ В.В. Путина, процитировавшего слова П.А. Столыпина, произнесенные также в свое время депутатам Думы России век назад: «Мы все должны соединить усилия, свои обязанности и права для поддержания исторического, высшего права России – быть сильной».

---

³² Указ Президента от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

Также партия «Единая Россия» в своей программе настаивает на немедленном и безусловном снятии антигуманных и незаконных во всех смыслах односторонних санкций ЕС с жителей Крыма³³. Там же предложена концепция договорной дипломатии и «мягкой силы», обозначенной использованием «инклюзивной системы региональной безопасности, включающей как США и их союзников, так и Китай, и Россию. При этом нашей стране важно занимать нейтральную позицию»³⁴. Поэтому так же оговорена позиция в отношении готовности идти на диалог и выстраивание паритетных отношений с Украиной, с целью стабилизации внутренней деструктивной ситуации в этом государстве и геополитическом партнере.

Если в целом взглянуть на программу «Единой России», то она сводится к предложению и готовности вести переговоры и политический диалог даже со своими геополитическими оппонентами и критиками, включая, в том числе, и стратегических потенциальных соперников. Другими словами, данная программа направлена на попытку достижения консенсуса в вопросе стабилизации сегодняшней геополитической обстановки и звучит призывом к формированию новой, прозрачной и справедливой системы международной безопасности.

Коммунистическая партия Российской Федерации представила «Программу возрождения»³⁵, основная цель которой заключена в экономическом и духовном возрождении России. Программа КППРФ состоит из десяти разделов. Отметим те позиции, которые связаны с обеспечением военной безопасности. Первый раздел программы компартии назван «Страна в руках народа». Для обеспечения военной безопасности КППРФ предложено проведение национализации, в том числе предприятий ВПК, что снизит зависимость России от иностранного капитала в оборонной сфере. В разделе программы, посвященном развитию села, выделена важность аспекта сложившейся нынешней ситуации с продовольствием, что сформировало опасность дополнительной угрозы национальной безопасности страны. В разделе «Сильная страна – безопасность жизни» КППРФ напоминает, что в предвыборной программе 2011 г. партия настаивала на проведении новой внешней политики, в связи с тем, что кольцо военных баз НАТО вокруг России все крепче, все жестче уровень санкций и преследований наших соотечественников. Сегодня КППРФ считает необходимым сформировать авторитетное профессиональное правительство народного доверия, которое было бы способно укрепить национальную безопасность, упрочить позиции страны на мировой арене. Также партия призывает существенно повысить боеготовность Вооруженных Сил и авторитет воинской службы. Особое внимание, согласно данной программы, должно быть уделено информационно-технологической безопасности.

---

³³ Программа партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL:

<http://er.ru/program/userdata/files/2016/07/28/predvybornaya-programma.pdf>

³⁴ Программа партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL:

<http://er.ru/program/userdata/files/2016/07/28/predvybornaya-programma.pdf>

³⁵ Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL:

<https://kprf.ru/party/program>

Учитывая, что Компартия РФ является оппозиционной партией, необходимо заметить, что реализация ряда выдвинутых ею предложений проблематична, так как они вступают в явное противоречие с политикой действующей власти (например, в вопросе о национализации). Тем не менее, к позиции второй по величине партии России власть не может не прислушиваться, ведь в этой программе содержится много рациональных предложений, которые можно использовать для формирования эффективной сферы безопасности нашей страны в частности, и укрепления государственности в целом.

Программа Либерально-демократической партии России содержит 21 раздел, построенный на 70 тезисах В.В. Жириновского³⁶. В преамбуле к программе говорится, что ЛДПР стремится к улучшению жизни граждан России, укреплению ее позиций в мире.

Первая программа партии была подготовлена в 1989 г., но большинство положений – таких, как сильное государство, сильная армия и патриотическое общество, – остаются актуальными и сегодня. В ЛДПР считают, что ядерное оружие России на сегодня остается наиболее сильным аргументом и фактором, который сдерживает США и их союзников от потенциально возможного военно-силового передела мира.

Вопросы внешней политики и вопросы военной безопасности отражены в двух тезисах – «Братская Украина» и «Полыхающий Ближний Восток». Позиция ЛДПР по ситуации в Украине следующая: всем юго-восточным регионам Украины должен быть направлен «посыл» о готовности России рассматривать вопрос о союзничестве или их вступлении в состав Российской Федерации в случае такого своего волеизъявления и по результатам итогов референдумов. При этом Россия со своей стороны должна получить гарантии невступления Украины в НАТО, в противном случае – начать подготовку к восстановлению своих военных баз за рубежом, как необходимого компонента обеспечения своей государственной и национальной безопасности.

По ближневосточному вопросу говорится, что уже в 1993 г. лидером ЛДПР были подробно описаны все возможные сценарии развития кризисов на Ближнем Востоке. Партия отмечает, что нахождение наших войск в Сирии оправдано, и сожалеет о том, что в связи с выводом войск из Вьетнама, Кореи, Мозамбика, Анголы, Афганистана, Кубы и Восточной Европы Россия утратила свое геополитическое влияние в этих регионах мира и, как следствие, геополитический вес на мировой политической арене.

По мнению ЛДПР, внешняя политика нашего государства должна быть направлена на то, чтобы Россия стала центром интеграции государств, заинтересованных в политическом равноправии Востока и Запада. Для этого необходимы: интеграция бывших республик СССР в единое унитарное государство, четко обозначенная и донесенная геополитическим оппонентам внешнеполитическая линия, готовность отстаивать интересы России всеми возможными средствами, планомерное создание военных союзов и военных баз

---

³⁶ Программа ЛДПР [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

между странами ШОС и БРИКС, как обоснованный противовес динамическому расширению блока НАТО.

Программа ЛДПР традиционно носит довольно радикальный характер, граничащий с агрессивностью. Однако значение ее состоит скорее в том, чтобы оттенять выверенную и взвешенную политику государства, выступая «глашатаем» активно настроенной части российского сообщества. Вместе с тем необходимо заметить, что активизация только тех усилий, которые направлены на формирование военно-оборонительного потенциала, не сможет в достаточной степени компенсировать слабости прочих синергитичных факторов силы, способных обеспечить России статус великой и суверенной державы. Существует острая необходимость модернизации и диверсификации экономической сферы, планомерного наращивания гуманитарных и иных факторов «мягкой силы», которые смогут обеспечить формирование базового фундамента обеспечения национальной безопасности нашего государства [1, с. 46–55].

В программу партии «Справедливая Россия»³⁷ был включен раздел «Россия в глобальном мире» и отдельный подраздел – «Национальная безопасность», который гласит, что надежную безопасность России могут обеспечить только высокоэффективные Вооруженные силы, гарантирующие сохранение суверенитета и территориальной целостности страны. По мнению партии, для успешного решения оборонных задач Вооруженные силы должны иметь высококвалифицированные кадры, рациональную структуру, сбалансированный боевой состав, надежную систему управления, современное вооружение и военную технику. В части, посвященной социальному обеспечению военнослужащих и членов их семей, «Справедливая Россия» предлагает: увеличение денежного довольствия, решение жилищных проблем и вопросов пенсионного обеспечения, улучшение системы медицинского обеспечения и социальной адаптации военнослужащих.

Согласно программе партии СР, необходимо поставить механизм распределения жилья под контроль ветеранских и общественных организаций военнослужащих запаса. Еще одна инициатива предусматривает налоговые льготы для малых и средних предприятий инновационного бизнеса, в которых работает не менее 50% военных пенсионеров. Уделено внимание обновлению материально-технической базы военно-медицинских учреждений, а также недопущению сокращений или реорганизаций лечебных заведений для военнослужащих. Все это естественным образом должно положительным образом сказаться на повышении имиджа и статуса армии, что станет дополняющим синергитичным звеном и эффектом в построении конструкции сильной и действенной обороноспособности нашей страны.

В подразделе «Военная инфраструктура и престиж Вооруженных сил» «Справедливая Россия» декларирует положения, аналогичные тем, что изложены в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине Российской Федерации. В частности, это касается вопросов строительства Вооруженных сил,

---

³⁷ Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_83.html

внедрения современных методов и способов ведения вооруженной борьбы, совершенствования системы технического оснащения войск.

Единственная из парламентских партий, «Справедливая Россия», концептуально подошла к вопросу формирования базового потенциала национальной и государственной безопасности, предлагая развивать систему кадетских, суворовских и нахимовских училищ, как надежного источника будущих военных кадров. В свое время лидер партии С. М. Миронов, будучи председателем Совета Федерации, по просьбе общероссийской общественной организации «Российское кадетское братство» взял на себя функции шефа-попечителя кадетских корпусов и училищ России. И в этом направлении было сделано немало. В структурах силовых органов власти имеются сегодня кадетские образовательные учреждения: в Минобороны их 27³⁸, в МВД – 7³⁹, в ФСБ – 1⁴⁰, в ФСВНГ – 1⁴¹. Кадетские училища существуют и в системе Министерства образования и науки, а также в субъектах Федерации. Так, совсем недавно был заложен первый камень в строительство Тульского суворовского военного училища, инициатором которого выступил губернатор Тульской области Герой России генерал А.Г. Дюмин⁴². Это стало символическим действием, направленным на формирование фундамента возрождения воинской славы российского государства.

Хотелось бы остановиться на предложенной партией «Справедливая Россия» инициативе относительно создания системы частных военных компаний, способных защитить национальные интересы России (в том числе за ее пределами) без прямого участия государства, а также обеспечить дополнительную возможность сохранения боевых навыков и трудоустройства бывших военнослужащих с высоким уровнем профессиональной подготовки. Данная инициатива вызывает ряд вопросов и требует общественного обсуждения. Особенную значимость данное предложение приобретает с учетом актуализации проблематики вопроса «гибридных войн» и таких явлений, как «теории управляемого хаоса», и эскалацию использования такого геополитического инструмента, как «цветные революции».

Предложенный партией «Справедливая Россия» законопроект относительно частных армий, довольно неоднозначная дилемма в контексте вопроса национальной и государственной безопасности. С одной стороны, это позволяет использовать такую современную, и сложную пока в понимании, но уже активно применяемую на практике модель ведения вооруженного и геополитического противостояния, как «гибридная война». Такой способ отстаивания своих

---

³⁸ Интернет-портал Минобороны России. Среднее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://ens.mil.ru/education/secondary.htm>

³⁹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/edu>

⁴⁰ Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/structure.htm>

⁴¹ Московское президентское кадетское училище им. М. А. Шолохова [Электронный ресурс]. URL: <http://mpku-vv.ru>

⁴² Гаврилов Ю. Сергей Шойгу заложил камень в строительство Тульского СВУ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/05/06/reg-cfo/sergej-shojgu-zalozhil-kamen-v-stroitelstvotulskogo-svu.html>

интересов во многом позволяет решать вопросы точно и ситуационно на внешнеполитическом уровне. Но с другой стороны, мы должны оценивать степень угроз и опасностей, возникающих вследствие того, что данные военные формирования частично выходят из-под контроля государства, тем самым возникает опасность угрозы уже внутренней. Следует четко понимать, что раздробление функционала, обязанностей и возможностей государства и армии может спровоцировать ряд непредсказуемых и конфликтных ситуаций, от сепаратизма до манипулятивного использования данных инструментов со стороны внешних акторов в своих геополитических, стратегических и тактических целях.

Еще одно направление программы партии СР посвящено оборонно-промышленному комплексу. Здесь представлены 5 тезисов относительно повышения качественных параметров Вооруженных сил за счет ускоренного развертывания серийных поставок новейших образцов вооружений и военной техники, последовательного наращивания поступления современной военной техники в войска. Важность и своевременность необходимости формирования и развития подобной тенденции особо актуальна в связи с фактическим нахождением геополитического пространства в исторической точке бифуркации политической и социальной мировых систем.

В качестве приложения к предвыборной программе партии «Справедливая Россия» разработана программа «25 справедливых законов»⁴³, однако среди них нет конкретизированных законодательных инициатив в сфере обороны и безопасности государства. Единственная, реально обозначенная инициатива связана с государственным пенсионным обеспечением военнослужащих в Российской Федерации. В ней предложено применение льготной нормы исчисления стажа: для участников боевых действий – год за три; для служащих в армии – год за два.

Таким образом, в программе каждой из парламентских партий можно найти рациональное зерно, выделить предложения и инициативы, которые могут быть использованы государством в деле обеспечения обороны и национальной безопасности. Так как, по меткому выражению Ч. Мака, «подобные партии действуют «на краях» сложившейся системы, по сути предлагая альтернативные существующим «левую» и «правую» повестки дня» [6, с. 23]. Очевидно, что и Администрацией Президента, и Правительством РФ все представленные в прошедшей избирательной кампании партийные программы будут внимательно изучены, проанализированы и учтены при выработке совместных Госдумой планов законодательной деятельности. В то же время нам представляется, что партии все еще уделяют вопросам безопасности недостаточно внимания, не считают их первостепенными в сегодняшних условиях, в то время как международная обстановка, складывающаяся вокруг России, становится все более напряженной и непредсказуемой.

Потенциал для решения вышеперечисленных задач у России есть, и здесь мы согласны со многими политическими и экономическими отечественными

---

⁴³ 25 справедливых законов [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_77509.html

исследователями, что он «коренится в дальнейшем наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, повышении роли Российской Федерации в формирующемся полицентричном мире» [4, с. 22].

Если сравнивать программы партий созывов, предшествующих VII, то просматривается явный переход от формы гибридных классических и разносторонних тезисов и целей к выстраиванию синтезированной обобщающей и взаимодополняющей идеологии, направленной на формирование общего концепта национальной и государственной безопасности, уделяя значительное внимание и таким глубоким сферам российского сообщества, как духовность, образование и информационно-психологическая защита населения. Вопросы безопасности партии в своих программах стали более значительно уделять внимание, и это стало для них объединяющим началом.

Период становления России в 1991-1993 гг. существенно дискредитировал идею парламентаризма, так как сначала была идеологически разрушена сама мысль о целесообразности существования СССР, а затем, точно так же, была нивелирована сама логика идеи социального и внутри- и геополитического баланса с помощью инструментария парламентаризма.

Партии, являясь выразителями определенных групп и классов населения страны, с одной стороны, отражают мнение общества, а с другой, в результате усредненности этого мнения в Парламенте, оказывают формирующее воздействие на это самое общество. Кризис парламентаризма в начале 90-х, и сейчас, уже в 2000-х годах, ярко показывает, что в условиях бифуркации и турбулентности возникает острая и логично мотивированная потребность в «ручном управлении» государством, пребывающем в кризисной ситуации, и окруженному внешними угрозами и опасностями. Это несколько напоминает ситуативное принятие решений при управлении самолетом – когда все вокруг спокойно, обстановка позволяет отпустить управление на автоматический выверенный режим, и таким образом происходит передача некоторых функций на механизмы и инструменты, согласованные и предусмотренные самой архитектурой и конструкцией самолета. Но когда самолет входит в область турбулентности или появляется незапланированная (непредвиденная) опасность, летчик просто обязан взять штурвал в свои руки. И в политическом аспекте данное сравнение не может выступать аналогией с авторитаризмом, потому что является лишь инструментом обеспечения национальной и государственной безопасности.

Таким образом, деятельность современных политических партий в современных условиях бифуркации и геополитической конфронтации должна быть направлена на сознательную, четко обозначенную многовекторную и многоэшелонную адаптацию государственной системы к существующим объективным социальным и политическим реалиям с учетом структурных и институциональных изменений социума, и ростом и разнообразием геополитических внешних угроз. При этом следует учитывать специфику современного этапа развития общества, в котором происходит постоянное

сверхдинамичное формирование социальных, политических и военных вызовов, развивающихся в предельно кратких исторических сроках.

Современный структурный кризис мирового сообщества вызвал многовекторную диверсификацию институциональной архитектуры социума, государства и геополитического пространства, в свою очередь вызванных таким же эволюционными структурными сдвигами в понимании и формировании политических практик и систем.

Поэтому, исходя из вышеперечисленного, можно считать, что учитывая важность переходного и в известной доле конфронтационного периода, в котором сейчас находится Россия, необходимо объективно прислушиваться ко всем конструктивным идеям и конкретизированным позициям абсолютно всех парламентских групп и направлений политикума Российской Федерации, направленных на взвешенное и адекватное геополитической обстановке усиление обороноспособности, национальной и государственной безопасности, но при этом с позиции реалистичности обстановки и возможностей. А также, учитывая объективность и субъективность аргументации и обоснованности этих взглядов, позиций и предложений, следует четко понимать, осознать и принимать к сведению то обстоятельство, что только объективный поиск компромиссов и комплексных решений в поисках разумного консенсуса при удовлетворении запросов социума, но с прагматично обоснованной под реалии сегодняшней геополитической ситуации программой государственного развития, Россия сможет выстроить эффективную систему баланса исполнительной и законодательной власти.

Библиографический список

1. *Балашов А.И.* Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 34 (319). С. 46-55.
2. *Косов Ю.В., Фокина В.В.* Политическая регионалистика. СПб.: Питер. 2009. С. 187.
3. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 22-30.
4. *Dynamics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
5. *Linz J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. 1990. Vol. 1. N 1. P. 55.
6. *Mack C.* When Political Parties Die. Westport: Praeger, 2010. P. 23.

Геополитический имидж военного статуса России*

Геополитика, сделав ряд удачных и неудачных попыток в стремлении решить извечную проблему войны и мира, вновь вернулась к постулату, что величие державы определяется прежде всего ее военной мощью. Трансформационные процессы, происходящие сегодня на геополитическом поле международных отношений, оказали свое влияние и на саму сущность войны, в связи с чем эти процессы следует рассматривать в двух плоскостях.

С одной стороны, мировое сообщество через значительную эскалацию внутригосударственных и международных противостояний осуществило возврат к форме силового разрешения конфликтов и противоречий, а с другой – построило еще одно измерение для выяснения отношений на международном поле – глобальное информационное пространство.

Информационные войны не только становятся массовым явлением современной цивилизации, но и приобретают качественно новый уровень. Сегодня противоборство идет не столько на техническо-ресурсном направлении, сколько на политическом, идеологическом и даже цивилизационном уровне. Все в большей степени на этом поле противостояния ключевую роль играет имидж страны, т.к. именно он задает вектор и модели развития как общества в отдельном взятом государстве, так и мирового сообщества в целом.

Однако нельзя говорить, что произошла трансформация войны из одной формы в другую. На самом деле произошло расширение спектра сущности войны: в чем-то она осуществляется классическими методами, а в чем-то получила радикальные дополнения, изменившие не только механизмы и инструменты войны, но и саму ее концепцию. Так, в современном конфликте «цели связаны с намерениями людей и их лидеров, а не с территориями и силами» [Smith 2007: 308]. Согласимся и с мнением профессора И.В. Радикова, что для эффективного обеспечения национальной безопасности «Россия вынуждена учитывать напряженность межгосударственных взаимодействий, соперничество ценностных ориентиров и моделей развития» [Радиков 2015: 150].

Современные войны имеют разнообразные формы – от бесконтактных, в виде информационно-психологической войны или других асимметричных видов противостояния, до региональных террористических и сепаратистских действий. Последние, к сожалению, становятся стандартом и чуть ли не повседневной реальностью.

Но все типы и виды подобных противостояний имеют одно общее свойство – современная война не подчиняется никаким правилам. Это уже даже не гибридная форма войны, когда смешиваются просто различные механизмы и инструменты ее ведения, а именно вид самостоятельного формулирования правил войны с перемещением права на принятие подобных решений с государственного уровня до уровня частных организаций и группировок, которые на сегодня

---

* Ковалев А.А., Мрочко В.Л. Геополитический имидж военного статуса России // Власть. – 2017. – № 2. – С. 64-68.

зачастую обладают военным потенциалом более мощным, чем многие государства.

Поэтому существует острая необходимость в тщательном научном изучении современной внешней и внутренней политики всех без исключения стран и регионов с целью превентивного определения существующих и намечающихся тенденций, угрожающих военной и национальной безопасности России.

Для решения этой задачи была сформирована система официального государственного взгляда на политику страны в сфере военной безопасности – Военная доктрина Российской Федерации⁴⁴. В современной военной доктрине России не просто прописаны декларированные формы размышлений о необходимости укрепления безопасности, а предусмотрены практически все существующие и потенциально возможные угрозы и опасности, которые могут нанести урон государству и населению страны на военном и национальном уровнях. Таким образом, современная Военная доктрина РФ стала своеобразным концептом всеохватывающей безопасности нации и общества.

В Военной доктрине РФ сделан эффективный и многозначительный посыл к международной общественности о том, что Россия, выступая прежде всего за формирование и поддержание общемировой архитектуры и региональных механизмов поддержания безопасности в соответствии с существующими принципами международного права и договорными обязательствами, в случае исчерпания возможностей иных невоенного характера мер все же оставляет за собой право на применение любых форм и инструментов защиты государственной безопасности или безопасности ее союзников вплоть до ответного применения ядерного оружия.

Акцент в доктрине поставлен именно на ответное применение силового противодействия, что формирует имидж России как геополитического актора, который конкретными действиями и договоренностями выступает против любой эскалации конфликтов и противостояний, грозящих перейти в военное столкновение. Но при этом Россия заявила о твердости своих намерений по жесткому пресечению любой опасности, исходящей от внешних геополитических оппонентов в свой адрес.

Важность формирования позитивного и сильного имиджа для современных геополитических акторов стоит на первом месте, т.к. имидж – это синергетически нечто большее, чем просто мощный военный потенциал, как у США, или мощный политический ресурс, как у Ватикана. Современная геополитика фактически и представляет на сегодня не политическое или военное противостояние, а постоянную борьбу имиджей.

Возьмем, к примеру, статус ядерной державы. Только одно это позволяло США в 1945 г. строить тактические планы по военному нападению на СССР, и это при том условии, что Вторая мировая война, в которой сверхдержавы выступали союзниками, еще только завершилась, да и ядерного потенциала на

---

⁴⁴ Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). Доступ: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=172989&rnd=22447>

полномасштабную войну третьего поколения у США еще не было. Потенциала не было, а вот статус (имидж) и планы уже были.

Это один из показателей того, что войны XX-XXI вв. можно назвать бесформатными. Они преобразуют свою форму ежеминутно, подчиняясь логике достижения конечной стратегической цели, а сами стратегические цели современных конфликтных противостояний меняются с такой же скоростью, как в былые времена цели тактические. Мир геополитических взаимоотношений принял форму полной обтекаемости, неоднозначности и двойственности стандартов. На сегодня сложился девиз: «лучшая стратегия – это постоянная тактика».

Следует учитывать тот аспект, что имидж, выступая публичным портретом объекта, существует независимо от предмета, который он материализует, потому как он представляет собой не факт реального мира, а всего лишь сформировавшееся представление об этом факте. Так, например, под имиджем страны часто понимается «комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, политических, географических, национальных, культурных и других имиджевых образов), сформированных в сознании широких масс общественности в процессе развития государственности конкретной страны как сложной динамической подсистемы мирового устройства» [Галумов 2004: 17].

Государственный имидж формируется как на международном, так и на внутреннем уровне – как представление и восприятие облика государства жителями самой страны. В идеале эти два имиджа должны быть максимально приближенными друг к другу и соответствовать реальности, т.к. в противном случае может сформироваться двойственность восприятия, вызывающая недоверие на международном уровне и нивелирование – на внутригосударственном.

В этом плане некоторые государства ведут политику двойных стандартов. Так, например, нагнетание конфликтной эскалации в международных отношениях XX и XXI столетий путем наращивания США своей военной мощи и военного присутствия во всех регионах мира со стороны мировой общественности называется почти уважительно – «миротворческая деятельность главного мирового полицейского». В это же время забота России о своей национальной безопасности преподносится как имидж агрессивной страны, провоцирующей мировых геополитических акторов на коалиционное объединение с целью всеобщего и всестороннего международного воздействия на самостоятельность внешней и внутренней политики РФ.

Такая же двойственность наблюдается и по вопросу полярности современной архитектуры международной безопасности. С одной стороны, большинство участников международных отношений спокойно относятся к концепции монополярного мира в форме абсолютной геополитической гегемонии США, с другой – сама идея возникновения биполярного мира в виде геополитической оси с полюсами США и Россия вызывает если не политическую истерию, то полную всеподдерживающую холодную агрессию против такого развития сценария в международной системе отношений.

То есть, для США сформирован имидж априори справедливого и объективного геополитического актора. Администрация США постоянно заявляет о приоритете своих национальных интересов по отношению к интересам других наций или государств и даже к общемировым интересам (и демонстрирует это на практике). В то же время для России усилиями широкой геополитической общественности сформирован и продолжает формироваться имидж «империи зла». И это при том, что до эскалации агрессивно-наступательного продвижения блока НАТО к границам РФ и целенаправленной эскалации конфликтов по ее периметру в виде «цветных революций» Россия не проводила никаких наступательных или провоцирующих геополитических действий. Любое действие, которое сейчас рассматривают как агрессию России, носит сугубо оборонительный характер уже по факту постоянного первого хода со стороны обвиняющего Запада.

Политика двойных стандартов диктует необходимость разработки концепции целенаправленного формирования имиджа России на внешнем и внутреннем уровнях как достойного, объективного и взвешенного мирового актора, способного действительно стать не осью геополитики, как это целенаправленно делают США, а балансирующим полюсом этой оси. И все это с обязательным декларированием на законодательном и государственном программном уровне как во внутрисоюзной плоскости, так и на внешнеполитическом поле. При этом следует четко обозначить базовые принципы и критерии, отражающие и формирующие образ России, раскрывающие ее ценностные и целевые установки.

Сегодня мировому сообществу уже пора признать, что Россия является абсолютно самодостаточным геополитическим актором, способным не только следовать самостоятельным геополитическим курсом, но интегрировать на этом курсе чаяния, интересы и совпадающие по ментальности курсы других акторов, ценностные взгляды которых являются близкими для достаточно значительного геополитического сегмента.

Ответ на вопрос, зачем России имидж именно сильной военной державы, крайне прост. Концепция демократизации мирового общества не просто изжила себя, а окончательно дискредитировала свою суть в большей степени именно через инструмент военного вмешательства во внутренние дела независимых государств. То есть, помимо политики двойных стандартов, проводимой Западом во всех сферах современных международных отношений (от геополитики до геоэкономики), последним «доводом» в геополитическом диалоге практически всегда выступает либо угроза, либо практическое применение силового потенциала.

Вот такой геополитический монолог демократии. И именно силовой способ навязывания дружбы и демократизации – путем разжигания революционных, гражданских или военных противостояний – окончательно отрезвил многих акторов международных отношений, которые ранее следовали путем тотальной демократизации по оси монополярности мирового уклада (кто добровольно, а кто, попав в разные геополитические и геоэкономические ловушки).

Именно в таких обстоятельствах России практически не остается ничего иного, как взять на себя ответственность не только за собственную безопасность, но и за формирование механизмов безопасности региональной. И даже, судя по неумолимой агрессивности многих геополитических акторов, принять на себя роль балансирующего звена в общемировой архитектуре безопасности.

Именно для того, чтобы многие участники международных отношений смогли разобраться, где есть планомерно сформированный имидж страны-агрессора, а где объективный статус реального государства и геополитического актора и регионального лидера, и необходима разработка общей концепции, стратегии, механизмов и инструментов продвижения этого имиджевого концепта на международном и внутригосударственном уровнях.

Все попытки убрать с исторической сцены российский (русский) фактор, осуществляемые по разным сценариям, в разные периоды и под разными предложениями, заканчивались с одним и тем же результатом – Россия ставила последнюю точку в возникающих конфликтах и противостояниях и, в очередной раз сбалансировав систему мировой безопасности, по праву становилась мощным уравновешивающим полюсом этой системы.

Библиографический список

1. *Галумов Э.А.* 2004. Международный имидж современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... д.полит.н. М. 52 с.
2. *Радиков И.В.* 2015. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России. – Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5. Ч. 1. С. 150-153.
3. *Smith R.* 2007. *The Utility of Force: The Art of War in the Modern World.* N.Y.: Alfred A. Knopf. 448 p.

Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций*

Сегодня в России вновь обострились дискуссии по поводу роли гражданского общества в жизни страны, в особенности – является ли эта роль благостной или же деструктивной для укрепления военной мощи государства. В этой статье мы обратимся к некоторым аспектам проблемы влияния гражданского общества на укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций, которая пришла на смену либеральной эйфории по поводу «конца истории» и создания однополярного мира с доминированием в нем США. В современном мире возникают новые центры силы, носящие по большей части ярко выраженный цивилизационный характер. Прежде всего в этой работе нас будет интересовать

---

* Ковалев А.А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. – 2017. – №9. – С.18-28.

ответ на вопрос: является деятельность гражданского общества в современной России позитивной и продуктивной для укрепления военной безопасности, без которой русской цивилизации и всему русскому миру немислимо достойно отражать идеологический, культурный, информационный, да и военный натиск противостоящих цивилизационных конгломератов.

Мы рассматривали ранее некоторые важнейшие черты основных цивилизационных общностей, равно как и основные противоречия между ними [6]. Здесь лишь отметим, что в течение последних десяти лет цивилизационное пространство, вступившее в противостояние с западной и иными цивилизациями современного мира, все чаще именуется понятием «Русский мир» [1; 9]. Русский мир является единым цивилизационным пространством на территории исторической Руси, т.е. бывшего Советского Союза, оказывая духовное воздействие на соотечественников по всему миру. Это пространство покоится на трех столпах: православие; великая русская культура и богатейший русский язык; общая историческая память о тяжелой и славной судьбе. Даже ныне покойный ненавистник России Збигнев Бжезинский был вынужден признать в интервью газете «Сегодня»: «Советский Союз был исторической Россией, называемой Советским Союзом»⁴⁵.

Мы не будем здесь касаться незавидной роли в деле уничтожения СССР некоторой части бывшей советской интеллигенции, которая считала себя столпом не только гражданского общества, но и державы в целом, а порой и всего миропорядка вообще, уподобляясь в этом небезызвестному Васисуалию Лоханкину из бессмертного романа «Золотой теленок». Роль эта однозначно деструктивна, и о ней хорошо в свое время сказал бывший диссидент и талантливый мыслитель А.А. Зиновьев: «Целили в коммунизм, а попали в Россию» [10]. Одновременно с осознанием гибельности и пагубности выбранного в начале 1990-х годов разрушения Русского мира начался процесс осознания ошибок и попыток их исправления, в чем активно приняли участие как многие патристически ориентированные политологи (С.Г. Кара-Мурза, А.Г. Дутин, А.М. Трайнин), так и высшие должностные лица государства.

Именно Президент В. Путин еще в конце 2006 г. дал стимул для современного оживления дискуссий о Русском мире. Выступая на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге, в канун Года русского языка, Президент в качестве важнейших составляющих «Русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру». В.В. Путин тогда отметил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – „Русский мир“»⁴⁶. Это пожелание Президента начало воплощаться в политическую реальность обществоведами и политологами. Поэтому дискуссии о Русском мире как о некоей общности приняли оживленный характер в российском гражданском обществе.

---

⁴⁵ Сегодня. 1994. № 157 [Электронный ресурс]. URL: <http://russway.narod.ru/articles/bjezin.htm>

⁴⁶ РФ сегодня. 2007. № 4.

Представляется необходимым сказать несколько слов о гражданском обществе в целом. Само это понятие относится к группе социально-философских и политико-правовых концептов, и вследствие своей существенной значимости приобретает порой категориальный характер. В черновиках И. Канта есть любопытный фрагмент, озаглавленный «Характер человеческого рода». Философ ставит вопросы и отвечает на них: «Каково природное назначение человека? Высшая культура. Какое состояние делает это возможным? Гражданское общество» [4]. Следовательно, гражданское общество понимается как состояние, без которого невозможно достижение подлинной культурной стадии в человеческой истории.

Г.В.Ф. Гегель, для которого государство, как известно, обладало высшей ценностью («Государство – это шествие Бога в мире») [2, с. 284], отмечал в «Философии права»: «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто» [2, с. 228].

В целом за всю двухсотлетнюю историю активного употребления термина «гражданское общество» чаще всего он соотносился с такими формами организации общественной жизни, как государство и семья. Часто при его употреблении явно или скрыто подразумевались различные формы общественного сознания и сферы и уровни регуляции жизни общества: экономика, право, политика, мораль. Это соотношение рассматривалось по объему и по функциям гражданского общества, а также по его роли в жизни страны.

По своему объему гражданское общество или включает в себя все, кроме государства, понимаемого как аппарат управления (по Марксу), или даже не включает в себя семью (по Гегелю). Спектр мнений и точек зрения довольно широк и порой противоречив. Гражданское общество захватывает тот уровень политических и экономических отношений, который напрямую не регулируется государством. Чаще всего в современную эпоху гражданское общество противопоставляется властному государственному аппарату.

Считается, что уровень самостоятельности и независимости гражданского общества напрямую связан с уровнем благосостояния в стране: чем богаче в стране большинство граждан, тем более они, как часть гражданского общества, независимы от государства. Уже здесь отметим существенное для нашей темы обстоятельство: опыт истории показывает, что богатые люди чаще всего в часы опасности для Отечества думают лишь о спасении собственных «кошелек и жизни». Тому можно найти массу примеров хотя бы в художественной литературе. У капиталистов нет Отечества, если перефразировать известные слова В.И. Ленина.

К. Маркс отмечал: «Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII в., когда отношения собственности уже освободились из античной и средневековой общности. Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки» [8, с. 71].

Отметим, что в России сами ее грандиозные размеры не способствовали развитию и процветанию как демократических тенденций в управлении страной, так и гражданского общества. Гражданское общество в Европе сложилось в общих чертах еще в XVII в. Но процесс его формирования в России был сопряжен с определенными трудностями. Несхожесть форм гражданского общества в Западной Европе и в России определялась коренным различием их социальных основ. В Европе социальной основой гражданского общества выступало третье сословие, а в России таковой основой было дворянство, близкое к высшей власти.

Некоторые историки и философы замечают, что в дореволюционной России сложилась трехступенчатая социальная иерархия: государственный аппарат управления, дворянское гражданское общество и народ. Народ был, по сути дела, вытеснен из политической жизни в сферу «естественного состояния», каковым идеологами русского Просвещения признавались для него отношения личной зависимости. Даже просвещеннейшие люди, наподобие Н. М. Карамзина, видели в крепостном праве благо, ибо народ российский просто обречен на гибель без мудрой и доброй власти. Поэтому в дворянских идеологических концепциях гражданского общества доминировал этиатический позитивизм.

Этиатический позитивизм возводит воображаемую границу между государством и собственно гражданским обществом, интересы которого государство отстаивает лишь тогда, когда они превращаются в государственные интересы. Но эта граница из виртуальной чаще всего превращается в реальную. История показывает, что чаще всего интересы гражданского общества и государственного аппарата совпадают лишь во время войн и глобальных бедствий.

На наш взгляд, идеологи либеральных реформ 1990-х годов забыли о том (или же просто не читали Канта, Гегеля и Маркса), что гражданское общество и правовое государство отнюдь не бесконфликтны. Напротив, они наполнены неразрешимыми противоречиями, ибо многие протекающие в них процессы протекают в свободном режиме без какой-либо подстраховки со стороны государственной власти. Но в привыкшей к правовому и этическому этиатизму России это часто воспринимается как трагедия. Именно в гражданском обществе как ни в каком другом, видимо, создаются предпосылки для того, чтобы бедные становились еще беднее, а богатые – чрезмерно богатыми людьми.

Гражданское общество ассоциируется чаще всего с рыночной экономикой, которая в начале горбачевских реформ казалась панацеей от всех социальных бед, а потом наступило горькое разочарование. Ибо «не знали тогда наши наивные сограждане и образованные, но лишённые практического жизненного опыта интеллигенты, что в рыночной экономике наверх поднимается не тот, кто умнее или лучше работает, а тот, кто способен безжалостно топтать своих ближних, родных и друзей, и по их телам подниматься наверх» [3, с. 52]. Поэтому в нашей стране в последние годы наблюдается как разочарование в либеральной парадигме, так одновременно и сильная тоска по канувшей в Лету могучей цивилизационной и духовной общности, выраженной Советским Союзом.

Реальным физическим центром для возрождения такой цивилизационной и духовной общности, выходящей за пределы одной страны, становится современная Россия. К идее Русского мира как плацдарма для противостояния цивилизаций шли на протяжении двух десятков лет после гибели Советского Союза как исторической России. После трагических событий 1991 г. явственно зримы стали черты кризиса цивилизационного сознания российского народа, оказавшегося правопреемником СССР и всего культурно-исторического наследия, выработанного за века российской истории. Лишь в современную эпоху начинается возрождение цивилизационного сознания, и связано это возрождение с растущей военной опасностью для нашей страны.

Военная опасность для России будет существовать всегда. Гигантские богатства и просторы нашей страны всегда были, есть и будут привлекательными для самых разнообразных агрессоров. Капитализм первоначального накопления, в который Россия оказалась ввергнутой реформами Ельцина, отбросил страну на обочину социального прогресса. Забыли верные мысли основоположников марксизма о том, что пока будет существовать капитализм, войны неизбежны. Вспомним хотя бы эти слова Ленина: «Война – не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» [7, с. 41].

Гражданское общество в современной России противоречиво, аморфно и не обладает внутренней целостностью. Но политические симпатии и антипатии, равно как и царящие в гражданском обществе настроения, не должны губить национальную идеологию, т.е. патриотизм. В деле патриотического воспитания именно готовность обеспечить военную безопасность Родины является ключевой составляющей. Военная безопасность, с одной стороны, должна быть доверена профессионалам, а с другой, она должна быть делом всего народа.

Для гражданского общества в широком понимании важно участие в разумном контроле над действиями власти. Главной целью гражданского контроля выступает совершенствование системы политического управления. В этом равным образом заинтересованы как сама власть, так и гражданское общество. Если вывести за скобки деструктивно настроенную часть гражданского общества (некоторых представителей интеллектуальной богемы наподобие работников и адептов радиостанции «Эхо Москвы»), то патриотически ориентированные граждане должны быть кровно заинтересованы в деле обеспечения военной безопасности своей Родины, ибо Россия – их земля и родная страна. У космополитов деструктивного толка слово «Родина» вызывает презрительные усмешки, а потому ни о каком допуске одиозных личностей наподобие Н.Сванидзе, Е.Альбац или Ю.Латыниной к контролю над действиями в деле укрепления безопасности страны не может быть и речи. Россию такие деятели называют не иначе как «эта страна».

Власть при этом должна была бы предоставлять гражданскому обществу возможности и условия для осуществления такого контроля, прежде всего, через информирование его о своей военной политике и реформах в военных и силовых ведомствах. Это сложно сделать в эпоху обострения международных отношений

и цивилизационного противостояния, но к этому нужно стремиться. В свою очередь гражданское общество должно не просто интересоваться конкретной информацией о политике обеспечения военной безопасности, но и активно и широко обсуждать соответствующие проблемы. Гражданское общество в идеале должно выработать консолидированную общественную позицию по тем или иным вопросам, осознавая то обстоятельство, что гражданский контроль – это не просто формальность, не удовлетворение праздного любопытства или предотвращение возможных нарушений и злоупотреблений, но и забота о повышении эффективности работы контролируемых организаций.

Гражданское общество можно классифицировать по различным составляющим его сегментам. В целом, классовый подход к структуре бывшего советского общества работает сегодня не в полной мере. Изменились социальные условия, деформировался сам социум, нормы права и морали. Как, например, классифицировать доцента, в советское время относившегося к «прослойке», т.е. «трудовой интеллигенции», но ныне живущего плодами трудов своих на дачном участке? Или куда отнести врача, вынужденного подрабатывать таксистом? Современная социальная реальность поставит в тупик даже самого опытного классификатора и науковеда.

Как бы то ни было гражданское общество современной России можно подразделить, на наш взгляд, на следующие сегменты: квалифицированные рабочие промышленности; низко квалифицированные рабочие промышленности и поденщики; трудящиеся в сельской местности или живущие сельскохозяйственным трудом; в полном смысле этого слова трудовая интеллигенция (врачи, учителя, преподаватели вузов). Мы не относим к гражданскому обществу чиновников, представителей армии и спецслужб, ибо они относятся непосредственно к государству, т.е. аппарату управления, насилия и принуждения, и напрямую зависят от власти и выполняют ее волю. Да и вопросы военной безопасности страны, как правило, входят в круг профессиональных интересов армии и некоторых спецслужб, вне зависимости от степени патриотизма их конкретных представителей. Трудно также отнести к гражданскому обществу люмпенов, представителей творческой богемы, сексуальных меньшинств, разнообразные криминальные элементы, ибо перечисленные группы, как правило, лишены патриотической и гражданской составляющей в своем мировоззрении, а потому вопросы военной безопасности страны, да и сама страна в целом их волнуют мало.

Исторически сложилось так, что российская модель гражданского контроля над органами военного управления имеет этатический характер. Это выражается в жестком контроле со стороны государства за процессами создания и функционирования структур гражданского общества. Стремление «держат и не пушать» даже в самых невинных сферах ведет к оппозиционным настроениям в гражданском обществе. В целом, эффективность гражданского контроля над органами военного управления довольно низка. Это усугубляется и наличием

Закона о государственной тайне⁴⁷, который устанавливает запрет на распространение информации, отнесенной к государственной тайне. Аналогичные правовые акты есть практически в любом государстве мира, но вирусы шпионажи до сих пор пребывают в латентном состоянии у многих государственных чиновников в нашей стране и часто активизируются. Тридцатые годы XX в. давно стали историей, но чрезмерная бдительность влезла в плоть и кровь отечественного чиновничества на генетическом уровне.

С другой стороны, разведки стран, цивилизационно противостоящих России, именно в последнее время проявляют повышенную активность. Но, к сожалению, законом о государственной тайне широко пользуются руководители некоторых министерств и ведомств, наделенных правом отнесения сведений к категории «государственная тайна», и включают в соответствующие перечни и ту информацию, распространение которой им не выгодно. Таким способом покрываются прежде всего коррупционные преступления.

К предмету гражданского контроля в области обеспечения военной безопасности можно отнести: правовую обоснованность решений органов военного управления с точки зрения соответствия нормам российского и международного законодательства; ход выполнения программ реформирования силовых министерств и ведомств, социальную обеспеченность военнослужащих, сотрудничество с другими государственными и международными организациями в сфере обороны и безопасности; соблюдение требований Конституции и законов в отношении прав и свобод граждан, проходящих службу в органах обеспечения военной безопасности и членов их семей; соблюдение бюджетных расходов на нужды обороны и безопасности; соблюдение законности при рассмотрении органами военного управления обращений и жалоб военнослужащих и членов их семей.

На наш взгляд, гражданский контроль в сфере обеспечения военной безопасности состоит из трех этапов: систематический мониторинг решений и действий должностных лиц, в полномочия которых входит ответственность за обеспечение военной безопасности; проведение общественной экспертизы по конкретным решениям и действиям органов военного управления; публичное представление результатов. Самые разные общественные организации, включая правозащитные, профсоюзные, ветеранские, женские, претендуют на особую роль в гражданском контроле над силовой составляющей государства и системой обеспечения военной безопасности. В России наибольшей степенью активности в этой связи отличаются следующие организации: «Комиссия по делам ветеранов при Президенте России», «Координационный совет по социальной защите военнослужащих при Председателе Совета Федерации», «Комиссия по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих Общественной палаты Российской Федерации», «Комитет солдатских матерей России», Всероссийское общественное движение «Боевое братство» и другие.

---

⁴⁷ О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1; Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203.

Это, безусловно, свидетельствует о росте гражданской активности в нашем обществе, наличии в нем неудовлетворенности тем, как функционируют и управляются со стороны государственных органов соответствующие военные структуры. К «гласу народа» властные структуры прислушиваются с разной степенью внимательности, но интенсивнее и чаще всего это происходит во время разнообразных выборов. В то же время понятно, что никакая общественная организация не может монополизировать право на гражданский контроль в военных вопросах, ибо это быстро приведет к ее превращению в закрытую корпоративную структуру. Напротив – самый широкий и открытый общественный контроль может стать залогом позитивных изменений в этой сфере. Хотя подчеркнем еще раз, что в тяжелые времена цивилизационного противостояния такой контроль испытывает весьма и весьма существенные трудности и ограничивается – порой без должных на то оснований.

Роль средств массовой информации как главного проводника информационной политики государства в современную эпоху трудно переоценить. В работе механизма гражданского контроля именно средства массовой информации призваны выступать в качестве посредника между гражданским обществом и органами власти. Но здесь многое зависит от уровня патриотической позиции, который обнаруживает то или иное издание. Согласно докладу Общественной палаты Российской Федерации⁴⁸, в стране издается около 10 тыс. газет и около 7 тыс. журналов. Подавляющее большинство изданий принадлежат органам власти, поэтому на сегодняшний день отечественные СМИ не являются средством выражения гражданской позиции всего общества. Эту роль активно играют интернет, социальные сети, блогосфера, от которых порой трудно ожидать объективности и должного уровня ответственности за сообщаемую информацию.

Разумеется, чтобы СМИ могли выполнять функцию реального механизма гражданского контроля, необходимо значительное количество негосударственных СМИ, в том числе сетевых, способных предоставить возможности для выражения в обществе мнений. Но негосударственные СМИ чаще всего занимают не только критическую по отношению к государственной власти позицию, но и обнаруживают крайне низкий уровень патриотизма. Это недопустимо во времена цивилизационного противостояния. По меньшей мере странным, если не сказать более, звучит в этой связи неоднократно высказанная мечта упоминавшейся нами госпожи Е. Альбац о скорейшем распаде Российской Федерации на составные части.

Отсюда так важна четко выраженная патриотическая позиция известных и почитаемых в российском обществе деятелей культуры, активно противостоящих космополитическим и антипатриотическим воззрениям и пропаганде. Здесь достаточно вспомнить режиссеров и актеров Н. Михалкова, В. Меньшова, Н.

---

⁴⁸ Доклад председателя Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ на пленарном заседании Общественной палаты «Проблемы СМИ: ожидания общества и реальность» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/files/dokument2011/dokladguseva02112011.doc>

Губенко, неоднократно обоснованно, взвешенно и логично критиковавших позицию либералов, настроенных враждебно против российской цивилизации.

В настоящее время в нашей стране реализуется комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности гражданского контроля над органами, обеспечивающими военную безопасность России. Граждане Российской Федерации имеют возможность участвовать в осуществлении гражданского контроля над органами военного управления через общественные организации, через парламентариев Федерального собрания, либо в иной форме, в порядке, предусмотренном законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁴⁹, а также согласно ведомственным нормативным актам.

Заслуживает упоминание деятельность общественных советов, которые устраивают слушания по актуальным вопросам в области обороны, приглашают представителей руководящего состава Министерства обороны и направляют запросы в органы военного управления. Важным направлением деятельности общественных советов является проведение открытых мероприятий, призванных содействовать максимально широкому подключению институтов гражданского общества к решению острых проблем в сфере обеспечения военной безопасности.

С другой стороны, общественные советы в большинстве своем играют лишь декоративную роль. Входящие в них представители политической и культурной элиты в большинстве своем не обладают необходимыми теоретическими, да порой и практическими, знаниями в обсуждаемых вопросах, не имеют опыта решения проблем, стоящих перед организациями, в советах при которых они состоят. К тому же решения, принимаемые общественными советами, носят сугубо рекомендательный характер и потому руководители соответствующих органов государственного управления не всегда принимают их во внимание, а иногда эти решения до них просто не доходят.

Значительной проблемой представляется и разобщенность самого гражданского общества, ситуация в котором порой напоминает знаменитую басню И.А. Крылова «Лебедь, рак и щука». Чтобы граждане не начали гражданскую войну, они должны быть заняты мирным взаимодействием внутри гражданского общества. Граждане должны иметь навыки решения конфликтов и отстаивания своих интересов мирным путем. Главным инструментом для этого выступает парламентаризм в широком понимании: представление интересов на государственном уровне, выборы в органы власти в целом. Важно общение и отстаивание своих интересов через СМИ. Ведь основной единицей социального процесса является не отдельный человек, а структура, организация. Если граждане взаимодействуют между собой мирным образом, то перспектив соблазна массового насилия у них не будет. Если у них нет этого навыка, они, сталкиваясь с тем, что их интересы нарушаются, будут прибегать к насилию.

Нельзя не признать, что сегодня постепенно развивается и процесс институционализации контроля гражданского общества над обеспечением

---

⁴⁹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ.

военной безопасности в России. Делается ряд попыток сформировать нормативно-правовую базу, закрепляющую механизмы этого контроля. Но, по нашему мнению, чтобы система гражданского контроля над органами военного управления функционировала эффективно, необходимо выполнять еще ряд условий. Назовем важнейшие из них: обучение представителей «гражданских» органов власти и представителей силовых институтов основам военно-гражданских взаимоотношений, теоретическим аспектам регулируемого процесса, способам и методам выработки и достижения социально значимых целей; привлечение к обсуждению вопросов обеспечения военной безопасности компетентных экспертов, в первую очередь, из числа научных работников, специализирующихся на данной проблематике; отказ от чрезмерной секретности; более широкое использование современных информационных технологий для обсуждения вопросов теории и практики обеспечения военной безопасности, проектов нормативных правовых актов в этой сфере.

Видимо, целесообразно создать специализированную электронную площадку и выступить в качестве модератора обсуждения всего круга вопросов, связанных с военной безопасностью. Причем, это нужно сделать не по принципу форума, как это, например, уже реализовано на сайте Совета Федерации⁵⁰, где эффективность функционирования данной площадки фактически равна нулю. Необходимо учитывать последние достижения политологии, философии, экономики. К сожалению, голос ученых в современной России не все хотят слышать, предпочитая внимать эпатажным высказываниям некоторых СМИ и оппозиционных политиков, лишь играющих на эмоциях. Это вполне объяснимо: для восприятия эпатажа нужны лишь чувства, а для понимания доводов и выводов обществоведов нужен ум и интеллект, напряженная творческая работа.

Хотя и некоторые ученые также разрабатывают порой чрезмерно утопичные проекты, трудно реализуемые в современную сложную эпоху. Предлагают, например, строить систему гражданского контроля на принципах «всеохватности, всеобщности, гласности, обязательности, многообразия форм и признания органов гражданского контроля законными представителями определенного круга лиц, выступающих в защиту общественных интересов» [5]. Но если безоговорочно и сразу внедрить в практику перечисленные принципы, то сам гражданский контроль в России окажется недостижимой задачей, ибо институты гражданского общества в России еще недостаточно развиты, а взаимоуважение между властью и обществом представляется скорее потенциальным, нежели актуальным явлением.

Эта неразвитость имеет как объективные, так и субъективные причины. Если первые трудно преодолеть в силу реальных внутри- и внешнеполитических условий, то вторые вполне преодолимы и зависят от конкретных деловых и морально-этических черт представителей государственной власти. Разумеется, власть – это отнюдь не вся страна, а государственный аппарат управления – не все государство в целом. В идеале, интересы гражданского общества и

---

⁵⁰ Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/38324>

государственного аппарата должны совпадать – особенно в таких важных и судьбоносных для страны вопросах, как обеспечение военной безопасности государства.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁵¹ устанавливает правовые основы осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. При анонсировании проекта данного закона в СМИ⁵² отмечалось, что законодательным инициатором был непосредственно Президент России В.В. Путин. Таким образом, это – в полном смысле этого слова «президентский закон».

Данный правовой акт определяет, что общественный контроль может проводиться в форме общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы. Но п. 2 ст. 2 этого закона фиксирует, что общественный контроль над деятельностью в области обеспечения обороны страны и безопасности государства регулируется иными федеральными законами. То есть, в том числе и законом «О государственной тайне»⁵³ и Указом Президента «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»⁵⁴. Таким образом, у органов государственной власти есть правовые основания серьезно ограничивать деятельность представителей гражданского общества в сфере общественного контроля. По мнению автора, возможно необоснованное отнесение любых сведений к категории «государственная тайна». Это не вызывает особого оптимизма у некоторых общественных и правозащитных организаций.

К сожалению, правовых основ гражданского контроля за сферой деятельности самих органов обеспечения военной безопасности практически нет. Те законы, которые позволяют это осуществить в настоящее время, в большей части противоречат закону о государственной тайне. А это в свою очередь создает серьезную правовую коллизию, которая не устраивает многих представителей гражданского общества.

Подведем некоторые итоги. Для того чтобы деятельность гражданского общества в деле укрепления военной безопасности страны была положительной, большинству его представителей, в особенности научной и творческой интеллигенции, необходимо проплыть между Сциллой желания потворствовать исключительно реализации собственных амбиций и стремлений и Харибдой требования следовать в своем творчестве духу патриотизма. Патриотизм в современную эпоху противостояния цивилизаций приобретает статус национальной идеи, ибо лишь он может объединить разновекторные порой устремления государственной власти и гражданского общества.

---

⁵¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ.

⁵² Чиновников – под общественный контроль [Электронный ресурс] // Expert Online. URL: <http://expert.ru/2014/03/13/chinovnikov--pod-obschestvennyj-kontrol/?ny>

⁵³ О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1.

⁵⁴ Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203.

Сегодня государственный аппарат стремится сдерживать инициативы гражданского общества, делая это порой необдуманно и незаслуженно жестко. Деятельность самого гражданского общества в области обеспечения военной безопасности и укрепления патриотизма пока остается малопродуктивной вследствие его разобщенности и социальной аморфности. Для действенного симбиоза усилий гражданского общества и государственной власти в деле укрепления военной безопасности страны необходимы взвешенные и разумные шаги с обеих сторон.

Библиографический список

1. *Батанова О.Н.* Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. *Горохов П.А., Батеженко В.В.* Феномен перестройки четверть века спустя: опыт социально-философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7. С. 51-56.
4. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001.
5. *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–2. С. 52-54.
6. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб.: Коновалов А. М., 2016.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 26. М.: Политиздат, 1969.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1980.
9. *Пивовар Е.И.* Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. С. 167-170.
10. *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016.

Европейская модель обеспечения военной безопасности*

Смещение вектора международных отношений в сторону Востока не только не означает уменьшение роли европейской системы безопасности в глобальной системе, а напротив, подчеркивает ее возрастающее значение в формировании глобальной системы безопасности. Оно определяется тем, что европейская система – это единственная сложившаяся, в отличие от других регионов, система безопасности, с уже сформировавшимся механизмом определения опасностей и угроз и их отражения.

Политика обеспечения военной безопасности Европы основана на объединении усилий организаций и государств-членов в области международных отношений и безопасности, а также совместной реализации принятых решений в данных областях.

В Едином европейском акте (1986) [3] была провозглашена идея согласования внешнеполитической деятельности стран Западной Европы начиная с 1991 года. В указанном документе были представлены лишь некоторые аспекты сотрудничества в данном направлении. После принятия в 1992 г. Договора о Европейском Союзе (Маастрихтского договора) [1] были значительно расширены рамки общей внешней политики и политики безопасности Европейского союза. Была декларирована необходимость объединения усилий членов организации (защита общих ценностей и интересов Европейского союза; укрепление безопасности организации и государств-участников всеми возможными способами; сохранение мира в соответствии с принципами Устава ООН, Хельсинского заключительного акта и целями Парижской хартии), но не было конкретных предложений в этой области.

В 1997 году в Амстердаме главами государств и правительств ЕС был сделан первый шаг, направленный на создание условий для проведения общей внешней политики и политики безопасности. Был внесен ряд поправок к Маастрихтскому договору. На Генерального секретаря Совета ЕС были возложены функции верховного правителя Евросоюза по общей внешней политике и политике безопасности. Он начал отвечать за подготовку и выполнение политических решений, а также вести политический диалог с «третьими» странами от имени ЕС. На Европейский союз была возложена миссия по проведению миротворческих, гуманитарных и спасательных операций («Петербургские задачи Западноевропейского союза»), уточнены направления деятельности на международной арене:

1. Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС должна проводиться на основе общих принципов, общих стратегий, совместных решений, а также постоянного взаимодействия стран-участниц в различных областях. Амстердамский договор в отличие от Маастрихтского предполагает, что политика военной безопасности является прерогативой ЕС в целом, а страны-

---

* Ковалев А.А. Европейская модель обеспечения военной безопасности // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – №2. – С.10-13.

участницы должны активно и безоговорочно выполнять принятые совместные решения.

2. Политика военной безопасности была распределена между различными институтами Евросоюза. К примеру, на Европейский совет на уровне глав государств (правительств) были возложены функции определения общей стратегии ЕС в вопросах внешней политики и политики безопасности, а также выработки решений при отсутствии единой позиции организации по важнейшим международным проблемам. В других случаях эту задачу выполняет Совет ЕС по общим вопросам и внешней политике в составе министров иностранных дел.

Амстердамский договор внес изменения в систему голосования по вопросам военной безопасности, которая до этого строилась на основе консенсуса. Был введен принцип «конструктивного воздержания», дающий право не голосовать при принятии решения, одновременно не настаивая на его изменении или невыполнении.

3. Особое место стало отводиться институту спецпредставителей Европейского Союза. Для этого были учреждены посты специальных представителей ЕС на Ближнем Востоке, в Афганистане, на Балканах и в Закавказье.

Реализация модели обеспечения военной безопасности на практике сталкивается с целым рядом внешних и внутренних проблем для ЕС. В частности, это проблема американского лидерства. Ряд действий США направлен на недопущение появления в Европе мощной организации, способной ослабить американское влияние; несогласованность действий, проявляющаяся в том, что на деле все европейские инициативы в сфере безопасности выдвигаются и реализуются не ЕС в целом, а отдельными группами государств; проблема французских, германских и британских внешнеполитических амбиций и противоречий; несогласованность действий различных органов Евросоюза.

Важным элементом деятельности ЕС в области обеспечения военной безопасности является выработка единых подходов в сфере безопасности. Европейская стратегия безопасности [2] отражает согласованные взгляды стран-членов ЕС, средства и механизмы защиты общих интересов в военной, политической, экономической и других сферах от внешних угроз.

Документ содержит направления реализации политики обеспечения военной безопасности в Европе: 1) место ЕС и его роль в системе международных отношений, готовность к участию в обеспечении глобальной безопасности наравне с другими ведущими международными организациями; 2) принципы деятельности ЕС в сфере защиты жизненно важных интересов объединенной Европы и обеспечения региональной и международной стабильности; 3) внешние угрозы, основными из которых являются распространение оружия массового поражения, региональные конфликты, международный терроризм, кризис государственной власти в сопредельных с ЕС странах, международная преступность и т.д.

В ходе выработки подходов в сфере безопасности в декабре 2003 года Европейский совет принял «Стратегию ЕС в области борьбы с распространением оружия массового поражения», содержащую основные направления противодействия этой угрозе. В марте 2004 года в Брюсселе была принята

Декларация по борьбе с международным терроризмом, в соответствии с которой был утвержден пост координатора ЕС по борьбе с терроризмом. Большинство антитеррористических мероприятий носит превентивный характер и направлено на противодействие организованной преступности, а также может быть использовано для пресечения деятельности иностранных разведок на территории стран ЕС.

Органом военного управления Евросоюза является Комитет по вопросам внешней политики и политики безопасности на уровне послов стран-членов. Высшим военным органом ЕС является Военный комитет ЕС, в полномочия которого входит разработка концептуальных вопросов, оценка военно-политической обстановки и подготовка предложений по задействованию военного потенциала ЕС. Помимо всего, комитет организует взаимодействие с НАТО в военной сфере, а также участвует в формировании военного бюджета Евросоюза.

Совет ЕС назначает Председателя Военного комитета из числа представителей высшего командного состава стран-участниц Евросоюза сроком на три года. На уровне главнокомандующих Вооруженными силами стран-членов Евросоюза проводятся совещания Военного комитета не реже одного раза в шесть месяцев. Повседневная деятельность Военного комитета осуществляется на уровне национальных представителей, наделенных полномочиями представлять позиции своего государства в ходе обсуждения военных вопросов.

Военному комитету Евросоюза подчиняется Военный штаб ЕС, который отвечает за реализацию его решений и планов, включая организацию и проведение различных операций силами реагирования Евросоюза. На ротационной основе генерал от Вооруженных сил одной из стран-членов ЕС назначается руководителем Военного штаба. Текущие задачи обеспечивают пять управлений: общего планирования, разведывательное, по операциям и учениям, ресурсов, координационное.

Важной особенностью европейской политики военной безопасности является обязательное проведение консультаций с НАТО по основным аспектам кризисного урегулирования. Это связано с тем, что большинство стран ЕС, являясь одновременно членами альянса, рассматривают его как основу для обеспечения глобальной безопасности. Евросоюз должен брать на себя ответственность за проведение операций лишь в случаях, когда это не может сделать Североатлантический союз. ЕС за счет сотрудничества с НАТО компенсирует недостаток собственных возможностей по организации боевого управления, разведки, обеспечения мобильности войск.

В Евросоюзе рассматривают два варианта проведения миротворческих операций: с использованием ресурсов Североатлантического союза или с опорой преимущественно на военный потенциал одного из государств ЕС, выступающего в качестве страны-организатора. Предполагается, что Евросоюз будет участвовать в урегулировании конфликтов низкой интенсивности, где возможна нормализация обстановки до момента ее резкого обострения за счет упреждающего реагирования. После стабилизации ситуации ответственность за проведение операции предусматривается передавать другим миротворческим

контингентам и гуманитарным организациям. Такая позиция позволяет избегать втягивания ЕС в длительные операции по поддержанию мира с труднопредсказуемым исходом, не приносящие быстрых и ощутимых военно-политических результатов. Европейский союз в рамках реализации европейской стратегии безопасности особое место уделяет налаживанию взаимодействия с ведущими международными организациями, такими как НАТО, ООН и ОБСЕ.

ЕС и НАТО тесно взаимодействуют в вопросах военного строительства и в области кризисного урегулирования. Такое сотрудничество закреплено пакетом договоренностей «Берлин плюс», основанном на решениях Берлинской сессии Совета НАТО на уровне министров иностранных дел и обороны, а также Вашингтонской сессии Совета НАТО на высшем уровне. Перечисленные соглашения регламентируют порядок доступа Евросоюза к ресурсам Североатлантического альянса, определяют варианты совместной или самостоятельной деятельности организаций при урегулировании кризисов.

Кроме того, характер взаимодействия между ЕС и НАТО предполагает определенную зависимость Евросоюза от позиций блока, особенно в вопросе задействования ресурсов альянса. Большинство европейских стран, являющихся одновременно членами двух организаций, планирует выделять одни и те же силы и средства в состав ОВС НАТО и сил реагирования ЕС, что значительно ограничивает самостоятельность Евросоюза в формировании независимого от альянса военного потенциала и позволяет Североатлантическому союзу активно влиять на политику ЕС в области безопасности. ЕС рассматривает ООН прежде всего как международный институт, обеспечивающий соблюдение норм международного права в глобальном масштабе. В совместной Декларации о сотрудничестве в области предотвращения и урегулирования кризисов ЕС и ООН выделяют исключительную роль ООН и ее структур в решении миротворческих и гуманитарных задач.

ЕС считает ОБСЕ важнейшим инструментом решения региональных проблем. Начиная с 1990 года, ЕС в качестве наблюдателя участвует на заседаниях рабочих органов и встречах экспертов ОБСЕ. Поскольку абсолютное большинство представителей Евросоюза присутствуют в рабочих органах ОБСЕ, руководство Евросоюза четко координирует действия двух организаций на постсоветском пространстве, где финансирует различные проекты ОБСЕ. Таким образом, ОБСЕ практически превратилась из общеевропейского форума в инструмент реализации внешнеполитических планов Запада, важную роль в которых играет Европейский союз.

В заключение следует отметить, что в последнее десятилетие европейская система безопасности стала принципиально меняться. С принятием в декабре 2003 года Европейской стратегии безопасности была закреплена ориентация на диалог, взаимодействие и партнерство или, другими словами, приверженность идее совместной безопасности и принципу многосторонности. Спустя 5 лет Европейский совет принял Доклад о реализации Европейской стратегии безопасности под названием «Обеспечение безопасности в меняющемся мире», тем самым подтвердив принципиальные положения стратегии и готовность

Европы разделить ответственность за мировую безопасность и строительство лучшего мира.

Европейский союз предпочитает убеждению принуждению, принцип многосторонних действий односторонности и дипломатию силовым методам. Налицо тенденции реального перехода от «жесткой» к «мягкой» силе, к силе нормативных актов, к общепризнаваемой модели норм и ценностей, к созданию благоприятной международной среды.

И последнее, качественной характеристикой содержания современной систем международной безопасности является ее антропоцентризм. Ориентация европейской системы безопасности на достижение глобальных, или универсальных общественных благ актуализирует потребность каждого человека в безопасности. Речь идет о физической безопасности, или свободе от страха; экономическом процветании, или свободе от нужды; политической свободе, или демократии, правах человека и верховенстве закона; социальном благосостоянии и образовании, медицинском обслуживании, чистой окружающей среде и т.д.

Библиографический список

1. Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор) от 7 февраля 1992 г. // Официальный сайт Европейского Союза. URL: http://europa.eu/eu-law/treaties/index_en.htm

2. Европейская стратегия безопасности // Совет Европейского Союза: [сайт]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/librairie/PDF/QC7809568RUC.pdf

3. Единый европейский акт. Люксембург, 1 февраля 1986 г. – Гаага, 28 февраля 1986 г. // Юридическая Россия: федеральный правовой портал. URL: <http://low.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1375811>

4. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1998. 462 с.

5. *Логунов А.Б.* Региональная и национальная безопасность. М.: Вузовский учебник, 2009.

6. Мир в условиях мира. Всеобщая безопасность в XXI в. М.: ИНИОН-М, 1990.

7. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дисс. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000. 408 с.

8. *Радиков И.В.* Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 229-248.

Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства*

Международному сообществу необходимы сегодня не только стабильность, порядок, консенсус, но и инициативная, творческая, самостоятельная личность, владеющая информацией и политико-управленческими навыками. Именно от таких личностей (как лидеров, так и исполнителей) зависят формирование, воспроизводство и трансформация международных отношений, международной и национальной безопасности [7]. Разработанная в США в 90-х годах XX в. Концепция сетцентрической войны задала новый вектор развития военной науки и военных технологий. Новые формы и методы ведения военного противостояния и вооруженного столкновения сформировали необходимость в создании механизмов и инструментов, способных обеспечить информационное превосходство над противником. Поэтому перспективным элементом системы управления Вооруженных Сил РФ на сегодняшнем этапе видится создание высокоскоростной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры⁵⁵.

Современные военные действия являются интеграцией множества параллельных процессов (наблюдение, разведка, целеопределение, навигация и т.п.) во времени и пространстве. При этом боевые действия осуществляются в сверхскоростном темпе с применением сложного и высокоточного вооружения. Таким образом, объединив в себе физические, когнитивные и управленческие функции, информационные технологии охватили все элементы военного дела (человеческий ресурс, технологии, материальные объекты), став базовым элементом современной военной стратегии и тактики. Информационные технологии стали ключевым звеном в комплексных системах боевого управления при формировании сетей для передачи цифровых, звуковых и визуальных данных, а также для организации планомерного контроля за материально-техническим обеспечением.

Сегодня на место классических военных понятий, таких как оборона, маневр, нанесение удара и тыловое обеспечение, приходит обновленная функциональность армии через внедрение механизмов и технологий высококоординированного маневра, поражения высокоточным оружием, многомерной и многоэшелонной обороны и адресного координируемого материально-технического снабжения [12]. Однако не следует забывать, что эффективность механизма обеспечения военной безопасности государства – это не только ресурсное и техническое обеспечение современной армии, но и совокупность властной, управленческой и координационной деятельности, направленной на превенцию и элиминацию внешних и внутренних военных опасностей и угроз, на выявление (изучение), прогнозирование, предотвращение,

---

* Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства // Управленческое консультирование. – 2017. – №5. – С.20-27.

⁵⁵ Департамент развития информационных и телекоммуникационных технологий Министерства обороны Российской Федерации. Электронный ресурс: <http://www.army.informost.ru/2011/арxiv/1-4.pdf>

нейтрализацию, а в крайних случаях и пресечение, отражение, устранение военных опасностей и угроз [8].

Что же касательно непосредственно информационных технологий, то главными факторами главенствующей роли информационно-компьютерных технологий (ИКТ) в современном военном деле является необходимость оптимизации и оперативного воплощения любого действия, выполняемого как во время непосредственно вооруженного столкновения, так и в материально-техническом, управленческом и информационном обеспечении вооруженных сил в мирное время.

Современные информационные технологии дают возможность формировать системы контроля и управления в условиях динамичного роста мобильности, неопределенности и потребности в синхронизации процессов командования и взаимодействия всех боевых элементов и участников военного столкновения или противостояния в сферах аналитики, контроля и коммуникаций, тем самым повышая уровень автоматизации принятия решений. А, как известно, временной фактор является на сегодня ключевым для формирования победы в любой форме противостояния, учитывая скоротечность процессов современных военных столкновений.

Важной составной частью функционирования современной армии является внедрение и развитие средств обработки цифровой информации о местности, противнике и собственных войсках. В современных военных столкновениях роль ИКТ претерпела изменение с вспомогательной на основополагающую, что вызвано динамикой эволюции систем вооружения и управления в армии. Так, например, информационные технологии начинают занимать ключевое место в развитии военно-промышленного комплекса в таких направлениях, как аддитивные технологии, робототехника, беспилотная авиация, системы «технического зрения» и т.п.

Что касается информационного обеспечения современных вооруженных сил, то хотелось бы коснуться научно-практических перспектив развития такой важной для безопасности государства сферы, как топогеодезическое и навигационное обеспечение. Несмотря на то, что сегодня при стратегическом, тактическом и оперативном управлении войсками используются классические топографические карты, после динамичного роста масштабности и скоротечности современных военных операций и кардинального обновления разновидностей видов и средств вооружения соответственно расширилась и номенклатура носителей топогеодезической информации. Основной задачей данных носителей является предоставление оперативной объективной информации. Осуществляется это с помощью генерации и фильтрации больших объемов гетерогенных данных, путем использования разных направлений технического прогресса: систем распознавания фото- и видеоизображений или речи, нейронных и семантических сетей и использования возможностей «искусственного интеллекта».

Аспекты точности и оперативности получения информационных и геоанных о территориях, находящихся в зоне боевых действий или подконтрольных и сопредельных территориях, при динамичном управлении войсками становятся ключевым звеном для принятия решений и контроля командованием

вооруженных сил. Быстротечность современных вооруженных столкновений требует разработки и внедрения в военное дело все большего числа механизмов и инструментов, позволяющих оптимизировать развертывание воинских подразделений и гибкое управленческое реагирование при своевременной коррекции информации о действиях противника. Поэтому задача формирования целостного информационно-коммуникационного пространства с помощью информационных технологий является основой положительного результата при столкновении или противостоянии, за счет предоставления своевременной и объективной картины боевой обстановки и динамики ее изменений. Тем самым достигается опережение противостоящей стороны в сборе и анализе информации, принятии стратегических и тактических командных решений и оперативном доведении их до воинских подразделений, участвующих в конфликте [6].

Благодаря появлению более совершенных носителей цифровой, аудио- и видеосвязи, топогеодезическое обеспечение вооруженных сил XXI в., включающее аэрокосмическую, оптико-электронную разведку с применением цифровой компьютерной обработки, стало основой передачи информации в современной армии. Основой же геоинформационного обеспечения является использование каналов, связанных с базами данных географических информационных систем с целью планомерной циркуляции оперативных данных для передачи географической или топографической информации в цифровой форме. Таким образом формируются информационные базы данных и цифровые карты местности с целью всестороннего отражения сведений для электронной визуализации и возможности интерактивной работы пользователя [1].

При этом современные технологии позволяют создавать и поддерживать цифровые модели оперативной обстановки для каждого конкретного задания с учетом специфики конкретной военной структуры. Так, например, широкое внедрение получает инструментарий электронного (цифрового) отражения поля боя – довольно качественное и новаторское внедрение в применении ИКТ в области современных операций. Главная функциональная задача военной карты – максимально оперативное и точное отображение обстановки во времени и пространстве. И этими свойствами в достаточной степени обладают современные информационные компьютерные приложения, которые помогают оперативно и приближенно к реальным условиям отразить все нюансы вопросов, возникающих при размещении личного состава воинских подразделений, техники и вспомогательных служб или материальных объектов в конкретном месте в соответствующее необходимой дислокации время.

Благодаря этому происходит качественный мониторинг и эффективное планирование и управление перемещениями человеческих и технических ресурсов, с учетом динамики, и изменениями боевой обстановки, принимая во внимание внешние факторы (местность, временной и погодный аспект, уровень скрытности, количественные и качественные характеристики человеческого ресурса и техники). Появляется возможность более объективно планировать и оптимизировать расписание и маршруты движения авиационных сил для нанесения точечных ударов, ведения разведывательной деятельности, определения прогнозируемых маршрутов передвижения и мест дислокации

противника, с целью выработки стратегических и тактических планов по размещению необходимых сил и средств.

Отдельным вопросом в военной сфере является применение цифровой формы создания объемных моделей местности с целью использования данных возможностей в специализированных учебных военно-прикладных тренажерах (например, для приобретения и дополнительной наработки навыков управления летной и другими видами техники и в целом для наработок необходимых квалификационных навыков). Также эти возможности применяются в навигации и диспетчерском сопровождении мобильных человеческих и технических объектов, создании и поддержке баз данных навигационной и оперативно-тактической обстановки, прогнозировании возможности и результатов применения средств массового уничтожения и последствий чрезвычайных ситуаций, носящих естественный и техногенный характер, с целью определения уровня опасности возникшей ситуации и планирования мероприятий по защите, эвакуации или восстановлению территорий, подвергнутых разрушительному воздействию.

Таким образом, для качественного и эффективного стратегического, тактического и оперативного снабжения информацией руководства страны, командования вооруженными силами и подразделений армии необходимо сосредоточение усилий в среднесрочной перспективе на:

- реализации теоретических разработок геодезического и навигационного обеспечения и практическом их внедрении в форме единой системы информационной поддержки военного управления на различных уровнях как Вооруженных сил РФ, так и в эшелонах государственных структур, отвечающих за военную и национальную безопасность страны;

- разработке высокотехнологичных навигационно-геодезических систем и средств оборонного назначения;

- плановой работе по программе создания и планомерного обновления электронных информационных баз как касательно территории РФ и приграничной территории России и территорий стран региона СНГ, так и территорий других стран, где существует вероятность возникновения военных или вооруженных конфликтов (в том числе, с целью повышения эффективности использования средств ядерного сдерживания);

- исследовании и использовании опыта создания и эксплуатации зарубежных военно-технических систем разведочно-наблюдательного и навигационного обеспечения Вооруженных сил РФ как для функциональной деятельности в период боевых столкновений, так и для обеспечения мониторинга угроз в мирное время;

- разработке и внедрении более совершенных технологий в области фиксации и обработки изображений, получаемых при использовании спутниковых и прочих форм слежения, или при применении беспилотной летательной техники⁵⁶.

---

⁵⁶ Современное состояние и научно-практические перспективы развития топографической службы Вооруженных сил Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://federalbook.ru/files/OPK/Soderjanie/OPK-10/III/Kozlov.pdf>

Отдельно хотелось бы сказать о взаимодействии ИКТ и разных форм военного управления на примере такой формы военного контроля, планирования и воздействия, как рефлексивное управление. Рефлексивное управление – это воздействие на субъекты, с целью склонения их к принятию решения, заранее подготовленного управляющей стороной. Создателем данной концепции В.А. Лефевром дано такое обозначение – это «процесс, в котором один из противников передает другому основания для принятия решений». Им же было сформулировано четыре базовых типа рефлексивного управления [5]: прямое воздействие через манипулирование посредством влияния; путем манипулирования изменений в отношениях между индивидами в группе; как средство манипулирования порядком значимости; через воздействие на неосознанную сферу субъектов. Данную отечественную концепцию в военном деле развивали такие исследователи, как С. Леоненко, М.Д. Ионов [2] и С.А. Комов [3].

Так, С. Леоненко считает [4], что процесс рефлексивного управления начинается при передаче управляемой системе побуждения и основания от органа управления, с целью внедрения повода для достижения желательного решения. Смысл идеи рефлексии заключается в побуждении определенных процессов имитации рассуждений или возможного поведения противника, вынуждая его принимать решение, неблагоприятное для самого себя, поскольку оно основано лишь на его представлении о сформировавшейся ситуации. При позитивном проведении операции по рефлексивному управлению противником возникает возможность опосредованного (а местами и непосредственного) влияния на военные планы и действия противной стороны, путем искажения или формированием ложного представления о ситуации. К действенным инструментам рефлексивного управления можно отнести: дезинформацию, «камуфляж» информации и средств ее обнаружения и подачи, провокации и прочие средства информационного и психологического воздействия на противника [11].

Методы рефлексивного управления можно использовать также для дезорганизации процессов принятия решений на государственном уровне через манипулирование информацией или формирование планомерной всесторонней дезинформации, с целью поражения специальных информационных ресурсов, включающих в себя такие сферы и области, как информация и информационные накопители и передатчики, информационные технологии по получению, сбору и обработке информации; инфраструктуру информационных центров и средства автоматизации, коммутации, коммуникации, программирования и передачи данных; управляющий, научный и обслуживающий персонал административных и организационных органов, управляющих информационными процессами [10].

Во время конфликта, согласно теории рефлексивного управления, противоборствующие стороны проводят стратегический, тактический и оперативный анализ как своих собственных идей, так и идей противника, с целью дальнейшего манипулятивного влияния на соперника через инструментарий рефлексивного управления. Главной задачей при этом является поиск так называемого «слабого фильтра», функциональная сущность которого состоит в

отсевании информационных, разведывательных и других данных и факторов с целью формирования идей, необходимых для выбора и принятия решений, т.е. через него проходят все данные о внешнем мире, а сам он представляет собой набор военных технологий и методов ведения боевых действий, предпочитаемых противником [4]. При определении этого фильтра необходимо предпринять действия для формирования слабой функциональности фильтра или всячески нарушать его внутренние структурные связи. При этом учитывается тот факт, что противоборствующая сторона также имеет свою модель ситуации, и предполагается, что она также предпринимает или предпримет попытки встречного влияния на сторону, навязывающую ей чужеродную систему управления.

С. Леоненко при развитии мысли относительно практического применения связки рефлексивного управления и ИКТ, отмечает, что информационно-компьютерные ресурсы могут стать помехой для эффективного применения рефлексивного управления, так как данные технологии позволяют оперативно глубоко просчитывать и перепросчитывать любые действия, а поэтому возникает угроза скоростного и точного «вычисления» мероприятий и направлений действия рефлексивного управления. Тем не менее, этот же фактор можно также результативно использовать при воздействии или противодействии, учитывая тот аспект, что информационно-компьютерным технологиям недостает интуитивной формы человеческого рассуждения.

Также мы согласны с его утверждением, что в современных условиях полной технизации и автоматизации управленческих и военно-технических действий возникла потребность в совершении действий не только против человеческого ресурса, но и непосредственно против технических средств информационного и разведывательного обеспечения и систем управления вооружением. В этом случае происходит манипуляция не только на информационном уровне, но и в плоскости манипулирования техническими средствами. Другими словами, на сегодняшнем этапе идет война не только человека с человеком, машины с человеком или человека с машиной, но и машины с машиной.

Поэтому использование связки рефлексивного управления и инструментария ИКТ, на наш взгляд, в силу своей многовекторности и интегрирующей многофункциональности и многогранности, является перспективным направлением при проведении активных упреждающих и атакующих действий как при обычных формах вооруженных и информационных противостояний, так, например, и в киберсфере, а также для формирования оборонной системы собственного киберпространства. Таким образом, старый тезис о том, что «кто владеет информацией, тот владеет миром», сейчас стал не просто сверхактуальным, но жизненно важным постулатом, который определяет абсолютно все действия во всевозможных сферах жизнедеятельности человеческого сообщества, включая и военную. Но следует понимать, что владение информацией на сегодняшнем этапе – это не только, собственно говоря, овладение ею, но и эффективное управление и квалифицированное умение ее создавать, форматировать, переформатировать и умело преподнести

не только для собственного использования, но и для дезориентации и информационного поражения противника.

Роль ИКТ заслуживает отдельного внимания в сфере информационных войн. На современном этапе развития науки и техники, и с учетом переформатирования архитектуры мировой безопасности, киберпространство и сфера СМИ должны быть признаны как такое же равноценное пространство ведения войны, каковыми до сих пор выступают суша, море и воздушное пространство. И задекларировать этот момент необходимо на международном уровне, а также в военных или национальных доктринах безопасности отдельных государств.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на технократичное направление современной военной мысли, необходимо все-таки не забывать главенствующий принцип развития цивилизации – установление мира и недопущение эскалации военных конфликтов в принципе. Здесь мы согласны с тезисом профессора И.В. Радикова, что «обеспечение национальной безопасности является центральной, стратегически значимой для развития каждой страны задачей. Без ее решения всякая человеческая деятельность оказывается бессцельной. Низкий уровень безопасности оборачивается большими бедами: крушением государств, уничтожением народов, массовыми кровопролитиями, разрушением и гибелью материальных ценностей. Государства, общества, люди, не проявляющие должной заботы о своей безопасности, как правило, оказываются нежизнеспособны» [9]. И задача современной политологии и государственных институтов должна заключаться не столько в совершенствовании механизмов и принципов ведения военных действий, сколько в разработке архитектуры и институциональных инструментов превентивного их предотвращения или мирного решения конфликтов на ранних стадиях.

Библиографический список

1. *Иванов В.В., Маркус А.С.* Топогеодезическая карта XIX века // Армейский сборник. 1999. № 9. С. 42-45.
2. *Ионов М.Д.* Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск. 1994. № 1. С. 44-45.
3. *Комов С.А.* О способах и формах ведения информационной борьбы // Военная мысль. 1997. № 4. С. 32-45.
4. *Леоненко С.* Рефлексивное управление противником // Армейский сборник. 1995. № 8. С. 28.
5. *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. М.: Когито-Центр, 2009. 218 с.
6. *Присяжнюк С.П., Филатов Н.В., Федоненков С.П.* Геоинформационные системы военного назначения: учебник. СПб.: БГТУ, 2009. 208 с.
7. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2010. № 4. С. 6-11.

8. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. СПб., 2000. 408 с.

9. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: Политэкс. Научный журнал. 2007. Т. 3. № 1. С. 64-81.

10. *Смолян Г.Л.* Рефлексивное управление – технология принятия манипулятивных решений // Труды института системного анализа РАН. М.: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, 2013. С. 54-61.

11. *Томас Т.Л.* Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 1. № 1. С. 71-89.

12. *Hundley Richard O.* Past Revolutions, Future Transformations: What can the History of revolutions in military affairs tell us about transforming the U. S. Military? Santa Monica, CA : RAND, 1999. P. 9.

Механизм гражданского контроля как условие эффективности функционирования системы обеспечения военной безопасности*

Одним из важных условий обеспечения военной безопасности страны является механизм гражданского контроля, который в России находится пока в стадии формирования и становления. Эта проблема уже давно обсуждается учеными, политиками, военными экспертами, но на сегодняшний день единства мнений на этот счет не существует, что объясняется, с одной стороны, все еще недостаточной развитостью институтов гражданского общества в нашей стране, с другой – деликатностью самой темы, ибо контроль граждан над силовыми структурами натывается на целый ряд препятствий, начиная с исторически сложившейся закрытости этих структур и кончая наличием Закона о государственной тайне. Само выражение «гражданский контроль над армией и силовыми структурами» подразумевает, что некие гражданские (штатские) лица и организации будут проверять, контролировать людей военных. В связи с этим возникает целый ряд вопросов: «кто достоин, а кто недостоин их проверять», достаточно ли компетентны для этого сами гражданские «контролеры», какие аспекты деятельности военных организаций подлежат контролю со стороны гражданских институтов, а что позволено проверять только военной прокуратуре [1]?

Вытекающий из этого конфликт интересов заставляет разные категории участников данного процесса (например, представителей командования военными частями, с одной стороны, и родителей призывников – с другой) видеть проблему и относиться к ней по-разному.

---

* Ковалев А.А. Механизм гражданского контроля как условие эффективности функционирования системы обеспечения военной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №5. – Ч.3. – С.86-90.

Самые разные общественные организации, включая правозащитные, профсоюзные, женские, претендуют на особую роль в гражданском контроле над силовой составляющей государства и системой обеспечения военной безопасности (такие заявления поступают Президенту и Федеральному собранию страны). Это, безусловно, свидетельствует о росте гражданской активности в нашем обществе, наличии в нем неудовлетворенности тем, как функционируют и управляются со стороны государственных органов соответствующие военные структуры. В то же время понятно, что никакая общественная организация не может монополизировать право на гражданский контроль в военных вопросах, ибо это быстро приведет к ее превращению в закрытую корпоративную структуру. Напротив, самый широкий и открытый общественный контроль может стать залогом позитивных изменений в этой сфере.

Прежде чем разобраться в этой проблеме, надо дать определение понятию гражданский контроль. В самой простой формулировке это «контроль за деятельностью органов власти, осуществляемый гражданами и общественными объединениями» [2]. Но еще важнее определить цель, с которой такой контроль осуществляется. Цель гражданского контроля (в любой сфере) – совершенствование системы политического управления, в чем должны быть одинаково заинтересованы и власть, и гражданское общество. Исходя из этой цели, власть обязана предоставлять гражданскому обществу возможности и условия для осуществления такого контроля, прежде всего – через информирование его о своей военной политике и реформах в военных и силовых ведомствах. В свою очередь, гражданское общество должно не просто интересоваться такого рода информацией, но и проводить широкие обсуждения соответствующих проблем, вырабатывать консолидированную общественную позицию по тем или иным вопросам, помня о том, что гражданский контроль – это не удовлетворение праздного любопытства и не сведение личных счетов с кем бы то ни было, а забота о повышении эффективности работы контролируемых организаций и предотвращении возможных нарушений и злоупотреблений.

Обратимся непосредственно к проблеме гражданского контроля, который является одним из ключевых направлений деятельности институтов гражданского общества. Как уже было сказано, главная цель и социальная функция такого контроля – недопущение негативных проявлений и злоупотреблений в различных сферах жизнедеятельности государства, всемерное совершенствование этих сфер во благо индивида и всего общества. В полной мере это относится и к гражданскому контролю над Вооруженными Силами и другими военными структурами. Необходимо выстроить такую систему отношений между военными и гражданской частью общества, которая не позволяла бы одним главенствовать над другими, исключала бы возможность «доминирования военной машины над обществом», навязывания ему односторонних ценностей и интересов.

В современных государствах можно наблюдать три типа гражданско-военных отношений: 1) основанные на согласии военных, политической элиты и гражданского населения; 2) основанные на четком разделении военных и

гражданских институтов; 3) конфликтные, характерные для переходных политических режимов.

Наиболее развитые взаимосвязи государства и гражданского общества характерны для США и стран Западной Европы. Там они основаны на принципе разделения гражданских и военных институтов и установлении между ними четких правил взаимодействия.

Исследователи выделяют несколько моделей гражданского контроля над военной сферой. Так, американская модель гражданского контроля отличается большим числом общественных организаций, отстаивающих экономические и политические права военнослужащих. Вооруженные силы рассматриваются там как опора гражданской политической власти в правовом демократическом государстве. Важнейшим законодательным актом в этой сфере является в США «Закон об использовании вооруженных сил против гражданских беспорядков» (титул 18 Свода законов США) [9], который запрещает оказание любого содействия со стороны армии гражданским властям в их усилиях по восстановлению и поддержанию законности и правопорядка.

Британскую модель гражданского контроля отличает формальное признание статуса главнокомандующего за королевой. Фактически же за разработку военной политики и ее реализацию отвечает Комитет обороны во главе с премьер-министром. В военное время Комитет осуществляет общее руководство армией. Сумму военных бюджетов страны утверждает Палата лордов.

Ядром немецкой системы гражданского контроля является парламентский контроль над бундесвером. Парламент заслушивает доклады министра обороны, а парламентская комиссия контролирует военный бюджет страны на всех этапах, включая его реализацию. Кроме того, установлен специальный институт уполномоченного бундестага по делам вооруженных сил, который избирается парламентом сроком на 5 лет и подчиняется только бундестагу, обладая большими полномочиями.

Свою специфику имеет французская модель гражданского контроля, суть которой состоит в допустимости борьбы политических партий за влияние на армию, особенно на местном уровне. Каждая политическая партия имеет собственные органы, занимающиеся военными вопросами.

Соучастие граждан в решении такой важной общегосударственной задачи, в сущности, и есть проявление демократии в той ее форме, которая на Западе называется «демократия участия» (в отличие от традиционной представительной демократии).

Участие гражданского общества в системе обеспечения военной безопасности является одним из ключевых и для современной России.

В докладе Общественной палаты РФ «Гражданское общество в модернизирующейся России» [4] утверждается, что социальная база российского гражданского общества составляет не менее 90% взрослого населения страны. Однако фактическая вовлеченность населения в деятельность гражданских организаций различной направленности не превышает 34%.

Беспокоят же граждан России в основном социальные вопросы, связанные с деятельностью военных ведомств, такие как обеспечение военнослужащих

жильем (до сих пор не решенная проблема), выплаты пострадавшим в «горячих точках», а также по-прежнему все, что связано с призывом в армию (начиная с взятков в военкоматах и заканчивая дедовщиной).

В России действует несколько общественных организаций, занимающихся защитой прав военнослужащих, среди которых наибольшую известность приобрели: «Комитет солдатских матерей России», «Союз комитетов солдатских матерей России», «Солдатские матери Санкт-Петербурга», «Национальный военный фонд», Всероссийское общественное движение ветеранов локальных войн и военных конфликтов «Боевое братство» и другие.

Между тем в ряде министерств и ведомств, обеспечивающих военную безопасность, функционируют общественные советы [7], в том числе есть они в Министерстве обороны, Министерстве внутренних дел, Федеральной службе безопасности РФ и других ведомствах.

Общественные советы создаются в целях:

- консультации с экспертами по специальным вопросам;
- помощи в разработке законодательства;
- мониторинга за выполнением решений властей;
- осуществления некоторых государственных функций, которые были делегированы государственным органом общественным организациям.

Так, Общественный совет при Министерстве обороны России [8] призван привлекать граждан и общественные объединения к формированию и реализации государственной политики в области обороны, выдвижению и поддержке гражданских инициатив в этой сфере, проведению общественной экспертизы проектов федеральных законов, разрабатываемых Министерством, осуществлению общественного контроля деятельности министерства. Особое внимание уделяется вопросам правовой и социальной защиты военнослужащих, гражданского персонала Вооруженных Сил РФ, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Минобороны России придает большое значение совместной деятельности с Общественным советом как элементом гражданского общества. В настоящее время Общественный совет состоит из 52 общественных деятелей, в его составе восемь комиссий: по патриотическому воспитанию и сохранению исторического наследия; по культурно-шефской работе и межнациональным отношениям; по комплектованию войск военнослужащими по призыву и по контракту; по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины; по военному строительству и научным исследованиям в сфере безопасности; по спортивно-массовой работе и сохранению здоровья военнослужащих; по информационному сопровождению деятельности вооруженных сил; по повышению общественного статуса и социальной защищенности военнослужащих и гражданского персонала.

Основными формами работы Общественного совета являются пленарные заседания совета, заседания комиссий. В целях реализации своих функций Общественный совет вправе проводить слушания по общественно важным проблемам в области обороны, приглашать руководителей Министерства на пленарные заседания Совета, направлять запросы Общественного совета органам военного управления. Предложения, принятые Советом, носят рекомендательный

характер. Финансовое обеспечение деятельности Совета предусматривается в бюджете военного ведомства отдельной строкой.

Главное противоречие между государством и гражданским обществом по вопросу обеспечения военной безопасности заключается во все еще сохраняющемся между ними взаимном недоверии. Традиции политического администрирования, кулуарного принятия решений до сих пор сильны в нашей стране, а демократические традиции, напротив, еще слабы, недостаточно развиты. Интерес общества к наиболее актуальным, жизненно важным, но при этом наиболее закрытым вопросам зачастую воспринимается представителями власти как вмешательство «не в свои дела». Постоянный диалог между властью и обществом не налажен, а в иных случаях носит формальный характер.

По результатам соцопросов, которые приведены в докладе Общественной палаты Российской Федерации [4], около 80% граждан считают, что их мнение практически ничего не значит в управлении жизнью страны, города, предприятия. Общественная деятельность граждан нередко носит «ситуативный характер», выражаясь в реагировании на конкретные ситуации ЧП, стихийных бедствий, террористических угроз. В критических ситуациях наше гражданское общество оказывается способным на организованные и солидарные действия, которые вынуждают власть прислушаться к общественному мнению, учесть предложения, исходящие от неформальных организаций. Но участие гражданского общества в обеспечении военной безопасности страны еще не стало в России повседневной практикой. Повторим: гражданская активность чаще проявляется в решении социальных проблем, а вопросы военной безопасности большинству граждан представляются исключительной прерогативой государства. Видимо, поэтому большинство некоммерческих организаций даже не пытаются проявлять какие-либо инициативы в этой сфере, а если и проявляют, то инициативы эти носят, как правило, неоформленный и незавершенный характер.

Чтобы придать системность функционированию гражданского общества, необходимы несколько условий. Прежде всего, регулярное и как можно более полное информирование общества по всему спектру государственной политики, предстоящих реформ, их возможных последствий и т.д. Велика роль в этом средств массовой информации, которые в их сегодняшнем виде и с их сегодняшними приоритетами (развлекать читателя, слушателя, зрителя и зарабатывать деньги) плохо откликаются на эту общественную потребность.

По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, сегодня в России зарегистрировано более 88 тыс. СМИ [10]. Однако, по докладу Общественной палаты Российской Федерации, реально выходит порядка 10 тыс. газет и около 7 тыс. журналов [4]. При этом доля независимых СМИ резко уменьшилась, а подавляющее большинство местных изданий принадлежит местным же органам власти. Одновременно произошла коммерциализация средств массовой информации. В силу этих причин сегодня отечественные СМИ нельзя считать рупором гражданского общества, как это было в 80-90-е годы прошлого века.

Эту роль взяли на себя Интернет, социальные сети, блогосфера, от которых не приходится ждать ни объективности, ни ответственности за информацию.

Отсутствие полноценной информации о государственных делах, в свою очередь, препятствует разворачиванию в гражданском обществе широких дискуссий по наиболее острым и животрепещущим проблемам, а следовательно, и проявлениям гражданской активности и гражданских инициатив в решении этих проблем.

В случае с проблемами обеспечения военной безопасности и функционирования военных структур и ведомств дело усугубляется наличием Закона о государственной тайне, который, по сути, устанавливает прямой запрет на распространение каких-либо сведений в сфере обеспечения военной безопасности.

При этом ст. 30.1 Закона РФ о государственной тайне [6] устанавливает порядок федерального государственного контроля за обеспечением защиты государственной тайны; ст. 31 – порядок межведомственного и ведомственного контроля; ст. 32 – порядок прокурорского надзора, тогда как о возможности гражданского контроля в данном законодательном акте не говорится вовсе.

Мы отнюдь не ратуем за отмену такого Закона, он необходим и оправдан интересами той же военной, государственной безопасности страны. Но отсутствие гражданского контроля, как мы хорошо знаем из истории нашей страны (в том числе и новейшей), нередко приводило к перекосам и злоупотреблениям, мешало построению действительно демократического, открытого государства и общества.

Противодействие со стороны власти общественным инициативам, нежелание передавать им часть своих полномочий объясняется не только российской традицией, но и целым рядом субъективных причин, начиная со страха перед так называемыми «цветными» революциями и кончая недоверием к профессиональной компетентности и гражданской ответственности лидеров и отдельных представителей общественных организаций.

В свою очередь, граждане априори не доверяют власти, видя во всех ее действиях заведомые ошибки (зачастую все по той же причине недостатка информации), а их личная заинтересованность (как в случае солдатских матерей) порой не позволяет им быть объективными и учитывать государственные, общественные интересы. Помимо всего этого, активность гражданских организаций и объединений сдерживают нехватка средств, неустойчивое финансирование, а также отсутствие опыта, разрозненность, слабая поддержка населения.

Но нельзя не признать, что сегодня процесс институционализации гражданского контроля над обеспечением военной безопасности постепенно развивается в России, предпринимаются попытки формирования нормативно-правовой базы, закрепляющей механизмы этого контроля. В обществе обсуждается проект федерального закона «О гражданском контроле и управлении военной организацией и деятельностью в Российской Федерации», но до его принятия, по-видимому, еще далеко.

Систему гражданского контроля предлагается строить на принципах всеохватности, всеобщности, гласности, обязательности, многообразия форм и признания органов гражданского контроля законными представителями определенного круга лиц, выступающих в защиту общественных интересов. Однако если безоговорочно принять перечисленные принципы, то реализация гражданского контроля в России окажется недостижимой задачей, поскольку институты гражданского общества еще недостаточно развиты, а взаимоуважение между властью и обществом – явление скорее желаемое, чем действительное.

Подведем итог. Процесс становления гражданского общества в России происходит крайне медленно, а уровень гражданской активности остается низким. Требования секретности объективно ограничивают возможности гражданского общества по демократическому контролю за органами обеспечения военной безопасности. Сфера его деятельности касается преимущественно вопросов социальной и правовой защиты военнослужащих, формирования бюджета в части материально-технического обеспечения и оплаты труда личного состава.

Считаем, что в России требуется скорейшее принятие специального федерального закона «О гражданском контроле и управлении военной организацией и деятельностью в Российской Федерации», а также внесение изменений в действующий Закон РФ «О государственной тайне» в части обеспечения независимого экспертного контроля над военными расходами. Необходимо создание института парламентского уполномоченного по делам Вооруженных Сил РФ, в функции которого будут входить, прежде всего, контроль над состоянием Вооруженных Сил и защита прав военнослужащих в целях обеспечения законности и порядка в структурах военных ведомств.

Все эти и другие меры помогут не только совершенствованию деятельности в военной сфере, но и укреплению доверия между государством и гражданским обществом.

Библиографический список

1. *Баранов С.В.* Гражданский контроль силовых структур // *Обозреватель – Observer: научно-аналитический журнал.* 2007. № 8. С. 51-55.
2. *Гацко М.Ф.* Гражданский контроль над Вооруженными силами РФ // *Обозреватель – Observer: научно-аналитический журнал.* 2007. № 1. С. 14-21.
3. *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* Тамбов: Грамота, 2012. № 7. Ч. 2. С. 52-54.
4. Доклад «Гражданское общество в модернизирующейся России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosbook.ru/node/26519>
5. *Нисневич Ю.А.* Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // *Полис (Политические исследования).* 2011. № 1. С. 165-176.

6. О государственной тайне [Электронный ресурс]: Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 21.12.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156018>

7. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 04.08.2006 № 842 (ред. от 23.05.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=146636>

8. Об образовании Общественного совета при Министерстве обороны Российской Федерации [Электронный ресурс]: Приказ Министра обороны РФ от 16.11.2006 № 490 (ред. от 21.03.2013). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=542614>

9. Преступления. Свод законов США [Электронный ресурс]. URL: <http://constitutions.ru/archives/4490>

10. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media/>

Модели взаимодействия гражданского общества с государством в сфере обеспечения военной безопасности*

Правовое государство предполагает существование гражданского общества – сложного и многофакторного явления человеческого бытия, которое выступает как продукт длительного исторического развития и начинает формироваться с разделением общества на государственную и негосударственную сферы деятельности, развитием правовой и общей культуры.

Большинство политологов придерживаются широкого толкования этого понятия, справедливо полагая, что гражданское общество характеризует не только как система негосударственных или неполитических отношений между людьми, но и как система социально-политических отношений, под которой понимается взаимовлияние общества и государства. Таким образом, гражданское общество представляет собой систему экономических, социально-политических, религиозных, духовно-нравственных, семейных, культурных и других общественных отношений, которые, определяя государственную политику, выражают волю граждан общества. В рамках этой системы функционируют различные общественные объединения, организации, движения, политические партии, религиозные организации, экономические организации и объединения, а

---

* Ковалев А.А. Модели взаимодействия гражданского общества с государством в сфере обеспечения военной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – №1. – С.300-304.

также гражданин как личность со своими семейными, профессиональными, досуговыми потребностями и интересами [4].

Не вдаваясь далее в теорию вопроса, констатируем, что гражданское общество стоит считать отдельным субъектом по отношению к государству, поэтому вопрос принципиальных моделей их взаимодействия как минимум имеет право на существование.

Итак, традиционно выделяют следующие модели сосуществования государства и общества:

- консенсус – сочетание интересов личности, всех агентов гражданского общества и государства;
- приоритет интересов государства над интересами личности и общества;
- приоритет интересов личности, общества над государственными интересами.

На характер этого взаимодействия влияют цивилизованность гражданского общества и особенности культурно-исторического развития страны.

Модель участия общества в процессе обеспечения военной безопасности выстраивается в рамках этих моделей с учетом конкретного характера взаимодействия:

- усвоение членами общества военной безопасности как жизненно-важной ценности, осознание необходимости личного участия в ее обеспечении в процессе социализации;
- выражение интересов личности и различных социальных групп, а также предъявление требований к тем, кто вырабатывает военно-политические решения (гражданский контроль).

Рассмотрим предлагаемые модели подробнее.

Общество возлагает на государство функцию осуществления внешней политики. Оно поручает ему отстаивать как общенациональные интересы, так и интересы отдельных национальностей и слоев. И это понятно: государство – основной субъект международных отношений. Только с помощью государства различные слои общества могут реально защищать свои интересы. Таким образом, деятельность, направленная вовне и связанная с обеспечением военной безопасности, носит государственный характер. Если общество поручает государству отстаивать свои частные и общие интересы, а, значит, и свою защиту в случае возникновения внешних военных угроз, то грань между интересами национальной и государственной безопасности стирается, и эти понятия отождествляются.

В ходе эволюционного развития общественные и государственные интересы должны максимально совпадать друг с другом. Необходимым условием для этого является высокая степень демократизации общества. Более развитое государство имеет больше возможностей для обеспечения безопасности общества. Развитое гражданское общество позволяет гражданам участвовать в выработке военно-политических решений. В этом случае государство декларирует безопасность личности и общества своей приоритетной целью.

Интересы безопасности государства соответствуют личным и общественным интересам. Деятельность государства по обеспечению интересов личности и

общества означает проведение политики национальной безопасности. В литературе утвердился термин «национально-государственный интерес» – это комплексная категория, включающая представления о политических и экономических интересах, связанных с обеспечением благоприятных условий для развития данного государства, о производных формах выражения национально-государственных интересов [7].

Уравновешенное состояние государства и гражданского общества отнюдь не означает их равновеликого вклада в обеспечение военной безопасности. Гражданское общество определяет пределы политики военной безопасности государства, рамки функционирования государства, пределы мобилизации общественных ресурсов. Вместе с тем, функция обеспечения военной безопасности общества возложена на государство, которое олицетворяет определенную социально-политическую систему [8].

Социальные группы, осуществляющие политическую власть, охраняют государство как орудие своей власти от посягательств иных групп, которые противостоят им внутри общества и ведут борьбу за власть. Здесь мы подходим к вопросу о частоте совпадения интересов общества (в широком срезе) и государства. Безусловно, однозначно полярные точки зрения вряд ли могут находить подтверждения в окружающей нас действительности, поэтому более корректно говорить о существовании нескольких фаз совпадения (несовпадения) интересов.

Возможен вариант, когда государство, обеспечивая свою собственную безопасность, исходит из собственных интересов – фаза неполного совпадения интересов [10]. Логично, что в системе безопасности первичной становится безопасность государства, а личность и общество служат ее обеспечению. При этом основные военные угрозы государству, его целостности, социально-политическому строю возникают в самом обществе. Государство, опираясь на соответствующие социальные слои, обеспечивает как нейтрализацию, так и ликвидацию этих военных угроз, обеспечивая безопасность групп, которые составляют социальный ресурс власти. Вместе с тем, опасности и угрозы, исходящие извне и направленные на общество, становятся опасностями и угрозами для самого государства. В свою очередь, опасности и угрозы, нацеленные на государство, социальные группы, не поддерживающие государство, своими не считают. Иначе говоря, возникновение опасностей и угроз государству не всегда означает угрозу безопасности общества и личности (отсутствие устойчивой связи).

Более радикальный вариант – фаза противопоставления [10], то есть принципиального расхождения общественных и государственных интересов. Она возникает в ситуации, когда за государственные приоритеты выдаются социальные иллюзии высоких должностных лиц и корыстные устремления ведомств. Укрепление государства может осуществляться за счет снижения безопасности личности и даже основываться на устранении ее для большинства людей, т.е. безопасности общества. Нередко государством обеспечивается защищенность от опасностей лишь избранных членов общества – правителей, высшего чиновничества, привилегированных слоев.

Государство, обеспечивая свою безопасность, может одновременно само представлять постоянную опасность и угрозу для своего народа. В самом деле, государство, проводящее антидемократическую репрессивную политику внутри страны и жесткий курс на международной арене, способно эффективно нейтрализовать угрозы своей безопасности, однако едва ли можно считать, что в безопасности находится и общество, лишенное возможности жить в соответствии со своими фундаментальными ценностями и полноценно развиваться. Государство не позволяет контролировать себя, но при этом жестко контролирует и регулирует деятельность каждой личности и всего общества [3]. Между тем, только здоровое, динамично развивающееся, уверенное в себе общество может в долгосрочном плане гарантировать собственную безопасность и безопасность государства.

Резюмируя вышеизложенные теоретические постулаты, можно сделать следующие выводы. Государство и гражданское общество не только сосуществуют друг с другом, но и своеобразно взаимодействуют между собой, причем их интересы не всегда совпадают.

На характер взаимодействия влияют цивилизованность гражданского общества и особенности культурно-исторического развития страны. В соответствии с этим выстраивается одна из трех моделей взаимодействия – консенсусная, отдающая приоритет государству, либо делающая упор на социуме. Можно предположить, что реализация конкретной модели не является случайной флуктуацией, и что существует определенная детерминированность этого выбора уровнем зависимости власти от общества. Чем выше вес общественного мнения, тем активнее государственная политика в области национальной безопасности будет соответствовать общенациональным интересам. И наоборот, чем меньше зависимость власти от общества, тем выше вероятность подмены национальных интересов эгоистическими интересами властвующей элиты. Практическая сторона вопроса заключается в том, что в долгосрочной перспективе консенсусная модель оказывается более выгодной как для общества, так и для государства, потому что снижает антагонизм и позволяет находить взвешенные решения. Претворятся ли этот тезис в реальной жизни, то есть, видим ли мы общественно-политические сдвиги к консенсусной модели?

Сама постановка вопроса о возможной модели взаимодействия может возникать, только если мы говорим о современной России, понятно, что процессы взаимодействия, существовавшие во времена СССР, весьма специфичны, и вряд ли их можно рассматривать в контексте вышеописанного терминологического подхода. В современной России можно выделить два характерных периода взаимодействия, когда попеременно сначала общество играло ведущую роль (условно период 1990-х), затем основные решения взяло на себя государство (обозначим рубеж как условные 2000-е). После чеченских событий стало понятно, что практические задачи реформирования России, выработка новой политики обеспечения национальной безопасности требуют качественно иной политической модели взаимодействия гражданского общества и государства.

Важные стратегические интересы в сложившихся геополитических, политических, экономических, социокультурных и правовых условиях, в

условиях развития рыночной экономики сделали практически невозможным консенсусный подход. Ситуация требовала жестких и решительных действий, а социум оказался не готов действовать целно и стратегически. Множество манипуляций с общественным мнением в рамках тех же событий Первой Чеченской войны привели к тому, что отдельные истеричные группы пожертвовали вопросами безопасности в угоду сиюминутной политической конъюнктуры. Стоит оговориться, что в период 1990-х общественное мнение во многом узурпировала узкая группа активно прозападно настроенных лиц, которые зачастую навязывали свое мнение остальному обществу, игнорируя стратегические интересы.

Рассмотрим следующий срез: вопросы взаимодействия с блоком НАТО. После распада СССР начало формироваться новое российское геополитическое пространство, что принесло россиянам ощущение своей незащищённости перед угрозой интересам военной безопасности России. Возникла необходимость укрепления российских границ по всему периметру страны, в связи с ростом вероятности возникновения военных конфликтов в непосредственной близости у границ России, продвижением НАТО к её территории, распространением наркотрафика, незаконной миграции и проникновением международного терроризма в пределы Российской Федерации. Эти объективные интересы зачастую вступали в противоречие с интересами сиюминутной экономической выгоды, причем вторые побеждали после давления через СМИ и манипуляции с общественным мнением.

Все эти проблемы однозначно смогли указать только на одно – старая советская модель взаимодействия полностью себя изжила и неприменима в текущих условиях, поэтому, как указывалось выше, с начала 2000-х идет практический поиск оптимальной модели взаимодействия. Какие требования стоят перед такой моделью? Безусловно, будущий подход предполагает разработку целенаправленной военно-социальной политики, включающей конкретные меры по политическому, социально-экономическому, правовому, информационно-коммуникативному обеспечению взаимодействия гражданского общества и государства (армии) в новых рыночных условиях. За 12 лет сделано многое, но кроме практических, перед нами также стоят и важные теоретические задачи: переосмысление принципиальной сущности и характера государственно-гражданских отношений в России, проведение их системного, критического анализа и выработка на этой основе комплексных мер, в том числе политико-правового характера, направленных на оптимизацию и развитие взаимодействия системы в целом.

Можно констатировать, что сегодня и государство, и общество готово к диалогу. Более того, вопросы, которые сегодня стоят перед Россией, могут быть решены только при комплексном подходе и максимальном учете интересов сторон. Сегодня общество гораздо больше готово к осмысленному диалогу с государством, поэтому можно прогнозировать, что после периодов с преобладанием интересов общества или государства, мы в ближайшее время придем к консенсусу.

Библиографический список

1. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX века. – М.: ИНИОН, РАН, 1996. – 178 с.
2. Армия в политической системе общества / Подгот. воен.- науч.об-вом «Безопасность Отечества» при клубе «Реалисты». – М., 1996. – 109 с.
3. Бровко С.А. Военно-гражданские отношения: содержание, типология и особенности в России / Дисс. канд. филос. наук. – М.: ВУ, 1997. – 195 с.
4. Военно-гражданские отношения в демократическом обществе // «Научные доклады». – М.: Московский общественный научный фонд, 1998. № 51. – 150 с.
5. Демократизация общественной жизни и военная безопасность // Материалы междунар.конф. – М.: ГА ВС, 1994. – 275 с.
6. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества (историко-правовое исследование). 2-е изд. – М.: Канон-Пресс – «Кучково поле», 1998. – 462 с.
7. Национально-государственные интересы в системе международных отношений нового типа / Материалы международного симпозиума. – М.: ИЭМСС АН СССР, 1987. С.28-35;
8. Проскурин С.А. Баланс интересов государств – основа прогресса цивилизации // Социально-политические науки. 1991. № 4. С.68-73.
9. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства. – СПб: ВАТТ, 2000. – 334 с.
10. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ / Дисс. д-ра полит. наук. – СПб, 2000. – 408с.
11. Трактаты о вечном мире. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 278 с.

Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти*

В средствах массовой информации и в научном сообществе не первый год обсуждаются различные варианты реформы институтов власти. Эти вопросы не раз поднимались и на страницах «Управленческого консультирования». Достаточно упомянуть работы Л.Т. Станкевича, Н.В. Горбатовой, посвященные административной реформе России [6], Л.Г. Ивашова о состоянии и перспективах военной реформы в современной России [3], И.Н. Барцица о международных методиках оценки эффективности государственного управления [1], К.Б. Дорогого о реформе государственного управления в России в критериях системности [2] и мн. др.

В самом общем плане под реформой понимается изменение в какой-либо сфере жизни, ее преобразование. Английское слово *reform* буквально означает: изменение (*re*) формы (*form*). Но употребление данного термина оправдано и

---

* Ковалев А.А. Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. – 2016. – №10. – С.126-134.

тогда, когда речь идет о коренном изменении содержания. Конечная цель любой реформы – это существенные изменения в механизме функционирования объекта. Важно отметить, что понятие «реформа» не является синонимом таких родственных категорий, как «оптимизация», «усовершенствование», «модернизация». Термин «модернизация» происходит от английского слова *modern*, что означает современный, обновленный. Обычно под модернизацией понимают обновление объекта и приведение его в соответствие с современными требованиями и нормами. Также это может быть процесс полной или частичной реконструкции общественной системы с целью ускорения экономического и социокультурного развития. В новейшей истории модернизации подвергались – с большей или меньшей степенью успеха – общества с различным общественно-политическим укладом. Социалистический Китай, например, с 1989 г. весьма успешно осуществлял модернизацию экономики, которая привела к изменению геополитического статуса КНР и ее окончательному превращению в великую державу.

У истоков самого понятия «модернизация» стоят философские идеи эпохи Просвещения. Идеология просветителей питала собой не только европейский рационализм, но и веру в неодолимую силу исторического процесса как прогресса свободы. Воле наделенного разумом реформатора приписывались порой сакральные качества. Именно философия Просвещения лежала в основе большинства красивых социальных утопий, всеобъемлющих экономических доктрин, технико-технологических и социокультурных проектов XIX и XX вв. Эта философия до сих пор отчетливо проявляется и во многих современных теориях модернизации, хотя от эпохи Просвещения нас отделяет уже более трех веков. Но при любой модернизации существует опасность разрушения государствообразующего каркаса и основ экономического строя. Так произошло в СССР во время перестройки 1985-1991 гг., которая осуществлялась без должного социально-экономического обоснования и привела к распаду Советского Союза.

Понятие «оптимизация» означает, в свою очередь, процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений, и минимизации расходов. Оптимизация предполагает достижения оптимума, то есть наилучшего состояния системы. Процесс оптимизации более мягок по сравнению с модернизацией и предполагает не коренную перестройку устаревшего социально-экономического механизма, а лишь замену некоторых его износившихся частей.

История России знала немало реформ – от Петра I, Александра II, Петра Столыпина до А. Косыгина, М. Горбачева, Е. Гайдара, от отмены крепостного права до приватизации в 90-е годы XX в. Новый этап реформ в России начался в 2000 г. Непоследовательность и непродуманность проводимых в это время преобразований, «серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ, опасная дезинтеграция государственных институтов, системный экономический кризис, издержки приватизации в сочетании с политическими спекуляциями на естественном стремлении людей к демократии» [5, с. 67] порождали реальные угрозы национальной безопасности.

В конце 2015 г. на страницах одного федерального издания вышла статья⁵⁷, посвященная вопросам проведения административной реформы. Мы не будем подробно анализировать содержание указанной статьи, но выделим для себя некоторые моменты. В статье говорится, что для экономии бюджетных расходов следует отказаться от федеральных органов исполнительной власти с объективно малой численностью сотрудников, предусмотрев укрупнение действующих министерств путем создания так называемых «больших» ведомств. В представленной структуре исполнительных органов власти наше внимание привлекло так называемое «Министерство безопасности Российской Федерации». Сразу оговоримся, что цель нашей статьи – проанализировать некоторые теоретические вопросы обеспечения национальной безопасности, и мы ни в коей мере не претендуем на всеобъемлющий подход к проблеме. Решение этой задачи – прерогатива законодательного и исполнительного корпуса власти в теснейшем взаимодействии с научным сообществом.

В апреле 2016 г. дан старт очередным реформам в силовых институтах власти. Президент России своим решением на базе Внутренних войск МВД России создал Федеральную службу войск Национальной гвардии Российской Федерации⁵⁸, а также упразднил Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков и Федеральную миграционную службу, функции и полномочия которых до 1 января 2017 г. должны быть переданы в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации⁵⁹.

По мнению профессора И.В. Радикова, «удовлетворение потребности в безопасности в различные исторические эпохи определялось уровнем общего развития не только государства (общества), его экономической и культурной составляющих, но и самого человека, живущего в данной среде и воспринимающего ее в силу особенностей своего характера и окружения» [4, с. 7]. В процессе осуществления реформ институтов власти необходимо учитывать процесс развития самого общества и взаимовлияние силовых органов власти и общества.

Существует несколько аспектов указанной взаимосвязи, в том числе политический, экономический, социальный. В России всегда была необходима мощная и разветвленная структура силовой компоненты государственного механизма. Это было связано прежде всего с обширностью территории страны и невозможностью осуществлять всеобъемлющую безопасность государства небольшими силами. Стоит предположить, что целью предлагаемой реформы силовых министерств и ведомств и создания Министерства безопасности России является реализация оптимального варианта поддержания и укрепления национальной безопасности страны.

---

⁵⁷ Путину предложат сократить правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d>

⁵⁸ Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

⁵⁹ О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156.

Профессор И.В. Радиков считает, что «с появлением новых опасностей и угроз, новых факторов развития возникает потребность в новой парадигме безопасности и осуществляющей ее на практике системы безопасности» [4, с. 8]. Условиями такой реформы могут выступать: политика государства в этой сфере, основанная на Стратегии национальной безопасности и других концептуальных документах; экономически обоснованный уровень, достаточность сил и средств для обеспечения безопасности.

Предпосылки реформирования министерств и ведомств, идея создания объединенного органа по обеспечению безопасности находят свое косвенное отражение в Стратегии национальной безопасности России⁶⁰. Как мы знаем, это – базовый документ, определяющий цели, задачи и меры, направленные на укрепление национальной безопасности России. Указанный документ включает в понятие национальной безопасности оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные российским законодательством, в том числе государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую и т.д. Обеспечивается национальная безопасность путем реализации политических, военных, организационных, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие возникшим угрозам.

Стратегия национальной безопасности использует также термин «национальный интерес», под которым понимается потребность личности, общества и государства в обеспечении их защищенности. К национальным интересам на долгосрочную перспективу относится укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. Обеспечивается же национальный интерес эффективностью функционирования систем обороны страны, государственной и общественной безопасности.

Реформа силовых министерств и ведомств в сфере обороны осуществляется в рамках совершенствования военной организации государства на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения военных формирований и органов современным вооружением, специальной техникой и т.д. В области государственной и общественной безопасности реформа силовых институтов власти направлена на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, совершенствование системы профилактики преступности, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение криминализации.

Основной упор делается на то, что усиливается роль государства в качестве гаранта безопасности личности, повышается доверие граждан к правоохранительной системе. Все это достигается в случае совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, повышения социальной ответственности органов обеспечения безопасности.

---

⁶⁰ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

В указанной нами статье⁶¹ представлена структура нового силового министерства. Сказано, что ведомство создается на базе существующей Федеральной службы безопасности России путем добавления функций в сфере связи и фельдъегерской деятельности, государственной охраны, внешней разведки, обустройства границы и специального строительства. В структуре объединенного Министерства безопасности России предполагается три агентства: Федеральное агентство связи и фельдъегерской деятельности, Федеральное агентство внешней разведки, Федеральное агентство охраны. Нам неизвестно, каким образом планируются возможные будущие изменения – объединением или поглощением структур.

В структуру федеральных органов исполнительной власти входят министерства, службы и агентства⁶². Между ними имеется ряд отличий как в правовом, так и в организационном плане. Одни министерства и ведомства находятся в прямой подчиненности Президенту России (к примеру, ФСБ, СВР, ФСО, Минобороны), другие подчиняются председателю правительства Российской Федерации (экономические, социальные министерства, в частности, Минздрав, Минобрнауки, Минсельхоз и др.).

Федеральное министерство осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в своей сфере деятельности; Федеральная служба осуществляет функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности; Федеральное агентство осуществляет функции по оказанию государственных услуг, правоприменительные функции.

Аббревиатура МБ (Министерство безопасности России) ассоциируется с КГБ (Комитет государственной безопасности СССР, существовавший с 1954 по 1991 гг.). Основными функциями КГБ были как раз те, что планируются нынче в новом министерстве. А именно: внешняя разведка, контрразведка, охрана государственной границы СССР, охрана руководителей государства, организация и обеспечение правительственной связи. Одной из задач КГБ было также обеспечение высших органов государственной власти информацией, затрагивающей государственную безопасность и оборону страны.

В советское время в структуре органов государственного управления были министерства, комитеты, агентства. В основу деятельности министерств СССР был положен отраслевой принцип управления, государственный комитет СССР осуществлял межотраслевое управление, а государственное агентство было органом специального назначения. Существующие ныне силовые организации в той или иной мере берут свое начало именно в КГБ СССР. К примеру, Первое главное управление КГБ передало свои функции СВР России, Второе главное управление КГБ отвечало за нынешние функции ФСБ России в области контрразведки, Восьмое главное управление КГБ передало свои функции Службе специальной связи и информации ФСО России, Главное управление пограничных

---

⁶¹ Путину предложат сократить правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d>

⁶² О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314.

войск КГБ – явный аналог Пограничной службы ФСБ России, Девятое управление КГБ трансформировалось по функциям в ФСО России, функции Пятнадцатого главного управления КГБ перешли к Спецстрою России.

Проведем ретроспективный анализ истории создания ныне действующих институтов власти в современной России. Вспомним, как были образованы ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Росграница.

Начнем с Федеральной службы безопасности России. 19 декабря 1991 г. на базе упраздняемых на тот момент Министерства внутренних дел СССР, Министерства внутренних дел РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности создается Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР. Но уже в 1992 г. из структуры этого ведомства отдельно выводится Министерство безопасности России, которое в 1993 г. стало именоваться Федеральной службой контрразведки. Через два года, в апреле 1995 г. она стала называться Федеральной службой безопасности. В 2004 г. в ходе административной реформы ФСБ России придан статус федеральной службы.

Федеральная служба охраны Российской Федерации была создана путем объединения Главного управления охраны Российской Федерации со Службой безопасности Президента Российской Федерации в 1996 г. В 2004 г. в состав ФСО России включена Спецсвязь России, являющаяся правопреемником Федерального агентства правительственной связи и информации РСФСР.

Служба внешней разведки России ведет свою историю с 1992 г. Изначально она именовалась Федеральной службой внешней разведки России (в 1996 г. в течение непродолжительного времени также называлась Федеральной службой внешней разведки). В 2004 г. наряду с ФСБ ФСО также придан статус федеральной службы.

Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации образована на базе Минсвязи России. С 1992 по 1995 гг. именовалась Федеральным управлением фельдъегерской связи при Минсвязи России, затем реорганизована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации. В 1996 г. была упразднена, однако через три недели решение было отменено и была образована Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации Министерства связи Российской Федерации. В 1997 г. в результате реформы фельдъегерская служба стала называться Государственной фельдъегерской службой при правительстве России. Последний раз изменения коснулись службы в 2000 г., когда она была преобразована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации.

Интересно проследить историю реформирования Спецстрою России. Так, в 1997 г. были ликвидированы Федеральное управление специального строительства при правительстве России, Федеральное специализированное управление по строительству в восточных районах России при Государственном комитете Российской Федерации по жилищной и строительной политике, Главное военное эксплуатационно-восстановительное управление Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации, Центральное управление военно-строительных частей при Министерстве

Российской Федерации по атомной энергии и была образована Федеральная служба специального строительства России. Однако, менее чем через год, в 1998 г., созданное ведомство было упразднено. В 1999 г. было образовано Федеральное управление специального строительства при Государственном комитете Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике, которое спустя полгода оказалось в подчинении у правительства России, а после этого преобразовано в Федеральную службу специального строительства при Правительстве России. В 2000 г. – новая реформа и новое преобразование – в Федеральную службу специального строительства, которая в 2004 г. переименована в Федеральное агентство специального строительства.

Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации просуществовало 9 лет, с 2007 по 2016 гг. В соответствии с указом Президента Российской Федерации, 2 февраля 2016 г. Росграница как федеральное ведомство было упразднено⁶³, а его функции переданы Министерству транспорта России.

Для того чтобы понять, какие задачи будут стоять перед новым министерством, стоит ознакомиться с действующими задачами, стоящими перед ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Спецстроем России. Эти задачи сформированы в базовых правовых актах. Так, перед ФСБ в сфере обеспечения безопасности поставлены 15 задач⁶⁴. Мы не будем их подробно разбирать. Если кратко: управление органами безопасности, организация их деятельности; информирование Президента России, органов власти об угрозах безопасности Российской Федерации, организация выявления, предупреждения и пресечения деятельности иностранных спецслужб, террористической деятельности, организованной преступности, ведение уголовных дел, защита информации и др.

У ФСО значительно меньше задач, их 8⁶⁵. Это связано с тем, что в зоне ответственности ФСО находится определенное количество «специальных лиц», именуемых объектами государственной охраны. И именно деятельность органов государственной охраны направлена на обеспечение безопасности Президента России, председателя правительства, глав палат Федерального собрания, руководителей высших судебных органов государства. Также в задачу ФСО входит обеспечение организации и функционирования федеральных информационных систем, правительственной связи, обеспечение информационной безопасности, участие в борьбе с терроризмом. СВР имеет в своем арсенале 3 основных задачи⁶⁶, главная из которых – обеспечение Президента, правительства и Федерального собрания разведывательной информацией, необходимой для принятия решений, в том числе в политической, экономической, оборонной областях.

---

⁶³ Об упразднении Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 40.

⁶⁴ Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960.

⁶⁵ Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2004 г. № 1013.

⁶⁶ О внешней разведке: Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ.

Росграница до своего упразднения осуществляла функции по выработке и реализации государственной политики в сфере обустройства государственной границы, создания, развития, обеспечения деятельности пунктов пропуска через границу Российской Федерации⁶⁷.

Спецстрой находится в структуре Министерства обороны России и решает 7 задач⁶⁸. Это в основном деятельность, связанная со строительством и реконструкцией объектов обеспечения обороны и безопасности государства, строительство и восстановление автомобильных дорог оборонного и общего пользования.

Таким образом, проанализировав задачи силовых органов власти, закрепленных в правовых актах, можно выделить ряд управленческих и обеспечивающих функций. К управленческим функциям относятся: управление ресурсами и средствами; информирование органов власти; выявление, предупреждение и предотвращение угроз безопасности. К обеспечивающим функциям: строительство спецобъектов; организация правительственной связи и доставка специальной корреспонденции. Помимо прочего, существуют также идентичные задачи, но у каждого в своей, сугубо специфической сфере деятельности. Это борьба с терроризмом, обеспечение информационной безопасности, разведывательная деятельность, защита сведений, составляющих государственную тайну.

Анализируя идею создания Министерства безопасности России, выделим здесь ключевую категорию – «безопасность». Итак, основной целью создания объединенного силового ведомства является обеспечение безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «безопасность». В Конституции России имеется 11 установок по различным вопросам безопасности⁶⁹: это безопасность государства⁷⁰, государственная безопасность⁷¹, общественная безопасность⁷², оборона и безопасность⁷³, экологическая безопасность⁷⁴, безопасность граждан⁷⁵, безопасность людей⁷⁶, а также безопасность труда⁷⁷.

Базовый закон «О безопасности» состоит из 20 статей⁷⁸ и вообще не содержит никаких определений данного понятия. Его с полным основанием можно назвать «Законом о Совете безопасности», потому что Совету безопасности, вернее, его статусу, посвящена одна, самая большая из четырех имеющихся глав закона, в

---

⁶⁷ О Федеральном агентстве по обустройству государственной границы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2007 г. № 1359.

⁶⁸ Вопросы Федерального агентства специального строительства: указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1084.

⁶⁹ Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

⁷⁰ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3, ст. 55; ч. 1 ст. 82.

⁷¹ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

⁷² Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

⁷³ Там же, п. «м» ст. 71.

⁷⁴ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

⁷⁵ Там же, ч. 1 ст. 56.

⁷⁶ Там же, ч. 3 ст. 37.м же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

⁷⁷ Там же, ч. 3 ст. 37.

⁷⁸ О безопасности: Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета безопасности. Есть даже статья, специально посвященная секретарю Совета безопасности, его статусу, порядку назначения и наделения полномочиями. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т.д.

Несмотря на то, что данный федеральный закон является «рамочным», самым большим методологическим упущением является то, что в нем отсутствует юридическое определение категории «безопасность». Таким образом, говоря о безопасности с правовой точки зрения, мы не имеем официальной трактовки этого понятия.

Это может вызвать правовые коллизии. Этим же федеральным актом законодатель ликвидировал базовое определение безопасности, которое было в Законе Российской Федерации «О безопасности» и определялось «как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»⁷⁹.

В свою очередь, стратегия национальной безопасности⁸⁰ трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации – прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Согласимся с профессором Санкт-Петербургского университета, доктором политических наук И.В. Радиковым, который подчеркивает: «Мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутривнутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства – всестороннего развития личности» [5, с. 75].

По нашему мнению, целью реформы силовых органов власти в сфере безопасности является обеспечение значительного повышения эффективности и надежности безопасности государства при минимальных затратах с учетом требований обновленной стратегии национальной безопасности России и других концептуальных документов в сфере обороны и безопасности государства. В ходе проведения реформы необходимо также провести глубинные преобразования в правовой, экономической, технической, научной сферах системы обеспечения

---

⁷⁹ О безопасности: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. (утратил силу).

⁸⁰ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

безопасности России. Это в свою очередь приведет к изменению всех структур управления в сфере безопасности государства и принципов их деятельности, к совершенствованию организационно-кадровой структуры, а также к уточнению военно-технической политики обеспечения безопасности государства.

На наш взгляд, реформы силовых структур назрели давно и являются весьма своевременными. Прежде всего, это связано с изменившейся внешнеполитической обстановкой, когда России приходится отвечать на недружественные и агрессивные действия как внутри страны, так и за рубежом. Концентрация силовых структур и их интеграция в одно целое может привести к положительным результатам в деле обеспечения всеобъемлющей безопасности страны. Однако такое укрупнение должно быть проведено с максимальной степенью эффективности, дабы не породить очередную громадную и нежизнеспособную бюрократическую структуру, которую через какое-то время придется снова расчленять на более мелкие структурные единицы. Опыт государственного строительства в нашей стране показывает, что такая опасность есть.

Библиографический список

1. *Барциц И.Н.* Международные методики оценки эффективности государственного управления // Управленческое консультирование. 2009. № 4 (36). С. 10-26.
2. *Дорогой К.Б.* Реформа государственного управления в России в критериях системности // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 145-152.
3. *Ивашов Л.Г.* Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. 2006. № 2 (22). С. 42-51.
4. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5-11.
5. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64-82.
6. *Станкевич Л.Т., Горбатова Н.В.* Административная реформа России как процесс формирования диалога государственной власти и общества // Управленческое консультирование. 2005. № 3 (19). С. 197-211.

О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны*

По мнению многих специалистов, в настоящее время вероятность развязывания против России крупномасштабной агрессии весьма мала [2]. Тем не менее, это не означает, что не нужно принимать мер по обеспечению военной безопасности страны и укреплению ее обороноспособности. Мир не стал более безопасным, скорее, наоборот: по всему миру пылают вооруженные конфликты, некоторые из них – в непосредственной близости от границ России. Поэтому усилия по обеспечению военной безопасности государства не только не могут быть снижены, но и должны быть значительно увеличены.

В своих работах мы неоднократно показывали, что одно только укрепление обороноспособности не может решить проблему обеспечения военной безопасности, так как вопреки конституированному в Российской Федерации подходу, безопасность не только и не столько состояние защищенности, сколько ситуация, при которой объекту безопасности не может быть причинен существенный вред в виде деструкции, дисфункции, ухудшения условий существования [1]. Таким образом, безопасность объекта обеспечивается, в первую очередь, принятием превентивных мер по недопущению нападения на него, ослаблением источника опасности, упрочением самого объекта и созданием условий для оперативного устранения последствий нападения, в случае его осуществления.

Вследствие этого военная безопасность государства должна обеспечиваться путем исключения (существенного снижения вероятности) возникновения войны, противодействия вовлечению в войну, а в случае ее возникновения – сведением к минимуму разрушительных последствий и ущерба для населения страны. Требуемый уровень военной безопасности может быть обеспечен только целенаправленными и скоординированными действиями государственных институтов и гражданского общества [3; 4]. Поэтому для обеспечения военной безопасности государство должно осуществлять комплекс мер во всех важнейших областях функционирования общества – политической, экономической, информационной и других, оказывающих существенное влияние на задачу обеспечения военной безопасности.

Как известно, военная безопасность имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внутренний аспект военной безопасности связан, прежде всего, с проблемами взаимодействия власти с гражданским обществом и взаимоотношений центра с регионами. Именно поэтому вопрос обеспечения военной безопасности страны должен стать одним из основных в повестке дня органов власти всех уровней – от федерального до местного, в том числе и такого института власти, как полномочные представители Президента Российской

---

* Ковалев А.А. О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. – 2018. – №2. – С. 24-31.

Федерации в федеральных округах. Первые полпреды Президента России появились еще в сентябре 1991 г., спустя месяц после произошедшего в августе государственного переворота и смены режима власти в стране. Тогда они назывались «полномочными представителями в республиках, краях, областях, автономных областях и автономных округах, городах Москва и Ленинград». Это были выходцы из демократического движения на местах, как правило, не имевшие никакого опыта государственной службы и выполнявшие функцию идеологического контроля на этапе тотальной смены советского аппарата власти на демократический. На том этапе не было никакой унификации этого нового для России института. Достаточно сказать, что в 1991-1992 гг. полпреды повсеместно назначались в краях и областях, а в республики президентская власть не решалась назначать своих «наместников» вплоть до 1997 г. Для четырех республик Северного Кавказа был назначен один полпред. А в таких республиках, как Татарстан, Башкортостан и Якутия полпреды вообще не были назначены.

В 1993 г., после принятия новой российской Конституции, куда было внесено понятие о субъектах федерации, полпреды стали называться «полномочными представителями президента в субъектах федерации». А начиная с 1997 г. их стали именовать полпредами в регионах. При этом назначались на эту должность уже не демократы первой волны, а все чаще люди, имевшие опыт управления. Это диктовалось необходимостью контроля за проведением экономических реформ. Но и тут все еще не было общих правил игры. Так, в Нижнем Новгороде функции губернатора и функции полпреда президента совмещал один человек – Б.Е. Немцов. То же самое было и в Москве, где мэром и одновременно полпредом был Г.Х. Попов. В этих случаях говорить о каком бы то ни было контроле не приходилось. Политическая и экономическая ситуация в регионах была разная. Так, в Чеченской республике, находившейся в те годы в состоянии вооруженного конфликта с федеральным центром, невозможно было обойтись без фигуры полномочного представителя президента, притом – человека именно из федерального центра и облеченного достаточно большими полномочиями. В 1994–1999 гг. функции полпреда в Чечне последовательно выполняли люди, одновременно занимавшие высокие посты в федеральных органах власти: министр по делам национальностей Н.Д. Егоров, вице-премьер правительства О.Н. Сосковец, секретари Совета безопасности РФ О.И. Лобов, А.И. Лебедь, И.П. Рыбкин.

В годы президентства Б.Н. Ельцина его наместники в регионах часто менялись, конфликтовали с губернаторами, чьи функции им приходилось фактически дублировать, не имея для этого реальных рычагов влияния. К концу 1990-х стало очевидно, что этот институт надо или серьезно реформировать, или упразднить как избыточную структуру в пирамиде власти.

Принципиально иной подход был предложен новым Президентом России В. В. Путиным. Указом от 13 мая 2000 г. в стране были созданы семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Соответственно вместо 87 полпредов стало 7. Позже, во время президентства Д.А. Медведева, из Южного был выделен Северо-Кавказский округ, куда вошли республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-

Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чеченская республика и Ставропольский край. В 2014 г. был образован Крымский федеральный округ. Однако уже в 2016 г. Республика Крым и город федерального значения Севастополь были присоединены к Южному федеральному округу. Таким образом, на сегодняшний день в России восемь федеральных округов.

Однако существование данного института до сих пор вызывает дискуссии в обществе. Зачем он нужен? Какие задачи и функции выполняет? Не изжил ли он себя за четверть века своей истории в новой России? Во-первых, сам институт федеральных округов не предусмотрен российской конституцией, существует в рамках президентского указного права, что в определенной степени ограничивает его легитимность, и, как видно из ретроспективного анализа, создавался он как инструмент антикризисного управления. Во-вторых, данный институт в своем развитии пережил несколько трансформаций, каждый раз принципиально менявших характер и смысл его деятельности. В-третьих, это наиболее закрытая, непрозрачная структура, что заставляет общество сомневаться в ее эффективности. Тем более что вопрос об упразднении данного института уже поднимался на довольно высоком уровне. Так, нынешний председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко, сама в прошлом полномочный представитель президента в Северо-Западном федеральном округе (март – октябрь 2003 г.), выступая на заседании Госсовета в декабре 2011 г., заявила о том, что институт полномочных представителей президента «изжил себя» и может быть упразднен⁸¹. Этого, однако, не произошло.

Почему В.В. Путин не упразднил, а только реформировал институт полпредов президента? Можно задать и другие вопросы, например: почему большинство первых назначенцев В.В. Путина на должность полномочного представителя были выходцами из силовых структур: бывшие сотрудники КГБ/ФСБ Г.С. Полтавченко, В.В. Черкесов, армейские генералы А.В. Квашнин, В.Г. Казанцев и К.Б. Пуликовский, имевшие опыт руководства боевыми действиями в Чечне? Ответ очевиден: после «смуты» 1990-х необходимо было в определенном смысле выровнять положение дел в регионах, которые в те годы принимали местные законы, часто вступающие в противоречие с Конституцией, не подчинялись федеральному центру и т.д. Для наведения единого порядка, унификации законов, выстраивания вертикали власти в роли полномочных представителей Президента нужны были люди не из местной обоймы, порой сидевшие в тех же зданиях, что и губернаторы, делившие с ними одну приемную и морально зависимые от них. Вот почему отдельным Указом Президента от 28 июля 2000 г. были определены не только города их пребывания: полпредство Южного федерального округа в Ростове-на-Дону, Приволжского – в Нижнем Новгороде, Сибирского – в Новосибирске и т.д., но и здания, предоставляемые для размещения полномочных представителей и сотрудников их аппаратов.

Нужны были известные в стране, авторитетные и влиятельные люди, имевшие серьезный опыт работы в кризисных условиях. А практика работы в

---

⁸¹ Валентина Матвиенко предложила упразднить полпредства // Газета Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/1846319>

силовых ведомствах позволяла более эффективно, порой жестко контролировать деятельность местных властей. Теперь полпреды считались сотрудниками Администрации президента, вошли в состав Совета безопасности РФ. И надо признать, что на этапе выстраивания жесткой вертикали власти институт полномочных представителей Президента в федеральных округах в основном справился со своей задачей. Сегодня это авторитетные представители высшей государственной власти на местах, без согласования с которыми не решаются ни кадровые, ни какие-то иные вопросы. Давно не слышно о конфликтах между полпредами Президента и губернаторами, случаях игнорирования их мнения.

Пройдя путь от противостояния к взаимодействию, от жесткого надзора к согласованному сотрудничеству, федеральная власть укрепила свое влияние на местах, что благотворно сказалось на стабильности государства в целом. В этом есть определенная заслуга института полпредства. Тем не менее, и сегодня не всем понятно, чем же конкретно занимаются в своих округах полпреды Президента. Согласно официальным документам их основными задачами являются:

- организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;
- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений.

Главная же функция полпреда – обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе. Для ее реализации у полномочного представителя Президента есть право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в пределах вверенного ему федерального округа. Они взаимодействуют в этом плане с территориальными управлениями МВД и ФСБ, прокуратурой. Полпреды задействованы в коррупционных расследованиях в своих округах. Громкие коррупционные дела последних лет, фигурантами которых стал целый ряд губернаторов, были реализованы не без участия полномочных представителей Президента. Можно сказать, что сегодня они занимаются наблюдением за всем, что происходит во вверенных им регионах, анализом всех происходящих в них процессов. Очень важна роль полпредов в контроле за проведением выборов разного уровня.

Непосредственное обеспечение деятельности полпредов осуществляют подчиненные им федеральные инспекторы в краевых и областных центрах, столицах республик, крупных городах. Так, представительство президента в Северо-Западном федеральном округе находится в Санкт-Петербурге, а федеральные инспекторы этого округа есть в Архангельске, Вологде,

Калининграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Мурманске, Пскове и других городах, образуя, таким образом, разветвленную сеть президентского представительства на местах. Федеральными инспекторами в границах округа руководит аппарат полномочного представителя, в состав которого входят, например, департамент по вопросам внутренней политики, департамент по реализации общественных проектов, департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград и т.д. Координацию деятельности самих полпредов осуществляет глава Администрации Президента Российской Федерации.

При всем этом институт полномочных представителей Президента в федеральных округах не является самостоятельным органом власти, а лишь ответвлением власти президентской. Выполняя контрольные, координационные, аналитические функции, согласовывая кадровые назначения, перестановки и отставки, участвуя в разработке экономических программ региона, полпреды сами не могут принимать решений, но могут рекомендовать решения, с одной стороны, – губернаторам, с другой – Президенту страны.

Нас особенно интересует взаимодействие полпредов Президента с силовыми ведомствами в регионах. Надо не забывать, что сами эти ведомства являются, по сути, полномочными представителями соответствующих федеральных органов. Так, Федеральная служба безопасности имеет свои управления в регионах, которые так и называются: Управление ФСБ по Краснодарскому краю... по Санкт-Петербургу... по республике Дагестан и т.д. То же и с другими силовыми федеральными службами (ФСО, ФСВНГ), которые, дислоцируясь в регионах, подчиняются не региональным властям, а Москве. Нам представляется, что это затрудняет взаимодействие полпредов в федеральных округах с соответствующими федеральными службами в регионах, хотя они и имеют право согласования кандидатур при назначении руководителей этих подразделений.

Что касается взаимодействия, то здесь прослеживается тенденция к созданию на региональном уровне координационных структур (коллегий) с участием территориальных подразделений федеральных силовых органов. Сегодня в структуре аппаратов полномочных представителей Президента в большинстве федеральных округов функционируют координационные и совещательные органы, в том числе – по вопросам борьбы с терроризмом, обеспечения обороны и национальной безопасности.

Так, в Северо-Западном федеральном округе эти проблемы рассматриваются в Совете по вопросам безопасности, противодействию коррупции и экстремизму, основными задачами которого являются: оценка общественно-политической и социально-экономической ситуации в федеральном округе; выработка предложений и рекомендаций по устранению угроз национальной безопасности, повышению эффективности деятельности территориальных силовых органов и их взаимодействию с органами государственной власти. Там же действует Межведомственный совет по защите информации, который является консультационно-совещательным органом, также координирующим деятельность территориальных органов МВД, ФСБ и других, их взаимодействие с

региональной властью, органами местного самоуправления в части реализации государственной политики по защите информации.

В Центральном федеральном округе действуют комиссия по информационной безопасности и коллегия по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности. В Приволжском федеральном округе – координационный совет по защите информации и коллегия по вопросам безопасности. В Северо-Кавказском федеральном округе – межведомственная рабочая группа по защите информации и подготовке специалистов в области информационной безопасности, а также координационное совещание по вопросам безопасности, противодействия коррупции и обеспечения правопорядка. В Дальневосточном федеральном округе работают межведомственные комиссии по пограничной политике, информационной и общественной безопасности, укреплению законности и правопорядка.

А вот в структуре аппарата полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе коллегиальных органов, связанных с проблемами безопасности, судя по всему, не существует⁸². Отсутствует подобная информация и на официальных сайтах полномочных представителей Президента в Южном⁸³ и Уральском⁸⁴ федеральных округах.

Проанализировав положения о совещательно-коллегиальных органах по вопросам безопасности при аппаратах полномочных представителей Президента в федеральных округах, можно констатировать, что основными их задачами являются:

- анализ системности и комплексности применения политических, организационных, информационных, правовых и иных мер по обеспечению безопасности;

- анализ эффективности деятельности в федеральном округе правоохранительных и иных государственных органов, ведающих вопросами обороны и безопасности;

- мониторинг состояния военной безопасности, гражданской обороны и мобилизационной готовности, безопасности пограничного пространства;

- выработка рекомендаций и предложений по предотвращению угроз национальной безопасности на территории округа, укреплению законности и правопорядка, обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности.

Таким образом, институт полпредов взял на себя миссию анализа деятельности силовиков разных ведомств и организации коллективного обсуждения актуальных вопросов безопасности, выработки предложений и рекомендаций на этот счет.

---

⁸² Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs>

⁸³ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://ufo.gov.ru>

⁸⁴ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://uralfo.gov.ru/polpred/orgs>

Насколько это эффективно, если учесть, что при губернаторах действуют свои советы безопасности, также являющиеся, по сути, межведомственными коллегиями? Ведь получается, что советы и совещания при аппаратах полномочных представителей Президента, практически, дублируют их работу. А если учесть, что в них участвуют, скорее всего, не первые лица силовых ведомств, как в советах безопасности при губернаторах, а подчиненные им сотрудники, и сами эти советы и совещания никак не вписаны в структуру властных механизмов обеспечения безопасности государства, деятельность их превращается в пустую формальность, что не способствует ни работе самих силовых ведомств, ни советов при губернаторах.

Однако других более-менее легитимных механизмов и возможностей влияния чиновников полпредств и самих полпредов на решение вопросов обеспечения безопасности регионов, а тем более страны в целом, на данный момент просто не существует. И, видимо, именно поэтому некоторые исследователи даже не включают полпредов в состав субъектов обеспечения военной безопасности Российской Федерации [5]. Тем не менее, институт полпредов продолжает функционировать и по-своему реагировать на вызовы времени. И сегодня, когда идет ротация в губернаторском корпусе, и на должности руководителей регионов приходят новые люди, опытные полпреды могли бы сыграть роль не надзирателей, но наставников, помочь в анализе ситуации в регионе, поиске оптимальных решений возникающих проблем, в том числе в сфере обеспечения спокойствия и стабильности в регионах, особенно по периметру границ России, где сегодня особенно много угроз национальной безопасности нашей страны.

Кроме того, целесообразно было бы перенести акцент в проведении мероприятий по усилению антитеррористической защищенности, информационной, экологической и даже экономической безопасности с глав субъектов Российской Федерации на полномочных представителей Президента в федеральных округах. Такой шаг мог бы освободить глав регионов от несвойственных им задач, для решения которых в составе создаваемых при них советов, как правило, нет соответствующих специалистов. Тем более что структуры Вооруженных сил, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, в какой-то степени Федеральной службы безопасности и других силовых ведомств «привязаны» именно к округам, а не к субъектам.

В любом случае, очевидно, что институт полномочных представителей должен быть очень серьезно реформирован и интегрирован в прописанный в Конституции механизм управления государством и легитимизирован, в первую очередь, в качестве одного из субъектов властного механизма обеспечения военной безопасности государства.

Библиографический список

1. *Атаманов Г.А.* Методология безопасности [Электронный ресурс] // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI», 2011. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/302/>

2. *Волошко В.С.* Военная политика и проблемы обеспечения военной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/9.htm>

3. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

4. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: Коновалов А. М., 2016.

5. *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М.: За права военнослужащих, 2005.

Обеспечение военной безопасности при тоталитарном и авторитарном политических режимах*

Государственная власть при тоталитарном режиме строго централизована, принадлежит аппарату правящей партии или военной хунте [3]. Неподотчетный лидер становится пожизненно главой государства и правительства, концентрируя в своих руках высшие законодательные, исполнительные, а иногда и судебные функции. Общественная жизнь организована так, что обеспечивается жесткий государственный контроль за ходом общественно-политических процессов. Чем выше этот контроль, тем масштабнее уровень мобилизационных возможностей такого политического режима, возможностей реагировать на опасности и угрозы.

Правящие круги тоталитарного режима не открыто демонстрируют различные методы насилия, решительно подавляя любые попытки сопротивления проводимому курсу внутри страны и не менее решительно противодействуя воздействию извне. Силловые средства и методы являются основными в политике тоталитарного государства, таким образом механизму обеспечения военной безопасности отдается не политический приоритет. Все это ведет к качественному и количественному росту силовых институтов. Тоталитарный режим практически способен обеспечить лишь одну сторону военной безопасности: обороноспособность или защищенность.

Силовая концепция безопасности при тоталитарном политическом режиме формирует одностороннюю внешнюю функцию армии. Ведущим фактором для сдерживания врага является готовность и способность защищать Отечество путем войны, то есть главный критерий оценки армии в обеспечении мирных условий жизни. Основная цель безопасности государства – полное устранение, недопущение собственных действий, которые вызывали бы опасения у какого-либо государства в мире [4].

При тоталитарном политическом режиме своеобразна роль силовых структур, средств ведения вооруженной борьбы: они монополизированы центром

---

* Ковалев А.А. Обеспечение военной безопасности при тоталитарном и авторитарном политических режимах // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – №1. – С.7-10.

политической власти. Население страны практически отстранено от участия в системе управления государством и, тем более, системой управления военной организацией, гражданское общество отсутствует. У политического режима снята проблема какого-либо ограничения использования армии, других силовых институтов. Конституция, нормативные правовые акты реализации военной политики становятся декорацией. Силу закона приобретают распоряжения структур исполнительной власти, указы главы государства. Большинство важных военно-политических решений принимаются верхушкой власти. Демократические права существенно ограничиваются, интересы личности, свободы граждан оказываются подчиненными «высшим» интересам общества и государства. Право определять «высшие» интересы принадлежат исключительно правящей партии и ее лидеру. Среди объектов национальной безопасности главным становится государство.

В таких условиях политика правящей элиты и понятие военной силы сливаются воедино. Основным методом обеспечения военной безопасности становится ставка на устрашение возможного противника своей мощью, внешняя политика государства опирается прежде всего на военную силу [8].

Как правило, оппозиция находится под прессом диктатуры, на нелегальном положении, ее влияние на военную безопасность в мирное и в военное время является несущественным.

Полный контроль за средствами массовой информации, монополия власти на информацию, систематическая идеологическая индоктринация позволяют обосновать «правильность» военной политики, проводимой государством, сформировать нужное отношение к существующим реально военным опасностям и угрозам, объяснить конфронтационный характер внешней политики и необходимость затрат на военные нужды, мобилизовать все население на исполнение планов. Ради достижения общей цели, в том числе и целей военной безопасности, позволительно использовать любые средства, не считаясь с затратами и жертвами.

От силовых институтов требуется дисциплинированное исполнение приказов политического руководства. В отношениях между армией, другими военно-силовыми институтами и обществом существуют зоны отчуждения, связанные с такими явлениями, как чрезмерная их секретность и закрытость, отстраненность как армии, так и всего населения от участия в выработке оборонной политики, военного строительства, а также с низкой социальной защищенностью самих военнослужащих [9].

Если тоталитаризм – это «абсолютная модель», то «смягчение» одной или нескольких его характеристик ведет к широкому классу возможных разновидностей авторитарных режимов. Авторитарный режим свойственен тем странам, в которых происходит смена общественного строя, сопровождающаяся резкой поляризацией политических сил.

С тоталитарным политическим режимом авторитарное правление роднит неограниченный законами характер власти, сосредоточение ее в руках одного верховного правителя или узкого круга лиц. В отличие от тоталитаризма, авторитарные режимы обычно используют военно-силовые институты,

основывая свою стратегию на здоровой экономике, преимущества для более широких секторов общества.

Если во внешнеполитических сферах здесь допускается определенная автономия личности и общества, то вся политическая деятельность, а значит и сфера обеспечения военной безопасности, является исключительной функцией государства, содержащего под своим полным контролем собственную безопасность, национальную оборону, внешнюю политику, общественный порядок. Деятельность по обеспечению военной безопасности в авторитарном политическом режиме также строится на основе военной силы, однако не носит столь жесткого характера, как при тоталитаризме. Хотя авторитарные лидеры и предрасположены в большей степени к использованию в своей военно-политической деятельности военно-силовых методов достижения целей, допускается применение и собственно политических методов и средств. Отдавая предпочтение в системе национальной безопасности военной ее составляющей, власть заинтересована в обеспечении других ее структурных элементов, прежде всего, экономической составляющей [6].

В случае если авторитарные политические режимы законодательно регламентируют через соответствующие акты полномочия властных структур с соблюдением демократических процедур, на практике официально провозглашенные нормы соблюдаются далеко не всегда.

Прерогативой группы высших руководителей или главы государства без участия гражданского общества является принятие принципиальных военно-политических решений, определение приоритетов политики военной безопасности, военного строительства.

В условиях авторитарного политического режима военно-политическая деятельность не соответствует ни масштабам существующих военных опасностей и угроз, ни характеру военно-доктринальных положений, принятых на уровне государства. Однако достаточно высокие темпы экономического развития, накопление значительных финансовых ресурсов позволяют этим государствам в приоритетном порядке модернизировать свои вооруженные силы, создавать компактные и мобильные армии, обладающие большой огневой мощью.

Вместе с тем, отсутствие полного контроля над обществом, отсутствие единой идеологии, наличие оппозиции, пускай даже действующей под неустанным контролем власти и не имеющей возможности вторгаться в сферу политики, исподволь подтачивает авторитарный политический режим. При определенных обстоятельствах военная мощь может выйти из-под политического контроля, тем самым разрушив систему военной безопасности, основывающуюся преимущественно на военной силе.

Таким образом, как и в тоталитарном режиме, при авторитарном правлении военная безопасность понимается, в сущности, только с военно-силовых позиций. Способность к обороне, защищенность, основанная на военной мощи государства, рассматриваются как приоритеты политики военной безопасности. Если тоталитарные режимы, основанные на некоей «священной идеологии», свою военную безопасность «обеспечивают», как правило, с опорой на собственные

силы, то государства с авторитарным политическим режимом могут быть включены в региональные системы безопасности.

Достоинства авторитаризма ощущаются в экстремальных ситуациях. Авторитарная власть обладает хотя и не абсолютной, но сравнительно высокой способностью мобилизовать общественные ресурсы на решение поставленных задач и, прежде всего, на обеспечение военной безопасности. Не прибегая к массовым репрессиям, авторитарный режим может пользоваться популярностью среди широких слоев населения.

Вместе с тем, эффективность политической системы недемократического типа в сфере обеспечения военной безопасности имеет свои ограничения, обусловленные условиями экстраординарного развития и возможностями использования экстенсивных факторов роста.

Библиографический список

1. *Вербин А.И., Келле В.Ж.* Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей // Философские науки. 1979. № 1. С. 9-11.

2. *Галкин А.А., Красин Ю.А.* Критика российского авторитаризма / Ин-т социологии РАН. М., 1995. 46 с.

3. *Горобцов Г.А.* Армия и политический режим // Власть силы, сила власти: сб. науч.тр. М.: Юристъ, 1996. С. 70-85.

4. *Гуськов Ю.В.* Армия в политической системе современного государства: дис. ... канд. филос. наук. М.: Изд-во ГА ВС, 1993. 213 с.

5. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Отечества. М.: Канон-пресс – Кучково поле, 1998. 462 с.

6. Мир в условиях мира. Всеобщая безопасность в XXI в. М.: ИНИОН, 1990.

7. *Проскурин С.А.* Теоретико-методологические проблемы формирования внешнеполитического курса Российской Федерации в условиях меняющегося мира: дис. ... докт. полит. наук. М., 1999. 431 с.

8. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук. СПб., 2000. 408 с.

9. *Родачин В.М.* Идеология и современные военно-политические процессы: дис. ... докт. филос. наук. М.: Изд-во ВУ, 1995. 384 с.

10. *Смутьский С.В.* Методологические основы оценки и прогнозирования современных военных конфликтов в интересах их урегулирования и предотвращения: дис. ... канд. филос. наук. М., 1990.

11. *Харламов С.В.* Геополитика и военная безопасность // Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы / Институт востоковедения РАН. М., 1994. С. 159.

Парламентское влияние на обеспечение военной безопасности*

В соответствии с Конституцией Российской Федерации [1], органам законодательной и представительной власти принадлежит особая роль в обеспечении военной безопасности. При выполнении законодательных, представительных и контрольных функций парламент может быть в центре конфликта и сотрудничества различных политических сил. Вся парламентская деятельность должна опираться на научно-теоретический фундамент. Вместе с тем, сущность механизма парламентского влияния в сфере обеспечения военной безопасности вызывает много вопросов – как с теоретической, так и с практической точек зрения. С практической точки зрения, важно показать, как Федеральное Собрание влияет на обеспечение военной безопасности путем принятия нормативно-правовых актов, бюджета, ратификации международных договоров. Российский парламент – это место влияния различных политических сил.

Первоначально разберемся с понятием «влияние». Толковый словарь Ожегова [7] определяет его как действие (или воздействие), оказываемое кем или чем-нибудь на кого или что-нибудь. В словаре Ушакова [6] влияние ассоциируется с понятиями авторитет, сила, власть. Доктор философских наук В.Ф. Халипов [8] политическое влияние рассматривает как уровень воздействия субъектов политики (государственных структур, партий, политических лидеров) на социальные слои, национальные образования, жизнедеятельность общества, международную жизнь. Политическое влияние может быть основано на авторитете власти, может быть открытым и скрытым, явным и тайным, кратковременным и долговременным.

В данной статье автор предлагает определить понятие «парламентское влияние» применительно к сфере военной безопасности как способность высшего представительного и законодательного органа страны обеспечивать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз средствами, определенными Конституцией страны.

В ст. 9 Федерального закона «О безопасности» [2] закреплены полномочия Верхней палаты российского парламента в сфере обеспечения военной безопасности. Совет Федерации рассматривает принятые Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации федеральные законы в области безопасности, утверждает указ Президента Российской Федерации о введении военного положения, а Государственная Дума принимает федеральные законы в области обеспечения безопасности.

Парламентское влияние в сфере военной безопасности может выражаться в различных формах, в том числе в виде разработки, обсуждения и принятия соответствующих законов, утверждения государственного бюджета и его

---

* Ковалев А.А. Парламентское влияние на обеспечение военной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10. – Ч.3. – С.98-101.

военных составляющих, ратификации международных договоров, проведения парламентского контроля и т.д. Согласно регламенту Совета Федерации, в Верхней палате парламента вопросы военной безопасности отнесены к компетенции Комитета по обороне и безопасности. Нижняя палата парламента рассматривает проблемы военной безопасности в двух своих подразделениях – Комитете по обороне и Комитете по безопасности и противодействию коррупции.

К вопросам ведения Комитета по обороне и безопасности Совета Федерации [5] относятся: предварительное рассмотрение указа Президента о введении военного положения; предварительное рассмотрение вопроса о возможности использования Вооруженных сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации; военное строительство; финансирование военной организации государства и ее компонентов, обороны страны и безопасности государства; военно-патриотическая и военно-шефская работа и др.

К вопросам ведения Комитета по обороне Государственной Думы [4] относятся: рассмотрение и подготовка законопроектов по вопросам об обороне, ее организации, полномочиях органов власти в области обороны; вопросы деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации; вопросы войны и мира, порядке введения и правовом режиме военного положения; вопросы ратификации, прекращения и действия международных договоров Российской Федерации по вопросам вооружений и вооруженных сил и др. К вопросам ведения Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции относятся вопросы: рассмотрения и подготовки законопроектов о правовом регулировании деятельности спецслужб; об оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов; о расходах федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной безопасности и правоохранительной деятельности в Российской Федерации; о коллективной безопасности государств-участников Содружества независимых государств, Организации Договора о коллективной безопасности; о ратификации международных договоров в сфере национальной безопасности и др.

Как видим, парламентарии охватывают своим вниманием достаточно большой спектр вопросов, касающихся военной сферы деятельности государства.

Ранее было отмечено, что главная задача парламента – разработка и принятие законов, направленных на обеспечение военной безопасности страны, постоянное совершенствование законодательной базы в этой сфере.

Надо признать, что четкой системности в этом деле не наблюдается. Нередко законодательные инициативы выдвигаются поспешно, на волне политической конъюнктуры или, наоборот, отстают от событий, запаздывают. Парламентариям подчас не хватает профессиональных знаний в военной сфере и законодательного опыта для грамотного рассмотрения, обсуждения и поддержания тех или иных законодательных инициатив, связанных с военной безопасностью.

Недостаток компетенции призваны восполнить созданные при данных комитетах экспертные советы, целиком состоящие из профессионалов военного дела. Так, при Комитете Госдумы по безопасности и противодействию коррупции функционирует экспертный совет, задачами которого являются: научно-правовая экспертиза законопроектов, находящихся на рассмотрении в Комитете; анализ

эффективности применения законодательства по вопросам, отнесенным к ведению Комитета, подготовка научно обоснованных законодательных предложений по его совершенствованию, в том числе на основе зарубежного опыта; оказание содействия в подготовке и проведении парламентских слушаний, «круглых столов», конференций, совещаний; участие в издательской деятельности.

Экспертный совет сформирован на общественных началах из высококвалифицированных специалистов в области обеспечения безопасности личности, общества и государства, имеющих опыт законопроектной и практической работы в сфере обеспечения военной безопасности.

В Комитете по обороне и безопасности верхней палаты парламента также создан экспертный совет – постоянно действующий коллегиальный орган, работа которого осуществляется на общественных началах. Совет участвует в подготовке экспертных заключений по принятым Государственной Думой федеральным законам в сфере обороны и безопасности, проектов постановлений Совета Федерации по военным вопросам, экспертизе документов и подготовке заключений по соответствующим разделам проекта федерального бюджета.

Через Федеральное Собрание РФ за 20 лет прошло около 1000 законопроектов. Были приняты и вступили в силу многие основополагающие в сфере обороны федеральные законы, регулирующие вопросы обороноспособности страны, международного сотрудничества в области вооружений и безопасности, прохождения военной службы, социальной защиты военнослужащих и ветеранов военной службы.

Одним из главных механизмов парламентского влияния на обеспечение военной безопасности является рассмотрение и принятие в Федеральном Собрании государственного бюджета России. В России расходы бюджета на оборону и военную безопасность остаются непрозрачными и, что еще более важно, недостаточно эффективными.

Несмотря на рост военных расходов, по мнению многих экспертов, в Российской Федерации существуют значительные несоответствия между выделяемыми бюджетными ассигнованиями и их реальным расходованием на обозначенные цели. Это серьезная проблема, порождающая, прежде всего, такое явление как коррупция в военно-оборонном комплексе страны и, соответственно, неэффективность военных расходов. В свою очередь неэффективность военных расходов является следствием в том числе и низкого качества парламентского влияния на процесс формирования бюджета.

Очевидно, что Российский парламент должен добиваться проведения отдельного обсуждения и голосования по каждой из статей ассигнований на цели обеспечения военной безопасности, чего в настоящее время не происходит.

Парламентский контроль – это система проверок, осуществляемая палатами парламента, его комитетами и комиссиями, специализированными органами, созданными парламентом, отдельными депутатами.

Считаем, что парламентский контроль над военной организацией является центральным компонентом демократического гражданского контроля.

Контрольная деятельность [3] парламента может проводиться в форме инспектирования, обследования, ревизии, надзора, наблюдения, запросов, расследования и т.п. При этом парламентский контроль должен базироваться на единых принципах и требованиях, вытекающих из законодательства, круга субъектов и объектов контроля, объема полномочий органов парламентского контроля, организационно-правовых гарантий их полного, правильного и своевременного осуществления.

Важно, чтобы парламентский контроль был независим от контролируемых органов государственной исполнительной власти и лиц, ее осуществляющих.

Результатами парламентского контроля могут быть приняты такие меры как дача парламентом положительной или отрицательной оценки действиям или актам правительства; выражение парламентом вотума доверия или недоверия правительству, привлечение парламентом правительства или его отдельных членов к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, в том числе за нарушение законов.

Вывод: Итак, механизм парламентского влияния на обеспечение военной безопасности находит свое выражение в различных формах, прежде всего, в виде разработки, обсуждения и принятия законодательных актов, утверждения государственного бюджета, ратификации международных договоров, участия в работе международных парламентских организаций.

Важнейшим инструментом парламентского влияния является парламентский контроль, который имеет двойную природу: с одной стороны, порядок его проведения регламентирован нормативными актами, с другой, – может инициироваться различными общественными группами, интересы которых представляют в Федеральном Собрании РФ депутаты Госдумы и члены Совета Федерации. Парламентский контроль занимает «промежуточное положение» и, по сути, выступает связывающим звеном между государством и обществом.

Парламентский контроль в России осуществляется в форме заслушивания отчетов, направления депутатских запросов, проведения парламентских слушаний и расследований и других. Вместе с тем, эффективность парламентского влияния на сферу обеспечения военной безопасности остается низкой: Российский парламент не в состоянии по-настоящему проконтролировать исполнение федерального бюджета в части военных расходов, правовая база такого контроля недостаточно разработана, что обуславливает непрозрачность сферы обеспечения военной безопасности не только для Федерального Собрания, но и для гражданского контроля со стороны общества.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>
2. О безопасности: Федеральный закон № 390-ФЗ от 28.12.2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=108546>

3. О парламентском контроле: Федеральный закон № 77-ФЗ от 07.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=145996>

4. О регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление № 2134-II ГД от 22.01.1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=540356>

5. О регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление № 33-СФ от 30.01.2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=569929>

6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Астрель: АСТ, 2000. 1568 с.

7. Толковый словарь русского языка. 2-е изд-е, испр. и доп. / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М.: Азъ, 1995. 908 с.

8. *Халипов В.Ф., Халипова Е.В.* Власть. Политика. Государственная служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.

Перспективы развития механизмов обеспечения военной безопасности*

Одновременно с геоэкономическим соперничеством, связанным с противоречиями моделей производства и потребления различных стран, прогрессирует соперничество между разными цивилизациями. Оно ведется как минимум за сохранение своего образа жизни, а как максимум – за его экспансию. Данное соперничество асимметрично по целям, средствам и способам, критериям победы. Именно поэтому оно иррационально и ведется на уничтожение, потому что проигрыш в борьбе цивилизаций означает полную культурную ассимиляцию и как итог – в том числе проигрыш в экономической конкуренции. Последнее обстоятельство является всеобщим как для экономического, так и межцивилизационного соперничества, придавая принципиальное значение военной силе и военно-политической деятельности государств для обеспечения национальной безопасности [6].

На международной арене резко возрастает жесткость международной конкуренции и снижается предсказуемость обстановки. Диспропорции вероятностей субъектов и их базовых мотиваций приводят к диспропорции рисков их деятельности, а «отличия» их интересов ведут к стремлению использовать эти диспропорции в своих целях [3]. Следствием этого является нарастание остроты противоречий между субъектами. В итоге кардинально изменятся и параметры соперничества, которые определяются следующими особенностями.

1. Расширение спектра возможных угроз. Угрозы военной безопасности в настоящее время способны сформировать не только отдельные государства и их

---

* Ковалев А.А. Перспективы развития механизмов обеспечения военной безопасности // Журнал правовых и экономических исследований. – 2012. – №4. – С.13-14.

военно-политические объединения, но и негосударственные организации и даже отдельные лица. Некоторые противники абсолютно нелегитимны, а следовательно, не признают никаких правовых ограничений, что делает их невосприимчивыми к фактору сдерживания. Государства и неправительственные организации могут формировать временные альянсы для достижения своих целей с опорой на военную силу. Распространение современных военных технологий и расширение доступа к ним делают разнородные субъекты равнозначимыми с точки зрения возможностей формирования угроз военной безопасности. Доступ к современным системам оружия и новым средствам его доставки, в том числе и для негосударственных субъектов, может внести фундаментальные изменения в характер ведения боевых действий и значительно повысить возможности потенциальных противников.

2. Прямые военные способы обеспечения национальной безопасности и достижения национальных целей заменяются косвенными и комбинированными. Расширение спектра потенциальных противников приводит к тому, что прямое использование военной силы становится недостаточно эффективным из-за различий структур противоборствующих сторон, их базовых ресурсов и взглядов на правила ведения боевых действий; рациональным по экономическим соображениям и соображениям международного имиджа.

Прямой военный захват ресурсов на территории и их удержание либо уничтожение в настоящее время зачастую заменяются навязыванием конкуренту невыгодных для него условий деятельности в интересах обретения контроля над его входящими и исходящими ресурсными потоками. При этом возрастает значение комбинированных способов, когда методы экономические дополняются военными и информационными. Это также усложняет спектр форм соперничества как в географическом, так и функциональном плане. Пространство противоборства распространяется на воздушно-космическую, морскую, финансовую и информационно-сетевую среды. При этом меняются критерии и признаки определения границ между мирным временем, угрожаемым периодом, начальным периодом войны, так как изменяются сами способы развязывания конфликта.

3. Неадекватность систем военного и государственного управления современным угрозам. Разнообразие потенциальных противников и необходимость совмещать различные масштабы деятельности в рамках достижения определенной цели приводят к существенному усложнению обстановки для систем государственного и военного управления. Это связано с отсутствием шаблонов решений по разрешению нестандартных, как правило, быстротекущих, ситуаций с неоднозначными последствиями; ощущением страха от реальной либо мнимой опасности, а также от ожидания последствий стратегического просчета. Кроме того, резко возрастают нагрузки по времени принятия решений в условиях переизбытка информации в глобальном информационном пространстве. Рост таких ситуаций приводит к рискам принятия ошибочных решений, ведущих к росту напряженности обстановки в целом.

Таким образом, усложнение пространства предопределяет и усложнение спектра угроз безопасности национальным государствам. Сами угрозы будут определяться не только непосредственным покушением на суверенитет, территориальную целостность, благосостояние и образ жизни населения, но и мероприятиями по целенаправленному повышению для конкретной страны рисков при достижении национальных целей.

4. Системы обеспечения международной безопасности не стремятся к международному миру и безопасности. Они стремятся к перераспределению конъюнктурных рисков в глобальном масштабе, а также компенсируют накал конкурентной борьбы со стороны тех или иных своих участников.

В заключение можно сделать вывод, что выработка адекватных стратегий обеспечения безопасности затрудняется тем, что ни одна страна не может действовать полностью независимо в сфере безопасности. Доктрины военной безопасности государств, деятельность систем обеспечения национальной безопасности направлены на учет всего спектра прямых и косвенных угроз и действия в соответствии с представлениями о них. Адекватное решение проблем военной безопасности в перспективе во все большей степени будет связано с интеграционными процессами и формированием новых наднациональных структур, членами которых будут не только государства, но также и негосударственные организации.

Библиографический список

1. *Гаджиев К.С.* Введение в геополитику. М.: Логос, 2000. 257 с.
2. Зарубежные негосударственные субъекты военно-политических отношений в 21 веке // Зарубежное военное обозрение. 2006. №3.
3. *Кулагин В.М.* Международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2007. 318 с.
4. Общая теория национальной безопасности. М.: Вузовский учебник, 2002. 320 с.
5. Региональная и национальная безопасность. М.: Вузовский учебник, 2009. 432 с.
6. *Торкунов А.В.* Современные международные отношения и мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2005. 990 с.

Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе*

Особенность проекта как формы управленческой организации состоит в своей собственно индивидуальной уникальности, четкой целеопределенности и временности рамок осуществления. Задача проектного управления состоит в эффективном решении проблемных ситуаций, когда существует ряд изначально установленных ключевых категорий проекта, установленных с самого начала возникновения проблемной ситуации или угрозы, и помогающих анализировать ситуацию: цели; конечный результат; ключевые параметры; уровень и степень влияния окружающей среды; критерии оценки эффективности результатов; необходимые для выполнения ресурсы; набор механизмов и инструментария непосредственной деятельности и управления. Главное задание проектного управления состоит в комплексном достижении всех поставленных целей и планомерном поэтапном выполнении задания проекта, с одновременным четким ориентированием на временные рамки его выполнения [1]. Дополнительными факторами проектного управления выступают оптимизация, логическое распределение или интеграция заданий, осуществление которых необходимо для достижения запланированных проектом целей, и контроль бюджетных рамок проекта.

Научный подход, впервые осветивший тему проектного управления, был предложен представителями теории договоров. Базовыми принципами данной теории является идея о существовании множества количеств вариантов организации взаимодействия и договоренностей, и при этом любой субъект способен действовать в зависимости от ситуационного момента по «правилам игры», соответствующим каждой из этих договоренностей.

Базовым пониманием проектного управления выступает проект как отдельный объект управления, с такими характерными особенностями как уникальность, временность, неопределенность, которые и формируют специфику методов управления:

1. Непосредственное управление происходит в условиях неопределенности результатов. Вероятность полного выполнения сроков и объемов плана ограничивается новизной проектных решений и непосредственно уникальностью проекта. Именно поэтому основным аспектом проектного управления выступает сосредоточенность на снижении элемента неопределенности.

2. Риск в проектном управлении считается недопустимым, даже при условии потенциальной позитивной оценки. Поэтому приоритетом обладают те решения, которые обладают более перспективными, и характеризуются большей надежностью для достижения результата.

---

* Балашов А.И., Ковалев А.А. Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе // Вопросы управления. – 2017. – № 1(25). – С. 157-163.

3. При управлении проектом, в отличие от текущей деятельности классических форм управления, когда производится компромисс между разными факторами и ресурсами, на первый план выступает базовое правило: «время важнее всего». Поэтому для своевременного выполнения этапов проекта предусматривается жертва ресурсной и бюджетной стороной, сохраняя при этом качество выполнения проекта.

4. Само управление проектом выполняется относительно отдельно от текущей деятельности. Необходимость состоит в полном сосредоточении на достижении цели и выполнении задач проекта, с высоким уровнем оперативности при принятии управленческих решений.

Методология проектного управления заключается в разработке, реализации и развитии проекта как сложной системы, воссоздающейся и функционирующей в динамической внешней среде. основополагающими составляющими элементами проекта выступают идея (проблема и задания), замысел, способы их реализации и результаты решения, достигнутые при реализации проекта.

Государственные проекты, в зависимости от масштаба заданий, можно разделить на монопроекты, мультипроекты или мегапроекты. Например, в рамках мегапроектов проводятся глобальные государственные или общественные реформы, носящие макроэкономический характер на международном, национальном, межотраслевом или отраслевом уровне. Мультипроектами обеспечивается решение менее масштабных проблем в форме комплексных программ. К определению монопроектов можно отнести различные формы инновационных или инвестиционных узконаправленных проектов.

Концепция проектного управления идеально подходит к использованию в любой сфере государственной деятельности. Так, в применении к политической области – это могут быть проекты законодательно-правового регулирования, усовершенствования института власти, доктрины обороны и безопасности. В экономике – проекты приватизации или демонаполизации, промышленных программ или развитие топливно-энергетических систем, реформирования или модернизации финансовой или банковской систем.

Главными аргументами применения проектного управления при разработке программ и проектов в сфере государственной деятельности являются следующие [2]:

- возможность разработки и внедрения государственных программ в независимости от их уровня и степени сложности вследствие универсальности данной концепции;

- на базе проектного управления есть возможность эффективного решения контрольных функций сроков и затрат как на уровне государственных органов, так и на общественном;

- механизмы проектного управления дают возможность при реализации программ координировать множество задействованных в них структур и органов, обладая значительной гибкостью;

- проектный подход дает возможность иерархической структуризации заданий проекта, что дает возможность оперативно включать в структуру проекта

лишь самые необходимые и достаточные задания с эффективной оценкой выполнения заданий и общим контролем.

Эффективное обеспечение национальной безопасности в значительной степени зависит от потенциала военной организации, который, в свою очередь, базируется на экономических возможностях государства. При этом, несмотря на то, что военная сфера, являясь одной из основных и взаимосвязанной с абсолютным большинством прочих областей государственного управления, представляет на сегодня довольно слабоструктурированную систему, из-за отсутствия методологии и инструментария с целью моделирования её эффективной деятельности.

Новая историческая и военная реальность формирует новую парадигму военного строительства, основанного на взвешенном анализе и оценке осуществляемых в военной организации государства реформ с целью обеспечения военной и национальной безопасности России.

Для выработки эффективной военной политики в условиях институциональных и структурных преобразований государства и армии, необходимо получение конкретных научно-практических результатов, путем формирования оценочной методологии ресурсной обеспеченности и потенциального развития, с помощью информационно-аналитического инструментария, способного обеспечить объективное исследование состояния эффективности модернизации российской военной организации и ее оборонную готовность.

В состоянии кризиса современной геополитической ситуации, что характеризуется динамичной эскалацией и трансформацией существовавшей системы международных отношений, из-за политического и ресурсно-экономического противостояния, ведущими мировыми державами, включая и Россию, не исключается вероятность использования вооруженных сил с целью обеспечения защиты собственной безопасности и национальных интересов. В связи с этим наблюдается резкая динамика наращивания военной мощи и потенциала, как основной характеристики способности государства обеспечить свою национальную безопасность.

Результативность оборонных расходов, при построении новых подходов и моделей к оценке эффективности обороноспособности, необходимо рассчитывать как соотношение между результатами деятельности и расходами на их достижение, с учетом степени реального достижения результатов. Эта схема расчета результативности является классической. При подходе с точки зрения проектного управления необходимо проводить исследования относительно возможности замены существующих традиционных показателей боевой эффективности (характеристика выполнения поставленных задач личного состава и рациональность использования вооружения и военной техники), на применение индикативных показателей, интегрирующих вклад каждого звена сложной системы в выполнение конкретной боевой задачи-проекта [4].

Одной из таких новых проектных концепций управления в военной сфере, стала теория Джона Бойда OODA (Observe – Наблюдение, Orient – Ориентация, Decide – Решение, Act – Действие). Данная формулировка является в высокой

степени универсальной по применимости при применении в решении различных задач анализа и моделирования, с целью получения четкого алгоритма действий и инструмента для контроля эффективности выполняемых процессов.

В основу своей теории Бойд положил три базовых теоремы [3]:

1. Теорему Гёделя о неполноте, гласящую о том, что абсолютно любая логическая модель реальности по определению не является полной (или несостоятельной) и поэтому должен происходить процесс непрерывного улучшения (адаптации) с корректировкой в виду постоянно поступающих новых данных;

2. Принцип неопределенности Гейзенберга о существовании некоего предела способностей производить наблюдения с достаточной точностью. В результате любые малые погрешности наблюдений, используемые в процессе вычислений, приводят к разной пропорциональности увеличения объема получаемых неточностей в течение времени;

3. Любая замкнутая система проявляет стремление к увеличению через процесс хаоса, и, как следствие, в природе абсолютно любой заданной системы заложен фактор непрерывного изменчивого состояния, даже в условиях принятия внешних мер с целью сохранить её в неизменном исходном состоянии. Кроме того, любое наше воздействие со стороны на систему будет производить непреднамеренный сторонний эффект, что в результате приводит к динамике роста скорости протекания процесса изменений энтропии этой системы (и как следствие, к полному хаосу).

Взяв эти базовые положения как знаменатель, Бойд предложил их для уравнивания деятельности системы с динамичной реальностью, способной осуществлять выполняемые действия в виде непрерывного цикла, с учетом постоянной динамики изменений среды и в постоянном с ней взаимодействии.

Дополнительно Бойдом была выдвинута гипотеза относительно того, что цикл деятельности и принятия решения OODA выступает основополагающим звеном механизма адаптации любой системы, и поэтому преимущество в степени и скорости цикла выполняемых действий и является потенциалом роста эффективности деятельности системы.

Таким образом, фактически любую деятельность в динамично меняющейся среде, а особенно это касается военной сферы, с определенной степенью приближения можно представить с помощью теории OODA в форме управляемого проекта, в котором многократное повторение условной петли действий (наблюдение – ориентация – решение – действие) отражает динамику реального развития ситуации по спирали, и при этом каждый виток помогает осуществлять постоянное взаимодействие с окружающей средой, являясь этапом проекта, и повторное действие деятельности системы получается более эффективным, чем предыдущее.

Эффективность процесса добивается благодаря принципу «обратной связи», при которой часть результатов на выходе системы обратно перенаправляется на её вход с целью уточнения и корректировки дальнейших этапов развития системы до полного достижения спланированного результата.

Исходя из теории петли OODA Бойда, любой человек или структура при осуществлении своей деятельности формирует свой алгоритм принятия решений. И любой алгоритм состоит из четырех фундаментальных элементов:

– этап первый – наблюдение – это подготовительный период по сбору информации, для дальнейшего использования при принятии решения. Получаемая информация поступает как от внешних, так от внутренних источников. Такими внутренними источниками могут выступать некие элементы обратной связи, например KPI (Key Performance Indicators) или обычные коэффициенты. Роль внешних источников играют любые доступные и стандартизированные каналы получения необходимой информации;

– этап второй – ориентация – является более сложным и ключевым звеном всего цикла OODA.

Данный этап представляет собой два подзвеня: разрушение (destruction) и созидание (creation). На первом шаге ситуацию разбирают на дробные элементарные части, более удобные для восприятия. В условиях структуры, принимающей решение, ситуация разбивается на связующие элементы такого уровня, когда полученные компоненты не станут соответствовать типовым стандартизированным для системы ситуациям. Именно это и выступает основной задачей субъекта, который принимает решение – идентифицировать текущую ситуацию по заранее определенным доктринальным установкам и инструкциям, что можно достичь путем планового обучения и тренировок, с целью накопление необходимой базы знаний и навыков.

Следующим шагом является этап составления решений подзадач в конкретный обобщенный план действий, это и есть пункт «созидания».

– этап третий – непосредственного принятия решения (decision) – субъект, принимающий решение, определяет реальность плана и приступает к его выполнению. Если существует несколько альтернативных вариантов действий, то выбор наиболее приемлемого, осуществляется согласно критерия «эффективность – стоимость» или любому другому согласно поставленной конечной задачи. Главными требованиями, предъявляемыми к плану, являются быстрота воплощения и его надежность.

– этап четвертый – действие – заключительное действие цикла в виде практической реализации выбранного вектора действий по выполнению плана. Формируется в виде приказа или указания с целью мониторинга деятельности в следующем цикле процесса, что является фактором важности для контроллинга управления проектом.

В отличие от других циклических моделей, управленческая проектность цикла OODA Бойда предполагает и учитывает наличие соперничества или конкуренции, когда соперник производит действия в рамках и по правилам своей собственной петли решений.

Кроме того, в роли противостоящей стороны может непосредственно выступать динамически изменяющаяся внешняя среда.

Основными способами достижения максимальной профессиональной эффективности, исходя из теории Бойда, выступают два тактических приема. Первый – ускорение циклов действий в количественном измерении. Второй

способ – качественное улучшение принимаемых управленческих решений. Проводимые планомерно подобные действия позволят получить качественные и количественные улучшения, для чего, собственно говоря и создается любой проект.

Следует учитывать, что в условиях конкурентной среды, которая является одновременно и результатом и условиями, происходит взаимодействие большого количества субъектов управления, чем и определяется соответствующий уровень соперничества и его влияние на процесс принятия решений.

Теорией Джона Бойда петля OODA рассматривается как формат единой типовой модели цикла по принятию решений управления, притом как собственным ресурсом, так и ресурсом противника. Таким образом, благодаря широкому составу функциональных блоков и когнитивным возможностям, концепция OODA является усредненной циклической формой известных циклических моделей, используемых при принятии решения в военной сфере.

Существует заметная схожесть цикла Бойда с общей методологией научного метода: наблюдение – формирование гипотезы – проверка гипотезы – выстраивание гипотезы, которая соответствовала бы наблюдениям. Еще одной отличительной от других циклических моделей особенностью является фактор обязательного наличия противника, против которого осуществляется борьба. Со своей стороны и действия противника направлены на принятие решения в пределах такой же петли.

Классически цикл OODA состоит из четырех последовательных этапов [3]:

1. Наблюдение (observation) состоит из процесса сбора необходимой информации, предназначенной для принятия решения в конкретном данном случае. Информация получается из внешних (датчики и другие каналы информации), и внутренних (элементы обратной связи петли).

Для того, чтобы наблюдение имело научный характер, необходимо что оно носило характер:

1. Планомерности и не случайности;
2. Было последовательным и систематическим;
3. Обеспечивалось большим количеством фактов о предмете наблюдения.

Естественным образом наблюдение должно носить объективность в процессе всего исследования. С научной точки зрения наиболее плодотворным является экспериментальное исследование, особенностью которого выступает тот аспект, что изучение явления (предмета исследования) происходит при разных обстоятельствах и в разных условиях.

2. Ориентация (orientation) – наиболее сложный и ключевой этап цикла OODA состоящий из двух поэтапов: разрушения (destruction) и создания (creation). В первом случае ситуация разбивается на элементарные части, декомпоннируя задачи до уровня стандартизации составных задач, или типизации ситуаций, с целью облегчения понимания и для которых у лиц, принимающих решение уже существует план действий. С выделенными элементарными подзадачами ознакомление достигается через обучение, тренировку, накопление багажа опыта и инструкций, сформированных доктринальными установками и множественности планов. То есть происходит поэтапная проработка проекта путем управления и

координации процессов. Текущая ситуация идентифицируется лицом принимающим решение с уже знакомыми, и применяется заранее разработанный и согласованный план действий. Затем осуществляется созидательное объединение элементарных подпланов в общий план действий. Или процесс остается на этапе ориентации, если нет реальных планов, подходящих для выбора решения и осуществляется дальнейшая декомпозиция задачи. В случае невозможности осуществлять дальнейший успешный план, путем измельчения, то наступает последний цикл. С целью обработки информации, полученной с помощью применения исследовательских методов, для этапа ориентации применяются методы анализа и синтеза. Анализ дает возможность изучать качества, свойства и характеристики исследуемого объекта путем условного разделения на отдельные составные части. Через синтез осуществляется обобщение информации об отдельных составляющих и формируется совокупность информационных данных об объекте исследования в целом. Таким образом, происходит формирование прогнозов на ближайшую и далекую перспективу, на основе результатов полученных в процессе анализа и синтеза. Также, для самого прогнозирования применяются методы расчета и экстраполяции.

3. Принятие решения (decision) – на данном этапе происходит выбор лучшего сформированных планов. Чаще всего данный выбор осуществляется согласно критерия «эффективность – затраты», но в условиях лимитированного времени предпочтение отдается плану, предлагающему более быструю достижение уровня надежности.

При принятии решений используются следующие методы:

- метод эффективности–стоимости (построение моделей эффективности, стоимости, синтеза стоимости и эффективности);

- метод теории надежности – сохранение техническими объектами своих свойств во времени и в пределах значения всех установленных параметров, которые должны функционировать в заданном режиме и условиях применения.

4. Действие (action) – данный этап цикла характеризуется практической реализацией выбранного плана действий в форме выдачи указания, физической атаке или защите, перемещениях в пространстве и т.п.

Исходя из вышеизложенного следует понимать, что чем дольше мы входим в действие, тем большим временным ресурсом располагает противник. Поэтому тщательная взвешенная подготовка каждого звена петли и постоянные упражнения по устранению задержки путем тренировок – наиболее оптимальный подход к решению вопроса ускорения прохождения петли.

В качестве применения петли OODA в военной сфере применяются два базовых способа по достижению преимущества. Либо в качественном изменении убыстрить действие своих циклов, что даст возможность проводить действия первыми и вынудит противника реагировать на наши действия. Либо провести качественное улучшение принимаемых решений, более соответствующих обстановке, решений противника. При этом следует учитывать, что качественность решений приводят к лучшим результатам чаще, чем просто быстрые, ввиду в недостаточной степени просчитанных действий. Поэтому для

каждого шага процесса необходимо планомерное качественное и количественное улучшение, что и является прямой функцией проектного управления. При использовании цикла OODA, согласно теории Бойда есть два базовых способа получения преимуществ. Либо опережать его за счет ускорения собственной петли действий, либо производить «регулирование изнутри» процесса деятельности противника. При этом при ускорении процесса принятия решений может существовать два эффекта. В первом эффекте при внедрении своего плана первыми можно вызвать смятение в обстановке ранее, чем начнутся действия противника, поэтому этот эффект имеет сугубо наступательный характер. Преимущество первенства в действиях дает возможность занимать рубежи раньше, чем это запланировал противник, то есть убить противника раньше, чем он начнет стрелять. При втором случае противодействующая сторона, избегая уязвимого или вредного воздействия от противника, ускоряет собственный цикл действий OODA делает его оборонительным, и действуя вопреки ожиданий атакующего соперника. И качественность принимаемых решений будет более высокой, чем у противника. При этом конкурентное преимущество достигается либо через совершенствование своих решений, либо через ухудшение качества решений, которые принимаются стороной противника. Применяя автоматизированные системы управления, совершенствуя информационно-аналитическое и разведывательное обеспечение, экспертные и системы поддержки можно значительно повысить качество принимаемых управленческих решений. С помощью обучения и тренировок также значительно улучшается как процессы принятия решений, так и отрабатывается требуемая в конкретных условиях информация. При правильной организации совершенствования своего цикла OODA возникает реальная возможность снижения качества цикла принятия решений и общей функциональной деятельности противника, формировании помех и эффективное противодействие системам разведки и наблюдения, через введение противника в заблуждение или дезориентации (уже на этапе наблюдения и оценки), или с помощью принятия решения нехарактерного или непредсказуемого для противника.

Такая форма осуществления проектного управления как цикл OODA привлекательна на данном этапе для военной сферы тем, что в нем возможно максимально эффективное использование современных высокотехнологических и информационных технологий, а реализации максимальной скорости цикла Бойда помогает полная автоматизация и информатизация всех этапов анализа, принятия решений и осуществления действий.

Выводы. Проектное управление первых этапов цикла OODA основано на процессе сбора информации, методичном её распределении, осмыслении, анализе и принятии конечного решения на базе результатов обработанной информации. Ведь именно темп и правильность (в соответствии с обстановкой) принятия решений, являются основой любого эффективного управления и деятельности. Широка возможностей и простота алгоритмизации процесса управления данного проекта открывает широкие возможности во многих областях государственного применения, включая политику и военную сферу. Именно поэтому теорию циклов Бойда можно применить в качестве проекта по недопущению войны. Так

как в рамках государств, роль соперника играет аналогичный по своему функционалу и показателям объект, а место победы в конкурентной борьбе определяется политическим весом, экономическим или военным потенциалом, то основываясь на этих приоритетных и ключевых факторах можно выстроить модель цикла OODA, когда постоянная спираль циклов, постоянно контролируясь и корректируясь государством, сможет уберечь ситуацию от эскалации.

Библиографический список

1. *Бронникова Т.С.* Разработка бизнес-плана проекта. М.: Инфра-М, 2016. 224 с.
2. *Васильев А.И., Прокофьев С.Е.* Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. 2016. №4. С.44-52.
3. *Ивлев А.А.* Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. М., 2008. С.7.
4. *Хрусталева Е.Ю.* Глобальное военное противостояние и методология оценки обороноспособности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 9. С.2-9.
5. *Панина О.В.* Проектное управление в органах государственной власти // Альманах мировой науки. 2017. № 1-2 (16). С.122-125.
6. *Шестаков В.А., Антошин В.А.* Комплексное управление безопасностью на государственном уровне // Вопросы управления. 2015. №4 (16). С.68-77.
7. *Клочков В.В., Селезнева И.Е.* Стратегические и прогнозные исследования и разработки: проблемы методологии и организации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т.13. №3 (348). С.449-463.
8. *Гончаров Г.А.* Управление институциональными изменениями: сложности и их решение на пути к успеху // Вопросы управления. 2016. №1 (19). С.7-11.

Роль региональных органов власти в обеспечении военной безопасности Российской Федерации*

В основном законе государства – Конституции Российской Федерации имеется одиннадцать терминов, обозначающих различные виды безопасности. Среди них – «безопасность государства», «государственная безопасность», «общественная безопасность», «оборона и безопасность», «экологическая безопасность», «безопасность граждан», «безопасность людей», а также «безопасность труда». При этом следует отметить, что текст Конституции Российской Федерации не содержит прямых установок по вопросам обеспечения военной безопасности, и только в пункте «м» статьи 71 указано, что вопросы обороны и безопасности находятся в ведении Российской Федерации [1]. Тем не

---

* Ковалев А.А. Роль региональных органов власти в обеспечении военной безопасности Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – №3. – С.418-423.

менее, очевидно, что обеспечение военной безопасности исторически является важнейшей функцией государства, о чем свидетельствует вся и мировая, и отечественная история [2, с. 3].

Но в обеспечении военной безопасности участвуют не только федеральные органы власти, но и в части, их касающейся, – исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Правовым основанием этому являются федеральный конституционный закон «О военном положении» [3], федеральные законы «Об обороне» [4], «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [5], «О гражданской обороне» [6] и другие.

Однако даже Совет Федерации РФ признает, что состояние законодательства в сфере обеспечения военной безопасности государства оставляет желать лучшего. Так, по мнению депутатов верхней палаты парламента, в настоящее время в Российской Федерации создана правовая база, которая в основном позволяет решать задачи обеспечения военной безопасности. «Однако, – признают парламентарии, – законодательство в данной области еще не представляет собой единой целостной системы, в нем имеются пробелы, сохраняются отдельные противоречия, положения некоторых законов продолжают носить декларативный характер. Разнообразная неунифицированная терминология, применяемая в законодательных актах, зачастую затрудняет правоприменительную деятельность, а подчас приводит и к правовым коллизиям» [7].

Контуры региональной политики в сфере обеспечения военной безопасности прописываются в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации. Так, в п. 2 ст. 11 Устава Санкт-Петербурга определены предметы совместного ведения Российской Федерации и Санкт-Петербурга. Это – обеспечение законности, правопорядка, безопасности, владение и распоряжение землей [8].

Органы государственной власти субъектов Федерации в пределах своей компетенции участвуют в рассмотрении предложений о дислокации соединений и воинских частей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований на территории субъектов Российской Федерации. Размещение воинских частей осуществляется в соответствии с задачами обороны. На основании Указа Президента Российской Федерации «О военно-административном делении Российской Федерации» земли, на которых дислоцируются воинские части, относятся к категории земель для обороны и безопасности [9].

В соответствии с принципом разделения властей законодательные органы субъектов Российской Федерации участвуют в обеспечении военной безопасности путем принятия нормативных правовых актов, направленных на реализацию федерального законодательства в области обеспечения военной безопасности. Например, приняты законы Санкт-Петербурга «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге» [10], «О некоторых вопросах организации мобилизационной подготовки и мобилизации в Санкт-Петербурге» [11], которые в настоящее время и представляют «региональный сегмент» в общем военно-

политическом механизме обеспечения военной безопасности российского государства.

В Законодательном собрании Санкт-Петербурга не существует профильного комитета, занимающегося вопросами обороны и безопасности, но функционирует постоянная комиссия по вопросам правопорядка и законности, которая осуществляет взаимодействие с территориальными структурами Вооруженных Сил Российской Федерации, другими войсками и воинскими формированиями [12].

На региональном уровне формируется не только законодательная база региональной политики в области обеспечения военной безопасности, но и механизмы ее реализации в виде создания системы органов в структуре администраций. Так, в Правительстве Санкт-Петербурга функционирует Мобилизационное управление, которое разрабатывает нормативные акты, регламентирующие деятельность органов власти города и организаций в условиях мирного времени и военного положения; взаимодействует с территориальными органами военного управления и федеральными органами исполнительной власти; проводит тренировки и учения по переводу на работу в режиме военного положения; организует мероприятия по обеспечению призыва граждан и поставки техники по мобилизации, по вопросам обороны государства, обеспечения правопорядка, по подготовке специальных формирований, передаваемых в силовые министерства и ведомства.

К обеспечению военной безопасности привлекаются и региональные департаменты (комитеты, управления) при органах власти субъектов Федерации. К примеру, в Санкт-Петербурге это Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности [12]. В задачах Комитета указано, что он обеспечивает взаимодействие исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга с органами военного управления и иными органами и организациями по вопросам обеспечения безопасности на территории Санкт-Петербурга. А таковых в городе немало. Здесь находится Главный штаб Военно-Морского Флота Российской Федерации, командование Западного военного округа, командование Северо-Западного округа внутренних войск МВД России, Пограничное управление ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Служба охраны по Северо-Западному федеральному округу ФСО России и др.

Правовым основанием привлечения региональных органов власти к обеспечению военной безопасности выступает в первую очередь федеральный закон «Об обороне» [4], где под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. Как сказано в законе, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления во взаимодействии с органами военного управления в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства в области обороны. Однако, какие именно полномочия, в законе не указано. И вполне естественно, что данный пробел создает определенные правовые коллизии. В

предыдущей редакции закона «Об обороне» полномочия региональных органов власти в области обороны были прописаны более четко.

Ряд полномочий в области обеспечения военной безопасности государства предоставлен региональным органам власти федеральным законом «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [5]. Они, в частности, организуют и обеспечивают через соответствующие органы мобилизационную подготовку и мобилизацию; обеспечивают исполнение законодательства в области мобилизационной подготовки и мобилизации; разрабатывают мобилизационные планы; проводят во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти мероприятия, обеспечивающие выполнение мобилизационных планов; при объявлении мобилизации проводят мероприятия по переводу экономики субъекта Федерации на работу в условиях военного времени; оказывают содействие военным комиссариатам; имеют право вносить в органы государственной власти предложения по совершенствованию мобилизационной подготовки и мобилизации.

В федеральном законе «О гражданской обороне» [6], где под гражданской обороной понимается система мероприятий по подготовке и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, нашли свое отражение вопросы участия органов исполнительной власти субъекта Федерации в организации и проведении мероприятий по гражданской обороне. В соответствии с этим законом они разрабатывают и реализуют планы гражданской обороны и защиты населения; в пределах своих полномочий создают и поддерживают в состоянии готовности силы и средства гражданской обороны; организуют подготовку населения в области гражданской обороны; создают и поддерживают в состоянии постоянной готовности к использованию технические системы управления гражданской обороны, системы оповещения населения об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов; планируют мероприятия по подготовке к эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы, их размещению, развертыванию лечебных и других учреждений, необходимых для первоочередного обеспечения пострадавшего населения; создают и содержат в целях гражданской обороны запасы материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств; обеспечивают своевременное оповещение населения, в том числе экстренное оповещение населения об опасностях, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов [13].

Согласно российскому законодательству, органы исполнительной власти субъекта Федерации наделяются рядом дополнительных полномочий в случае введения режима военного положения [3], под которым понимается особый правовой режим, вводимый Президентом Российской Федерации на территории России или в отдельных местностях в случае агрессии против нашего государства или непосредственной угрозы агрессии. Так они организуют производство продукции, выполнение работ и оказание услуг для государственных нужд, обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, специальных

формирований и для нужд населения; организуют снабжение населения продовольственными и непродовольственными товарами и медицинским обслуживанием; регулируют деятельность организаций промышленности, торговли, общественного питания; оповещают через СМИ население территории, на которой введено военное положение; оказывают содействие федеральным органам исполнительной власти и органам военного управления. Одновременно с перечисленными выше полномочиями органы исполнительной власти субъектов Федерации привлекаются для усиления охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, охраны военных, важных государственных и специальных объектов, объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения, функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей среды; эвакуации объектов хозяйственного, социального и культурного назначения, а также отселения жителей в безопасные районы; введения и обеспечения особого режима въезда на территорию; привлечения граждан к выполнению работ для нужд обороны, ликвидации последствий применения противником оружия, восстановления поврежденных объектов экономики и т.д.

Обеспечение военной безопасности отнесено и к полномочиям местного самоуправления [14]. Эти полномочия реализуются в пределах подведомственной территории и во взаимодействии с органами военного управления. Органы местного самоуправления призваны обеспечивать на своей территории соблюдение и исполнение законодательства и других правовых актов в области обороны, решать вопросы социально-правовой защиты военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, членов их семей (к примеру, обеспечивать жильем, содействовать трудоустройству, устанавливать дополнительные льготы и т.д.).

Кратко рассмотрев основные правовые акты, затрагивающие региональный сегмент обеспечения военной безопасности, можно прийти к выводу, что полномочия и функции органов исполнительной власти частично дублируются, не содержат конкретики, иными словами, носят декларативный характер.

Выходом из данной ситуации может стать принятие на федеральном уровне правового акта, регламентирующего вопросы военной безопасности. В настоящее время в Российской Федерации принята Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [15], Военная доктрина [16] и т.д. Они содержат концептуально-доктринальные основания обеспечения военной безопасности. Автор же считает, что в данном законе стоит четко прописать механизм обеспечения, все спорные вопросы и моменты, которые затрагивают полномочия федеральных и региональных властей в сфере обеспечения военной безопасности. Безусловно, у данной инициативы будут свои сторонники и те, кто воспримет в штыки. Но реализовывать это необходимо на строго научном уровне с привлечением экспертного и научного сообщества Российской Федерации.

Подводя итог, стоит отметить, что 1 июля 2015 г. Пентагон опубликовал концептуальный документ – Национальную военную стратегию США, сменившую предыдущую версию, принятую в 2011 г. Это не только ключевой официальный документ для исполнения в вооруженных силах и государственных

структурах США, но и доктрина, предъявленная всему миру [17]. В этом документе Россия причислена к категории «ревизионистских государств» и, более того, к категории государств-противников США.

Очевидно, что принятие подобного документа не повышает уровень военной безопасности России и перед ней сейчас стоит архисложная и архиважная задача – найти адекватный ответ недружественному шагу США. Нам представляется, что он должен состоять в переработке всего комплекса документов, регламентирующих вопросы обеспечения военной безопасности государства, начиная с доктринально-концептуального уровня, в которых следует предусмотреть предоставление гораздо больших полномочий регионам в деле обеспечения военной безопасности государства с одновременным усилением ответственности за их исполнение.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: офиц. текст.
2. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб., 2015. 196 с.
3. О военном положении: [федер. конст. закон: принят Гос. Думой 27 декабря 2001 г.: по состоянию на 16 июля 2014 г.]
4. Об обороне: [федер.закон: принят Гос. Думой 24 апреля 1996 г.: по состоянию на 4 июня 2014 г.]
5. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: [федер.закон: принят Гос. Думой 27 янв. 1997 г.: по состоянию на 5 апр. 2013 г.]
6. О гражданской обороне: [федер. закон: принят Гос. Думой 26 декабря 1997 г.: по состоянию на 28 декабря 2013 г.]
7. О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2007 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации»: [Постановление Совета Федерации Федерального Собрания 19 марта 2008 г.]
8. Устав Санкт-Петербурга: [принят Законодательным собранием Санкт-Петербурга 14 янв. 1998 г.: по состоянию на 13 февр. 2014 г.]
9. О военно-административном делении Российской Федерации: [Указ Президента Российской Федерации 20 сентября 2010 г.: по состоянию на 2 апреля 2014 г.]
10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Санкт-Петербурге [закон Санкт-Петербурга 20 окт. 2005 г.]
11. О некоторых вопросах организации мобилизационной подготовки и мобилизации в Санкт-Петербурге [закон Санкт-Петербурга 13 дек. 2007 г.]
12. О структуре Законодательного Собрания Санкт-Петербурга [постановление Законодательного Собрания Санкт-Петербурга 14 апреля 1999 г.: по состоянию на 29 мая 2013 г.]
13. О мерах по совершенствованию системы гражданской обороны, защиты населения и территории от чрезвычайных ситуаций и обеспечения пожарной

безопасности в Санкт-Петербурге: [Постановление Правительства Санкт-Петербурга 23 января 2008 г.]

14. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 13 сентября 2003 г.: по состоянию на 21 июля 2014 г.]

15. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: [Указ Президента Российской Федерации 12 мая 2009 г.: по состоянию на 01 июля 2014 г.]

16. Военная доктрина Российской Федерации [Указ Президента Российской Федерации №815 от 26.12.2014 г.]

17. Стратегические документы в военной сфере США и России / Центр научной политической мысли. – Режим доступа: <http://rusrand.ru/events/strategicheskie-dokumenty-v-voennoj-sfere-ssha-i-rossii-sravnienie>.

Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике*

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе посещения авиабазы Хмеймим в Сирии 11 декабря 2017 г. заявил, что активная фаза боевых действий завершена, Вооруженные Силы Российской Федерации успешно справились с задачей по ликвидации растущей угрозы глобального терроризма и экстремизма, его новых проявлений. Министру обороны и начальнику Генерального штаба был отдан приказ к выводу российской группировки войск из Сирии в пункты постоянной дислокации. За два года до этого, в сентябре 2015 г., Верховный Главнокомандующий получил от верхней палаты Российского парламента согласие на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Поддержку в правильности выбранного решения ему тогда оказал Совет Безопасности Российской Федерации – совещательный орган, изучающий и прогнозирующий обстановку в стране и мире, предлагающий Президенту разные варианты решения сложившейся ситуации, главным образом касающихся первостепенных задач военной политики [1].

В настоящее время научным сообществом основы функционирования Совета Безопасности Российской Федерации – важного конституционного органа, на наш взгляд проработаны недостаточно. Исследований, посвященных данному институту, ничтожно мало. Так, в монографии В.И. Мельникова изучаются политико-правовые аспекты деятельности Совета Безопасности в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [2].

Н.Н. Отмахова в работе «Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации» рассматривает правовое положение этого

---

* Ковалев А.А. Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №6. – С.4-10.

конституционного органа власти. Для повышения его эффективности автор предлагает новую редакцию Закона «О безопасности», с приданием ему статуса Федерального конституционного закона [3]. Определенные изменения в законодательство о Совете Безопасности были внесены. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. «О безопасности», в котором Совету Безопасности, вернее, его статусу, посвящена самая большая из четырех глав Закона, в которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета Безопасности [4].

Д.Б. Павлов считает, что важнейшей проблемой в обеспечении экономической безопасности России является координация деятельности различных структур. По его мнению, определенную системность в эту сферу вносит Совет Безопасности РФ [5].

В.А. Белобородов рассматривает Совет Безопасности как единицу механизма общей государственной безопасности, которая осуществляет координацию деятельности органов власти по реализации принятых Президентом РФ решений в области обеспечения безопасности и дает оценку эффективности их деятельности [6].

Я.А. Пономаренко в статье «Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности» проводит исторический обзор развития данного органа власти, анализирует специфику его функционирования в системе управления [7].

Совет Безопасности – это относительно новая структура в истории отечественного государственного строительства, впервые созданная на излете существования Союза ССР, в декабре 1990 г., в соответствии с принятым тогда Законом «Об изменениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» [8]. На Совет Безопасности СССР возлагалась выработка рекомендаций по проведению в жизнь общесоюзной политики в области обороны страны, поддержанию государственной, экономической и экологической безопасности, преодолению последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций, обеспечению стабильности и правового порядка в обществе. Очевидно, за всем этим стояла попытка тогдашнего высшего руководства страны не допустить распада Союза. Но уже в 1991 г. в ряде республик СССР стали создаваться аналогичные структуры, что означало желание вести свою, отдельную от Москвы политику в этой сфере.

После распада Советского Союза Россия учредила Совет Безопасности РФ. До этого он упоминался в Законе РСФСР от 24 апреля 1991 г. «О Президенте РСФСР», где в п. 9 ст. 5 говорилось, что Президент возглавляет Совет безопасности РСФСР [9]. Позже, 5 марта 1992 г., был принят Закон РФ «О безопасности», один из разделов которого назывался «Совет Безопасности Российской Федерации» [10].

На разных этапах Новейшей истории России роль этого органа в политической жизни страны была различной. Если в период, который принято называть «конституционным кризисом» 1992-1993 гг., главной задачей Совета Безопасности было обеспечить победу Президента в его противостоянии с

Верховным Советом России и тем самым сохранить Б.Н. Ельцина у власти, то после 2000 г. этот орган направил свои усилия не на сохранение личной власти Президента, а на отстаивание и обеспечение национальных интересов и национальной безопасности России.

Сегодня Совет Безопасности России является конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента страны по вопросам обеспечения, общественной, экологической и иных видов безопасности государства, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также по вопросам, связанным с защитой конституционного строя, организацией обороны и оборонного производства, военного строительства, военного и военно-технического сотрудничества с другими государствами, международного сотрудничества в области безопасности. Как видим, функции российского Совбеза значительно расширены в сравнении с функциями Совета Безопасности СССР, что объясняется принципиально новым геополитическим положением России и обострением проблем национальной безопасности в постсоветский период.

В мировой практике имеется опыт создания совещательно-коллегиальных органов, аналогичных российскому Совету Безопасности. Такие органы функционируют в Великобритании, США, Израиле, Японии, Иране, Бразилии и других странах мира. К примеру, Совет национальной безопасности Израиля является центральным органом государства по координации действий, анализу и мониторингу в области национальной безопасности и борьбе с терроризмом. Совет безопасности Японии, основанный на базе Совета обороны в 1986 г., выступает центральным исполнительным органом власти, который занимается определением стратегии и защитой безопасности страны, разрабатывает план действий в период чрезвычайных ситуаций. Совет национальной безопасности Великобритании курирует вопросы, связанные с национальной безопасностью, включая координацию разведывательной и оборонной стратегии; он также решает проблемы внешней политики, обороны, международных отношений, энергетической и ресурсной обеспеченности. Совет национальной безопасности США, созданный в 1947 г., выступает консультативным органом при президенте США для решения наиболее важных вопросов национальной безопасности и внешней политики, координации действий силовых ведомств. Высший совет национальной безопасности Исламской республики Иран был основан в 1989 г. для разработки политики в сфере обороны и национальной безопасности, координации деятельности в разведывательной, оборонной, а также экономической, социальной и культурной сферах. Национальный совет обороны Федеративной республики Бразилии, созданный еще в 1927 г., является консультативным органом президента Бразилии по вопросам национальной безопасности, внешней политики и оборонной стратегии, а также вырабатывает критерии и условия безопасности национальной территории и ее эффективного использования. В целом советы безопасности различных стран имеют схожие цели и функции, везде выполняют роль единых координационных центров по обеспечению безопасности на всех стратегически значимых и жизненно важных направлениях.

Председателем Совета Безопасности РФ является Президент РФ В.В. Путин. В разное время его возглавляли по должности Б.Н. Ельцин (1992-1999 гг.), В.В. Путин (1999-2008 гг.), Д.А. Медведев (2008-2012 гг.).

Текущая деятельность осуществляется секретарем Совбеза и его аппаратом. За 25 лет сменилось тринадцать секретарей Совета Безопасности. Это были как военные, так и гражданские лица, имеющие большой опыт работы на руководящих постах в государстве (генералы Е.И. Шапошников, А.И. Лебедь, Н.Н. Бордюжа; государственные деятели И.П. Рыбкин, С.Б. Иванов, И.С. Иванов, В.В. Путин (в качестве главы ФСБ России при Б.Н. Ельцине) и др.).

В состав Совета Безопасности входят как постоянные члены (глава Правительства, председатели Совета Федерации и Государственной Думы, министры обороны и иностранных дел, директор ФСБ и др.), так и непостоянные, которые могут включаться в состав Совета Безопасности и исключаться из него. Те и другие персонально назначаются Президентом РФ. Всего через этот орган прошли за время его существования в новой России 125 человек. По длительности нахождения в составе Совета Безопасности можно составить своеобразный рейтинг: нынешний министр обороны С.К. Шойгу является членом Совета Безопасности уже 23 года; Президент РФ В.В. Путин – 19 лет; специальный представитель Президента РФ С.Б. Иванов – 18 лет; секретарь Совбеза Н.П. Патрушев – 17 лет; губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко – 17 лет; полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе В.В. Устинов – 17 лет.

Аппарат Совета Безопасности является самостоятельным структурным подразделением Администрации Президента РФ и имеет в ней статус управления. В соответствии со штатным расписанием аппарата Совета Безопасности у секретаря Совбеза – шесть заместителей и четыре помощника, назначаемых на должность Указом Президента России.

В соответствии с задачами и функциями Совет Безопасности образует рабочие органы – постоянные межведомственные комиссии и научный совет. В настоящее время при Совете Безопасности РФ действуют семь межведомственных комиссий по различным вопросам: проблемам СНГ; военной безопасности; общественной безопасности; безопасности в экономической и социальной сфере; информационной безопасности; экологической безопасности; проблемам стратегического планирования.

Все эти комиссии осуществляют подготовку предложений и рекомендаций Совбезу по основным направлениям государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, способствуют координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ в деле обеспечения национальной безопасности.

Так, в межведомственную комиссию по военной безопасности входит 38 должностных лиц. Председателем ее является начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, первый заместитель министра обороны России. В составе комиссии – глава комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по обороне,

заместители министров иностранных дел, здравоохранения, образования и науки, промышленности и торговли, связи и массовых коммуникаций, финансов, экономического развития, заместитель министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, вице-президент РАН, заместители руководителей СВР, ФСБ, ФСВНГ, ФСО, ФСВТС, первый заместитель руководителя Главного военного следственного управления Следственного комитета, заместитель главного военного прокурора, руководитель Росрезерва и другие должностные лица.

Функции данной комиссии: анализ состояния и перспектив развития военно-политической и социально-экономической ситуации с позиций военной безопасности; подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности по вопросам стратегического планирования в военной сфере, организации обороны, формированию федерального бюджета в части, касающейся расходов на оборону страны и обеспечение безопасности государства; рассмотрение проектов нормативных правовых актов, направленных на обеспечение военной безопасности; анализ уровня социальной защиты военнослужащих, уволенных с военной службы, и членов их семей.

В свою очередь, научный совет при Совете Безопасности России образован в целях научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения его деятельности. Данный совет работает на общественных началах, председателем его по должности является секретарь Совета Безопасности. В состав совета включаются представители Российской Академии Наук, руководители других научных организаций, а также отдельные ученые и специалисты. Так, будучи президентом РАН, Ю.С. Осипов в течение 16 лет входил в состав Совета Безопасности.

На научный совет при Совете Безопасности возложено научно-методологическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Совета Безопасности; подготовка предложений и рекомендаций по проведению комплексных научных исследований в области обеспечения национальной безопасности; совершенствование методологии научного обоснования стратегии национальной безопасности государства; научно-методологическая оценка и прогнозирование внутренних и внешних угроз; проведение научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, концептуальных, доктринальных, аналитических и иных документов по вопросам обеспечения национальной безопасности; научное обоснование проектов решений в области национальной безопасности; проведение сравнительного анализа теории и практики обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежных странах.

Деятельность Совета Безопасности осуществляется в форме заседаний и совещаний. Заседания проводятся, как правило, один раз в квартал в соответствии с планами, утверждаемыми Президентом РФ по представлению секретаря Совета Безопасности, который осуществляет подготовку заседаний и проектов решений. Все решения принимаются постоянными членами Совбеза простым большинством голосов и вступают в силу после утверждения президентом. В целях реализации решений, могут издаваться указы, распоряжения и даваться

специальные поручения Президента РФ. Оперативные совещания с постоянными членами Совета Безопасности происходят практически каждую неделю.

К примеру, повестка дня заседания Совета Безопасности России 31 августа 2012 г. включала обсуждение мер, направленных на повышение эффективности работы оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации; 8 мая 2013 г. речь шла об обеспечении национальной безопасности России в связи с развитием ситуации в Афганистане и ее влиянием на стабильность в Центральной Азии; 22 апреля 2014 г. обсуждалась реализация государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности; 3 июля 2015 г. рассматривался комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности и национальных интересов России в условиях санкций со стороны ряда государств; 7 декабря 2016 г. был одобрен проект Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. и первоочередные меры по обеспечению национальных приоритетов в сфере экономики; 26 октября 2017 г. рассматривала комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности информационной инфраструктуры России.

Итак, круг вопросов, решаемых этим координационно-совещательным органом в последние несколько лет, довольно широк и многообразен. По понятным причинам информация об этом подается лаконично и скупо, поскольку деятельность такого органа, как Совет Безопасности, не может быть открытой, публичной и прозрачной.

Являясь конституционным совещательным органом, Совет Безопасности Российской Федерации, тем не менее не имеет реальной власти, а лишь готовит предложения для Президента РФ по различным аспектам обеспечения национальной безопасности. Именно в Совет Безопасности стекается вся информация, связанная с безопасностью государства, именно здесь за одним столом встречаются руководители всех силовых ведомств и государственных органов, от которых зависит наша национальная безопасность. Поскольку председателем за этим столом является Президент страны, пользующийся непререкаемым авторитетом, есть все основания думать, что здесь действительно происходит консолидация усилий и выработка единой, согласованной политики (чего мы не наблюдаем сегодня в политических кругах США и ряда европейских стран). Совет Безопасности России – это орган, способный в оперативном режиме реагировать на любую кризисную ситуацию, будь то внутри страны, у ее границ или в отдаленных точках мира. Успехи России в Сирии, в целом на Ближнем Востоке и в Азии свидетельствуют о том, что такая консолидация в Совете Безопасности России сегодня существует. Об эффективности ее можно судить по конечным результатам, таким, например, как фактическое уничтожение ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) на территории Сирийской Арабской республики. Решение об этом разрабатывалось и принималось Советом Безопасности.

Библиографический список

1. Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. (в ред. от 25 июля 2014 г.) URL: <http://base.garant.ru>

2. *Мельников В.И.* Совет Безопасности РФ в государственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 2011.

3. *Отмахова Н.Н.* Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2008. С. 120–121.

4. О безопасности: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 5 окт. 2015 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. *Павлов Д.Б.* Совет Безопасности России как основной субъект правового регулирования экономической безопасности // Экономика и право. XXI век. 2012. № 1. С. 25– 32.

6. *Белобородов В.А.* Совет Безопасности как структурная единица механизма государственной безопасности // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов. Пермь, 2014. С. 44–45.

7. *Пономаренко Я.А.* Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 11. С. 120–124.

8. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» (утратил силу): Закон СССР от 26 дек.1990 г. № 1861-I. URL: www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185464

9. О Президенте РСФСР (утратил силу): Закон РСФСР от 24 апр. 1991 г. № 1098-1. URL: <http://www.base.garant.ru/1548919>

10. О безопасности (утратил силу): Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I (с изм. и доп.). URL: www.ivo.garant.ru/#/document/10136200/paragraph/10973/doclist/0/selflink/0/context/

Роль управления сферой военной безопасности в современном государстве в условиях трансформации международной системы безопасности*

В современной системе международных отношений наиболее значимый геополитический вес имеют те державы, которые обладают на сегодня главным политическим аргументом – военной мощью. И этот факт уже бесполезно отрицать, учитывая еще и то обстоятельство, что сфера военной безопасности государства на данном этапе своего развития значительно расширила свой функционал, претерпев ряд институциональных и структурных изменений.

---

* Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Роль управления сферой военной безопасности в современном государстве в условиях трансформации международной системы безопасности // Управленческое консультирование. – 2017. – №3. – С.42-50.

Поэтому острая необходимость модернизации, а скорее даже внесения институциональных изменений в существующую классическую архитектуру международной и государственных систем безопасности, является актуальной и очевидной потребностью.

Проблематика вопросов обороны и безопасности вновь вышла на первые роли современной политической науки. В первую очередь это обусловлено сложившейся геополитической ситуацией и конфликтной наполненностью перспектив развития международной военно-политической обстановки. Мировое сообщество оказалось на грани перехода из фазы «холодного» и принципиального геополитического противостояния в фазу активных действий, последствиями которых может стать глобальный военный конфликт. Связано это с тем, что на наших глазах происходит столкновение и противостояние двух систем взглядов и геополитических тенденций: одна из них заключается в логичном эволюционном формировании новой архитектуры полиполюсной системы международной безопасности, а с другой стороны – продолжается целенаправленное и планомерное внедрение концепции однополюсного мира.

Парадигмой последней является безоговорочное доминирование единственного геополитического актора, субъективно решающего ключевые вопросы мировой политики путем военно-силовой и политической диктатуры, с отрицанием принятого международными правилами, правом и обычаями концепта равенства прав государств, народов и наций, и в нарушение общепринятого баланса национальных, государственных и общечеловеческих интересов и международных норм права.

Таким образом, эффективность и качество охвата всех вопросов, присутствующих в сфере обеспечения военной безопасности и обороноспособности государства, требует планомерной, научно обоснованной и поддерживаемой обществом концентрации усилий на формировании четко обозначенной и логически оправданной архитектуры системы военного строительства [2]. При этом необходимо понимать существующее концептуальное отличие интересов государства и потребностей и ценностей общества, поэтому даже такое классическое и широко употребляемое понятие, как «национальная безопасность», содержит в себе целый спектр и взаимно-пересекающихся, дополняющих и противодействующих начал и элементов: понятий военной, экономической, информационной и социальной безопасности.

В данном исследовании для нас представляет интерес проблематика именно военной безопасности, этот аспект считается нами наиболее приоритетным и концептуальным в научных исследованиях вопросов государственной обороны и безопасности. Все вышеперечисленное указывает на особую важность проблематики управления сферой военной безопасности, как довольно специфической функции государства, на которую возложена ответственность за эффективность управления всеми сферами жизнеобеспечения страны и общества.

Управление выступает как элемент, обладающий структурированным целенаправленным действием, определяющим главный целевой вектор развития системы. При этом происходит объективное обобщение и анализ значимых факторов и ограничений, влияющих на результативность достижения

поставленной цели. Поиск оптимальных методов решений является основополагающей задачей теории управления. В свою очередь, управление основывается на использовании информации, поэтому целиком и полностью зависит от качества, полноты, достоверности и своевременности поступления необходимого для принятия решений информационного материала.

Для эффективности формирования механизма управления сферой государственной безопасности следует разграничивать понятия «обороны государства» и «военной безопасности». Сфера военной безопасности государства представляет собой достаточно сложное и полиаспектное явление, так как включает в свой функционал, помимо военной сферы, политические, экономические, национальные и социально-гражданские плоскости жизнеобеспечения общества. Поэтому область военной безопасности можно считать сложной динамической системой.

Управление сферой военной безопасности является функциональной частью государственности, а следовательно, и решение вопросов военной безопасности является разновидностью государственного управления. И достигается это с помощью стратегического формирования общей концепции безопасности и обороноспособности страны, путем создания направляющих векторов, и обеспечения эффективного функционирования соответствующих механизмов и инструментов через рычаги высших уровней власти. В свою очередь, военное руководство отражает интересы государства.

Необходимо также понимать, что и современные войны, и войны будущего не поддаются определенной схеме, так как формируют опасность не столько масштабности и числа различных видов вызовов, сколько являются новым типом угрозы ввиду синергетического слияния вызовов классических (с их новыми модификациями) и внедрения более совершенных и креативных методов и инструментов вооруженного и информационно-политического противостояния [9]. Такая трансформация военно-политических концепций и систем международных отношений и безопасности вызвана опять же синергетическим эффектом инструментов геополитики (в частности, масштабного задействования методов теорий «управляемого хаоса» и «стратегического паралича»), с дополнительной разрушающей нагрузкой в виде опасности виртуализационного (кибер) информационно-психологического воздействия и применения методик «цветных революций» [1].

Управление в сфере военной безопасности представляет собой властно-распорядительную функцию государственных органов власти, осуществляемую путем координирования людей, занятых военной деятельностью. Это особая форма социального регулирования, которая обеспечивает формирование и развитие военной политики и организации государства, а также осуществляет целенаправленную деятельность, направленную на планомерное поддержание функционального режима ее деятельности.

Военная политика и принципы обеспечения военной безопасности сформулированы в Военной доктрине РФ⁸⁵, которая является производной Стратегии национальной безопасности⁸⁶, и в ней же обозначены механизмы взаимодействия субъекта и объекта в структуре военной политики России. Согласно Военной доктрине, субъектом военной политики государства определяются политические цели и формируются соответствующие средства воздействия военного и невоенного характера. Только обозначенная правильная постановка целей и задач при четком осознании возможных опасностей и угроз дает возможность осуществлять разумный баланс между поставленными целями и реальными возможностями их достижения. В противном случае произойдет дисбаланс и провал как в военной политике, так и через формирование системных проблем на уровне государственного управления.

На практическом уровне ярким примером активного формирования «щита» в виде эффективно действующей сферы безопасности, является создание Центра управления обороной государства, способного обеспечивать управление всеми структурными подразделениями военной организации в условиях мирного и военного времени. Национальный центр управления, состоящий из нескольких подцентров, обеспечивает интегрированное управление в вертикальной и горизонтальной плоскости. По вертикали центр обеспечивает управление через аналогичные центры в видах вооруженных сил и родах войск, вплоть до бригадного уровня включительно. На горизонтальном уровне осуществляется взаимодействие со всеми федеральными органами исполнительной власти, которые принимают участие в выполнении мероприятий по обороне и безопасности государства, включая и предприятия военно-промышленного комплекса и инженерно-технического обеспечения.

Отличительной особенностью сегодняшней системы управления военной сферой является возможность получать всю необходимую тактическую и оперативную информацию в режиме реального времени. Центром и его подцентрами осуществляется не только онлайн-мониторинг обстановки, но и параллельно формируется прогноз развития, основанный на различных формах моделирования, с целью формулирования предложений руководству для принятия решений на тактическом, оперативно-стратегическом или стратегическом уровнях. Таким образом, отпадает необходимость дополнительного или уточняющего сбора информации, так как предложения по урегулированию ситуации уже созданы в режиме реального времени по факту получения информации. Следует заметить, что функциональная деятельность центра заключается не в управлении в прямом понимании этого слова, и даже не в контроле за ситуацией, а в синхронизации процессов и аналитическом переосмыслении информации.

---

⁸⁵ Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 25.12.2014 № Пр-2976). Режим доступа:

<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=172989&rnd=22447>

⁸⁶ Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31.12.2015. Режим доступа: [http://](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.49469888223725844)

www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=191669&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.49469888223725844

В государстве военную деятельность осуществляют лица, функционально и организационно представляющие его военную организацию. При этом военное управление затрагивает политическую, экономическую, организационно-технологическую, правовую, педагогическую и прочие сферы, так как военную деятельность не следует сводить только к функции применения военного насилия. Поэтому логичным и последовательным является тезис о том, что «международному сообществу необходимы сегодня не только стабильность, порядок и консенсус, но и инициативная, творческая, самостоятельная личность, владеющая информацией и политико-управленческими навыками. Именно от таких личностей (как лидеров, так и исполнителей) зависят формирование, воспроизводство и трансформация международных отношений, международной и национальной безопасности» [4].

Объекты военного управления включают в себя сферу обороны и военной организации государства. В связи с этим процессы разработки и осуществления решений в сфере управления военной безопасностью являются результирующей основой равноправного диалога политического, гражданского и военного сегмента в государстве.

К области военного управления относятся: властные функциональные полномочия органов и структур военного управления на территориях, где осуществляются военные действия или было объявлено военное положение; меры властно-распорядительного характера военной администрации в отношении вопросов мобилизационной работы, гражданской обороны, допризывной и военно-учебной подготовки молодежи и т.п.; административно-функциональная деятельность войск на оккупированной территории (в соответствии с Гаагской конвенцией 1907 г.). Таким образом, управление военной сферой является формой государственного управления структурами, осуществляющими военную деятельность, и имеет две основные формы:

Уровень 1 – военная политика. Данный вид управления заключается в определении возможностей и границ возможности применения различных форм насилия для достижения политических целей, разработке и осуществлении планов применения Вооруженных сил, создании и координации формирований сферы военной безопасности, территориальной и гражданской обороны, переводе и мониторинге деятельности органов власти и экономики государства в период военного времени, осуществлении деятельности, связанной с накоплением и формированием материальных ценностей государственного и мобилизационного резерва РФ, контроле прочих оборонных программ.

Уровень 2 – управление войсками. Этот вид управления состоит в деятельности командного состава всех органов управления, поддержании постоянной боевой готовности военных сил, подготовке боевых действий и непосредственном руководстве войсками в ходе выполнения поставленных задач, с учетом всех мероприятий по организационному и материально-техническому обеспечению в мирный период.

В связи с вышеперечисленным управление военной безопасностью представляет собой деятельность, направленную на пресечение возможности войны и тем самым обосновывает необходимость самого существования армии.

Однако следует принимать во внимание, что сама сущность войны и ее инструментарий в виде армии носит в себе политическую суть, а следовательно, и военное управление содержит некую долю политического характера. Не следует забывать, что механизм обеспечения военной безопасности государства – это не только ресурсное и техническое обеспечение современной армии. Но и совокупность властной, управленческой и координационной деятельности, направленной на превенцию и элиминацию внешних и внутренних военных опасностей и угроз, на выявление (изучение), прогнозирование, предотвращение, нейтрализацию, а в крайних случаях и пресечение, отражение, устранение или уничтожение военных опасностей и угроз [6, с. 152–153].

Следует также понимать всю сложность и важность ответственности, которая сегодня легла на структуры власти России. Ведь именно в ситуации геополитической, внутрисубсидарственной и социально-гражданской точки бифуркации «доверие, основанное на харизме, привносит в восприятие власти такие дивиденды, которые она порой не получает даже в ходе многолетней кропотливой эффективной работы» [8]. И поэтому эти дивиденды необходимо максимально точно, оперативно, своевременно и эффективно использовать.

Специфика сегодняшней геополитической ситуации состоит в том, что, несмотря на разносторонние и разноформатные заявления о стремлении к миру, как раз о мирном согласовании международного противостояния никто и не помышляет, кроме России. Связано это, прежде всего, с острым нежеланием Запада уступить свое монопольное положение на геополитической арене, с кризисом капиталистической экономической системы и накопившимся обострением цивилизационного противостояния между Западом и Востоком.

Сегодняшний геополитический кризис имеет не один, и не два, и даже не три корня проблемы. Создалась такая точка бифуркации, когда никто из акторов не хочет и не собирается уступать свои позиции, поэтому любая договоренность между участниками геополитической арены носит сугубо промежуточный характер, без всякого стремления и обязанностей, планов урегулирования эскалационного международного конфликта. В некоторых случаях ситуация брошена на произвол (как в случае с Югославией, Ливией, Украиной), в некоторых случаях идет открытое принципиальное противостояние (как в случае с Сирией и Турцией). Ни один из западных партнеров не хочет на себя принимать ответственность за значимые геополитические решения (имеется в виду альянс ЕС-США и отстранение от политического кризиса Великобритании). Влияет на это принципиальная позиция РФ в отношении недопущения диктаторского однополярного мира и гегемонии отдельно взятого государства, а также попытки России начать диалог на международной арене относительно существующей системы мировой безопасности.

Понимание этого аспекта США и присутствие роста влияния интересов Китая, балансирующего на стыке векторов перспективы завоевания первенства в международных и геоэкономических отношениях и потенциального втягивания в региональную войну внешними акторами (с диапазоном от Северной Кореи и России до Тайваня и Японии), создало четко обозначенную предвоенную ситуацию, когда вопрос состоит только в том, кто начнет открытую активную

конфронтацию первым, и кто будет в какой коалиции. Ситуация напоминает 1939 г., когда вопрос войны был предreshен, тоже из-за тупиковости накопившихся геополитических вопросов и принципиальных неуступчивых позиций всех значимых акторов, и внутренняя задача всех государств состояла только в том, чтобы определиться: в каком альянсе участвовать и на каком этапе вступить в войну.

Следует также понимать, что образовавшийся кризис, как в геополитике, так и в геоэкономике, носит структурный характер. На сегодня мировая экономика и политика не только неразрывно связаны, но представляют собой единое целое. Экономика США вошла в зону турбулентности, а из-за глобализационной архитектуры, взаимосвязанность и преобладание в политической и в экономической сферах американского вектора интересов грозит вариантом «обнуления» геоэкономических и геополитических правил игры на поле международных отношений с целью введения «программы безответственности» за происходящий коллапс и хаос международных систем и структур.

В этой связи необходимо отдельно отметить, что большинство исторических фактов свидетельствует о том, что данная хаотизация носит не случайный, а планомерный характер, и конечной целью выступает перезагрузка общепринятых правил международных, и в целом цивилизационных отношений на условиях победителя. Здесь напрашивается логический вывод – международное сообщество практически планомерно идет (или целенаправленно ведется) к точке бифуркации, которую, используя геополитические механизмы, будет потенциально пытаться разрешить с помощью очередной мировой войны.

Следует учитывать, что на современном этапе развития цивилизации изменилась сама сущность войны, «она сегодня не выражается в явном противостоянии, а противники напрямую не сражаются друг с другом и не взаимодействуют (концепция бесконтактной войны). Вооруженные силы в современных условиях считаются лишь одним из элементов системы обеспечения национальной безопасности, а достижение политических и других целей государства на международной арене может быть достигнуто только при комплексном, синергетическом применении всех составляющих национальной мощи, т.е. политических, дипломатических, экономических, информационно-психологических и собственных военных мер» [5].

В ситуации, когда никто из геополитических акторов не готов идти на уступки, когда возникает сразу несколько структурных и институциональных кризисов (от геополитических до социальных и духовных сфер), при сопутствии ряда объективных кризисов и опасностей в области ресурсов и экологии, война видится довольно предметным явлением и инструментом, способным осуществить перезагрузку мировых систем как в области международных отношений, геополитики, геоэкономики, так и в целом изменить мышление, цели и понятия современного социума.

В этой связи необходима четкая концентрация на вопросах собственной, национальной, государственной и общественной безопасности, так как предыдущая версия международных отношений, правил и права перестала действовать и находится в режиме турбулентности. Данное обстоятельство

говорит о том, что в условиях, когда существует фактическая коалиция Запада в активном противостоянии миротворческим усилиям и предложениям России, Российская Федерация должна выстраивать аргументированный и эффективный силовой противовес в виде сильной оборонной системы и современно структурированной и оснащенной армии и средств иного противодействия, включая информационную и экономические сферы.

Монополярная система международных отношений и мировой безопасности породила существенную эскалацию всевозможных политических и вооруженных конфликтов, цепь региональных затяжных войн и государственных переворотов. И весь этот процесс произошел в относительно сжатые сроки – за 25 лет существования без такого геополитического актора, как СССР. Таким образом, можно констатировать, что идея однополярности не срабатывает как эффективный стабилизатор международной безопасности. Любые, так называемые миротворческие или «усмиряющие» акции, приводят к войне в регионах, где они применяются (яркие примеры – Ирак, Ливия, Афганистан). Поэтому следует четко обозначить тот тезис, что мировая геополитическая архитектура и система международной безопасности находятся на этапе полной перезагрузки с переходом к системе полиполярных отношений, которые будут формироваться сразу между несколькими полюсами. Предположительно ими выступят США, некоторые страны ЕС, Россия, КНР и одна (или союз) из стран Востока (например, Иран или Турция).

Связано это с тем, что помимо геополитического конфликта интересов одновременно происходит и обострение цивилизационного противостояния Востока и Запада, что и будет формировать векторы новой архитектуры международных отношений и системы мировой безопасности. Опасность указанных процессов состоит в том, что шаткое относительно мирное состояние сегодняшней системы международных отношений может из-за нахождения в точке бифуркации моментально перейти в состояние войны «всех против всех», так как пока довольно неопределенной является позиция США относительно того, что данной державе необходимо будет смириться с утратой позиции мирового геополитического, геоэкономического и военного гегемона. Если указанный геополитический актор и дальше будет вести оппозиционную политику относительно реформирования существующей системы международных отношений и отказываться передавать часть своих монополизированных политических и экономических функций международным надструктурам, то результат видится один – цепь локальных и региональных войн и конфликтов выльется в одну масштабную общемировую войну.

На фоне происходящего России необходимо резко активизировать усилия по формированию и модернизации всех систем управления, от государственной до оборонной сферы, выстраивая фундамент для будущего участия в обновленной архитектуре геополитических отношений и вновь выстроенной системе международной безопасности. Ведь в этих системах у России однозначно будет роль одного из балансирующих звеньев этих систем, что обусловлено, прежде всего, буферным расположением между цивилизациями Востока и Запада. И при этом и дальше следовать своей концепции миротворчества, через наращивание

своего геополитического потенциала и продолжение политики проведения конструктивных диалогов с международными партнерами относительно проблематики обновления структуры системы международной безопасности.

Само понятие концепции военной безопасности сегодня стало гораздо шире, за счет изменения самой сущности современной войны и необходимости применения активных видов действий на геополитическом пространстве в форме превентивных мер или контрмер, а также при выполнении союзнических межгосударственных договоренностей. В этом контексте следует учитывать аспект, озвученный профессором И.В. Радиковым: «Могут реализовываться две стратегии обеспечения безопасности: а) стратегия защиты (отрицание отрицания, отрицание опасностей), при которой основание деятельности составляет обнаружение опасностей и их отрицание...; б) стратегия утверждения, укрепления безопасности, основывающаяся на самоутверждении природы самого объекта» [7]. В современной геополитической обстановке более приемлема, на наш взгляд, стратегия № 2, так как Россия сейчас находится и по субъективным, и по объективным причинам на стадии именно самоутверждения себя как обновленного государства после структурного и институционального государственного, политического и социального кризиса 1990-х годов.

Итак, в современных геополитических условиях открытое противостояние осуществляется не только в форме вооруженной борьбы, но и нелетальными, полувоевыми и невоенными (гражданскими) методами борьбы и способами управления данной борьбой. Таким образом, возникла необходимость в формировании более современной системы управления в сфере военной безопасности, способной значительно и всесторонне расширить уровень возможностей в предвидении, осмыслении и эффективном разрешении задач формирования и функциональной деятельности в сфере военной и национальной безопасности.

Следует подчеркнуть, что функция военного управления как раз и заключается в осуществлении реалистической оценки стратегической, тактической и оперативной геополитической общемировой ситуации, прогнозировании возможных тенденций ее развития и определении места и роли вооруженных сил в этой обстановке, учитывая все аспекты внутренней и внешней политики государства. Также необходимо учитывать тенденции развития военного дела в мире с целью адекватного и полноценного реагирования на посылы действий в военной сфере других стран, для эффективного обеспечения собственной военной безопасности.

Вместе с этим следует учитывать, что управленческая деятельность в сфере военной безопасности реализуется посредством легитимного права и пребывает под контролем специальной правовой отрасли – военного права. В этой связи из существующих на сегодня проблемных вопросов управления в сфере военной безопасности государства можно перечислить следующие:

– процесс институционализации централизованной системы государственного управления пребывает в высокой степени зависимости от активного формирования достаточной базы человеческого капитала в виде профессионального экспертного научного сообщества, необходимого для

эффективного прогнозирования и разработки механизмов и инструментов для парирования современных внешних военных и внутренних угроз национальной безопасности;

– для эффективного обеспечения военной безопасности существует необходимость по ее обеспечению не только на национальном уровне, но и в плоскости международного сотрудничества и сотрудничества на уровне государств-участников договора о коллективной безопасности. И связано это в значительной степени с тем аспектом, что геополитическая позиция России и ее оборонно-промышленный комплекс могут выступить базой для формирования и развития прочного сотрудничества в военной, научной и военно-технической сфере для большинства стран, не сотрудничающих с блоком НАТО.

Библиографический список

1. Бузин Н.Е. «Гибридная» война: новый феномен военной науки или очередной информационно-политический фантом // Наука и военная безопасность. 2015. № 3. С. 2-6.

2. Дамаскин О.В. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и проблемы ее нормативного правового обеспечения // Современное право. 2016. № 4. С. 119-124.

3. Ермишян А.Г. Базис теории военного управления // Вестник Академии военных наук. 2003. № 1 (2). С. 70-71.

4. Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5-11.

5. Радиков И.В. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1 (55). С. 150-153.

6. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. СПб., 2000.

7. Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64-82.

8. Радиков И.В. Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 4. С. 130-134.

9. Хоффман Ф. Гибридная война и ее вызовы // Мировойна. Все против всех. Новейшая концепция боевых действий англосаксов / сост., введение, заключение: Е. С. Ларина, В. С. Овчинников. М.: Книжный мир, 2015. С. 182-190.

Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности*

В современную эпоху подверглось существенным переменам само понятие «средства массовой информации», которые в XX столетии вследствие возросшего влияния на массовое сознание и сами общественные процессы все чаще стали именоваться «четвертой властью». Действительно, если понимать под властью «способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии» [1, с. 49], становится понятным правомерность такого сравнения. И влияние этой власти как на массовое сознание, так и на индивидуальную психологию не всегда было положительным, но носило зачастую сугубо деструктивный характер.

Во вновь принятой Стратегии национальной безопасности констатируется: «Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [2].

Поэтому исследование различных аспектов влияния информационной политики на военную безопасность нашей страны представляется весьма актуальным. В этой статье мы определим наиболее общие, основные связи между информационной политикой России и уровнем военной безопасности нашей страны на теоретико-методологическом уровне. На наш взгляд, взаимосвязь такого рода можно и нужно рассматривать, учитывая многообразие форм общественного сознания: право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Некоторые исследователи к формам общественного сознания относят и философию [3, с.327]. Политическая философия – важнейшая часть социальной философии и на своем предметном уровне она во многом совпадает с теоретической политологией.

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности отражается на всех формах общественного сознания напрямую или опосредованно. Это влияние зависит от целого комплекса причин, среди которых важнейшими являются сами исторические условия, сама историческая эпоха. Историческая эпоха воздействует на формы общественного сознания, но и формы общественного сознания формируют облик исторической эпохи. Здесь наблюдается активнейшее взаимное диалектическое воздействие. Сама политика в предельно широком ее понимании является формой общественного сознания и оказывает влияние на существование и динамику других модификаций общественного сознания. Формы общественного сознания можно понимать как

---

* Ковалев А.А. Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №1. – С.158-166.

духовные сферы, на которые оказывает первостепенное воздействие экономика, определенный тип хозяйственных отношений, существующих в обществе.

Экономика в марксизме, который долгое время признавался в нашей стране в качестве светской религии, рассматривается как базис любого общества, воздействующий на все формы общественного сознания. В этом утверждении есть рациональное зерно, но следует учитывать и влияние самих надстроечных сфер на базис. Порой средствами политики, входящей с точки зрения марксизма в область надстроечных явлений, оказывается существенное воздействие на экономику общества, что приводит к печальным последствиям. Например, политика горбачевской «перестройки» привела к разрушению и уничтожению социалистической плановой экономики великого государства и к его гибели. Поэтому бездумно следовать по пути марксистского экономического детерминизма не следует, но и нецелесообразно забывать о ведущей роли экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны.

Экономика была, есть и будет. Она исчезнет лишь тогда, когда вымрет человечество. Но любая экономика – слепок общества. И кризис отечественной экономики невозможно рассматривать вне структурного кризиса российского общества, являющегося частью мирового экономического кризиса, который поразил планету осенью 2008 года и развивается и ныне. Но вызревал этот кризис гораздо раньше. Кризис экономики напрямую связан с кризисом науки, политики, морали и других форм общественного сознания.

Глобализация по-американски нацелена на то, чтобы в третье тысячелетие Россия вступила в качестве бесправной резервации, чье население обречено на уничтожение. Лишь в последнее время Россия начала политику активного противостояния негативному воздействию глобализации, в том числе и в сфере укрепления военной безопасности. Но сам процесс укрепления военной мощи страны сталкивается со значительными экономическими трудностями.

Распад Советского Союза оказал крайне негативное влияние на экономику бывших союзных республик, в том числе и на экономику России как правопреемницы Советского Союза. Разумеется, обречено было российское рентабельное предприятие, которое производило комплектующие для приборов и автоматов, которые собирались в Вильнюсе или Риге. В целом, экономическая политика 90-х годов была неудачной и антипатриотичной. Хотя невиданные ранее темпы инфляции снизились после развала СССР, роста инвестиций не произошло. Процесс модернизации экономики не был начат. В особо тяжелом положении оказалась военная промышленность, от которой напрямую зависит безопасность страны. Само государство, осуществляя весьма сомнительные методы противодействия инфляции, стало крупнейшим нарушителем финансовых обязательств.

Сейчас современная экономика России вынуждена расплачиваться за ошибки прошлых лет. На военную безопасность влияет уровень развития экономики в целом, всех ее отраслей, в том числе и процессы, происходящие в едином экономическом пространстве. И здесь велика роль грамотной информационной политики, которая призвана освещать и подчеркивать имеющие место

позитивные изменения и достижения. Значительную роль сыграл Указ Президента РФ от 10.09.2014 за номером 627 «О военно-промышленной комиссии Российской Федерации. Трудно переоценить положительное значение специальных журналов и других средств массовой информации, например, периодического издания «Оборона России».

По аргументированному мнению заместителя руководителя Центра сравнительных политических и экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН Л.А. Гордона, за годы осуществления рыночных реформ 1990-х годов реальные доходы населения России снизились более чем в два раза до показателей 60-70-х годов. Одновременно произошло ухудшение большинства показателей уровня и качества жизни [4].

Реальные доходы населения в ушедшем 2015 году снизились на 9 процентов. «ВТБ Капитал» приводит данные, что граждане России расходуют 50-55 % семейного бюджета на покупку продуктов. По данным Росстата, в октябре 2015 года реальная зарплата среднего россиянина сократилась на 10,9%.

Российское общество разобщено до крайности, а расслоение населения по доходам достигло своего предела. Среднего класса, похожего с тем, что есть на Западе, в нашей стране так и не сложилось. Представители высших слоев общества, то есть сверхбогатые, процветают, а большинство населения еле-еле сводит концы с концами. Возникает опасность, что люди перестанут быть единым народом в социальном смысле. Народ распадается, теряя способность противостоять дезинтегрирующим его силам. Русский народ начинает деградировать биологически, то есть сокращаться численно, утрачивать физическое и духовное здоровье. Таковы страшные реалии новой эпохи глобализации по-американски.

В период глобального структурного кризиса и противостояния цивилизаций информационная политика России должна быть направлена на укрепление стабильности внутри страны, а на внешнеполитическом уровне такая политика неизбежно будет принимать характерные черты информационной или идеологической войны. И все недостатки, просчеты и ошибки в экономической политике России будут лишь очередным козырем в руках врагов и противников нашей страны.

Поэтому в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подписанной Президентом 31 декабря 2015 года, следующие экономические факторы названы в числе основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности: валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы. Напрямую с этими экономическими показателями связан и важнейший, на наш взгляд, показатель состояния национальной, в том числе и военной, безопасности - удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств.

А такого рода удовлетворенность зависит не только от развития экономики, но и от грамотной информационной политики. Стоит отметить, что несмотря на существенные экономические трудности, которые переживает ныне наша страна, в стране наблюдается невиданный ранее уровень поддержки В.В. Путина. Как сообщает Левада-Центр, в феврале 2015 г. уровень поддержки деятельности В.В. Путина на посту президента Российской Федерации достиг 86 % [5]. По данным ВЦИОМ, опубликованным в октябре 2015 г., рейтинг одобрения работы Владимира Путина составил 89,9%. Эти высокие показатели объясняются активной патриотической политикой Путина на внешней арене, прежде всего его четкой и бескомпромиссной позицией по наиболее существенным вопросам, касающимся национальной безопасности и престижа России. Поэтому огромна роль патриотически ориентированной информационной и идеологической политики.

Становление и развитие патриотизма как залога военной безопасности – одна из задач современной информационной политики. Патриотическое сознание как форма идеологии является важнейшей частью духовной сферы социального бытия. Такое сознание выступает залогом государственной устойчивости и военной мощи.

Грамотная современная информационная политика должна формировать патриотизм как у взрослых людей (а это неизмеримо трудно), так и прежде всего у подрастающего поколения. Именно всеобъемлющее противостояние внутренней угрозе бездуховности должно стать главной целью информационной политики России на современном этапе.

На взгляд автора, для народов России и в первую очередь русских как государствообразующего этноса основной причиной экономического кризиса, неизбежно повлекшего за собой демографический коллапс, являются духовные и информационные факторы. Отсюда ныне со всей возможной остротой встает вопрос о выработке принципов формирования и механизмов реализации патриотической государственной информационной политики, одной из функций которой будет снижение негативного информационного воздействия на психику отдельного человека и духовное здоровье общества в целом.

Здесь мы напрямую выходим на проблемы морали как важнейшей формы общественного сознания, которая влияет на взаимосвязь информационной политики России и военной безопасности страны. Любая реальная политика должна пройти между Сциллой максимы Макиавелли о том, что цель оправдывает средства и Харибдой афоризма Джорджа Герберта, согласно которому благими намерениями вымощена дорога в ад.

Моральное сознание связано с ценностями – как индивидуальными, так и коллективными. Этика тесно связана с аксиологией, влияние их друг на друга обоюдное. Мощь российского государства, его военная безопасность являются величайшей моральной ценностью как для общественного сознания, так и для индивидуального сознания каждого патриотически настроенного гражданина.

Любая информационная политика – смесь правды, полуправды и откровенной лжи. Но благая цель – военная безопасность государства – оправдывает возможную неправду в информационной политике российского государства и

делает вопрос о моральной составляющей весьма и весьма аморфным. Недаром великий политик Уинстон Черчилль однажды сказал: «В военное время правда так драгоценна, что она всегда должна быть защищена ложью» [6, p.457].

Мораль оперирует понятиями «совесть», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость». Разумеется, понимание этих важнейших понятий разнится в зависимости от культурной и цивилизационной принадлежности политика, оперирующего этими терминами. Тем более, мораль сама по себе – понятие историческое. То, что было аморальным в одну историческую эпоху, становится вполне допустимым в другую. Именно в последние годы делается многое для патриотического воспитания молодежи. Причем на вооружение берется то лучшее из опыта духовного и нравственного развития, что было накоплено в Советском Союзе, хотя и опровергается марксистский тезис о классовом характере морали и всячески подчеркивается ее общечеловеческий характер.

Мораль как форма общественного сознания тесно связана с правом, но право, как известно, носит – в отличие от морали – обязательный и принудительный характер. Информационная политика регулируется соответствующими правовыми актами, скажем, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На сегодняшний день их недостаточно, они не совершенны и требуют корректировки. Но право как форма общественного сознания оказывает влияние на степень и качество взаимосвязи информационной политики и военной безопасности.

Право возникает вместе с государством, когда лишь моральных норм и принципов становится недостаточно для регулирования общественных отношений. Право призвано уравнивать людей перед законом, поэтому оно тесно связано с такими явлениями, как свобода, ответственность, демократия. Свободно действующий индивид должен ощущать правовую ответственность за свои действия, в том числе и при осуществлении информационной политики. Тем более велика правовая ответственность за преступное обращение с информацией, в том числе и недоброкачественную информационную политику, связанную с военной безопасностью государства, находящегося в состоянии цивилизационного противостояния с другими государствами. Предельно опасным поступком, наносящим вред военной безопасности государства и наказываемый уголовным законодательством России, является государственная измена (статья 275 УК РФ).

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности проявляется и в такой форме общественного сознания, как религия. Порой в ушедшем столетии казалось, что религия как одна из форм мировоззрения и способ мировидения окончательно уходит в прошлое. Зачастую полагали, что религиозные войны и все связанное с ними многообразие страстей канули в архивы европейской и мировой истории. Но история делала новый виток, и то, что казалось навсегда канувшим в лету, вновь становилось актуальным и обретало все новые социальные грани.

Ныне становится все более ясным, что религия – одна из важнейших форм постижения мира и укрепления людской солидарности на основе почитаемых

ими неких высших смыслов, относящихся к универсуму, индивиду, совершенствованию общества и самой жизни. Великий Гегель был теологом по образованию, как и все представители немецкой классической философии. Он прекрасно писал, что религия «есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира», а все народы в ней «всегда видели свое достоинство и праздник своей жизни» [7].

Христианство и ислам, иудаизм и буддизм – отнюдь не только явления минувшего, эти религии принадлежат современности и накрепко впаяны в социокультурную реальность, которой ныне живет планета. Может быть, в большей степени это касается именно ислама, который за прошедшие 13 столетий своего существования не только давно уже стал поистине мировой религией, но и превратился на рубеже второго и третьего тысячелетий в один из определяющих факторов жизни всей человеческой цивилизации. И России при проведении своей информационной политики, направленной на обеспечение военной безопасности, приходится учитывать это обстоятельство, ибо ислам для России – не только внешний, но и внутренний цивилизационный фактор.

Следует особо подчеркнуть, что православная церковь может послужить государству в деле формирования патриотизма, приняв действенное участие в этой составляющей информационной политики, направленной на обеспечении военной безопасности страны.

Военная безопасность страны напрямую зависит от науки и уровня научных разработок в оборонных отраслях. Наука как форма общественного сознания генетически связана со знанием и информацией. Саму науку можно оценивать как систематизированное и теоретически оформленное знание о природной и социальной реальности, которая окружает человека. С самого начала эпохи Нового времени наука становится активно действующей силой, преобразующей социальную реальность и оказывающей существенное воздействие на политику. Это воздействие всемерно усилилось в XX столетии и приобрело колоссальные формы в современную эпоху противостояния цивилизаций. Это нашло отражение в концепциях информационного и постиндустриального обществ.

Важнейшей отраслью современного научного знания являются разнообразные военные науки – как теоретической, так и практической направленности. В целом, в отечественной науке до сих пор не удалось преодолеть печальное явление «утечки мозгов», которое началось после уничтожения Советского Союза, и продолжается по сей день. Этот процесс представляет собой весомую угрозу военной безопасности России. К ученым нерусских национальностей бессмысленно взывать патриотическими лозунгами, ибо они понимают лишь универсальный и космополитический язык денег. И судить их за это трудно, ибо лишь русские люди готовы жить ради идеалов и умирать за них. Поэтому талантливым людям, которые были готовы работать на благо России ради денег, нужно было создать надлежащие условия. Этого не было сделано, поэтому те отрасли отечественной науки, которые имеют непосредственный выход на оборонную промышленность, понесли существенные потери.

Большинство физиков, уехавших из России, ныне активно работают в оборонной промышленности и в сфере высоких технологий Западного мира.

Такие ученые живут согласно старой римской пословице *Ubi bene, ibi patria*. В 1992 году в России трудились 804 тысяч ученых, а в 2006 году их было уже 39,9 тысяч человек [8]. После уничтожения Советского Союза Россию покинули примерно 60 % математиков, 50 % физиков и биологов [8]. Это очень печальная статистика, ибо ум и таланты этих людей могут быть направлены против нашей Родины.

Надежда – на молодое поколение, которому, разумеется, нужно создать условия для самореализации. Но по данным опросов, только 56 % экономически активных россиян предпочли бы, чтобы их дети имели гражданство РФ. Если в 1953 году Россия по интеллектуальному потенциалу молодежи занимала третье место в мире, то сейчас наша страна по этому показателю находится на сороковом месте [9, p.175]. На царскую Россию в 1900-1914 гг. пришлось 7.7% мировых научных открытий. В СССР эта доля составляла 13,9 %. В РФ составляет 4.4% [9, p. 178]. Эта статистика свидетельствует о том, что промедление в принятии мер по повышению уровня жизни отечественных ученых и по привлечению в нее свежих сил – смерти подобно.

Логически выстраивается цепочка: грамотная информационная политика призвана привлекать в науку все большее количество талантливой молодежи, а достижения науки, в том числе и оборонной, должны более интенсивно использоваться в целях достижения высокого уровня военной безопасности. В Стратегии национальной безопасности отмечено: «Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы» [2].

Впрочем, за последние годы были достигнуты значительные положительные результаты. Американская газета *The New York Times* констатирует: «Россия усилила свои вооруженные силы и утвердилась на мировой арене с такой энергичностью, которой мы не наблюдали со времен холодной войны. Именно это увеличило напряженность в ее отношениях с Западом» [10]. В этом же номере отмечается, что для восстановления своего лидирующего влияния в мире Россия возобновляет использование имеющихся военных баз и возводит новые базы в Арктике, используя последние достижения науки. Ведь в северном регионе из-за таяния льдов в ближайшее время станут доступными для разработки новые природные ресурсы, а также будут проложены дополнительные судоходные пути.

Одним из приоритетов России на долгосрочную перспективу является «закрепление за ней статуса одной из лидирующих мировых держав». Об этом говорится в новой Стратегии национальной безопасности РФ, текст которой был опубликован 31 декабря 2015 г., на официальном портале правовой информации. Без использования последних достижений науки и практической реализации их во всех сферах экономики, в том числе и в военной промышленности, эта задача представляется утопичной. Именно развитая наука в современную эпоху противостояния цивилизаций будет одним из критериев мощи государства.

Искусство как форма общественного сознания напрямую связано с политикой в целом и с информационной политикой в частности. Искусство – отражение действительности в форме художественных образов, которые воплощаются в

конкретных произведениях. Искусство воздействует на жизнь, как и жизнь на искусство. Искусство продуцирует смыслы, наполненные определенным ценностным, этическим и эстетическим содержанием. Если в произведениях искусства будет воспеваться бездуховность, жестокость, насилие и будут всячески превозноситься и культивироваться ценности западной цивилизации, то этим будет нанесена существенная угроза военной безопасности нашей страны. В футболках со звездно-полосатым флагом на груди и под разнузданную музыку американского джаза российская молодежь не пойдет защищать свою страну. И здесь важна роль информационной политики, которая будет пропагандировать традиционные русские ценности, проверенные веками русской истории – как мирной, так и ратной.

Именно «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] названо в качестве одной из основной угроз государственной и общественной безопасности России. Такое разрушение возможно вследствие бездумного потребления продуктов чужеродного, космополитичного, русофобского искусства. Искусство должно воспитывать патриотов, лишь тогда дело военной безопасности страны будет находиться в надежных руках. Из всех искусств наиболее синтетическим является кино. Видимо, это хорошо понимал В.И. Ленин, когда объявил именно кино «важнейшим из искусств» [11, с. 579].

Кинематограф – мощное средство информационной политики, в своих лучших творениях приближающееся к высокому искусству. В годы Советской власти были созданы шедевры, воспитывавшие молодежь в духе патриотизма. Достаточно лишь вспомнить эпопею Юрия Озерова «Освобождение», «Битва за Москву» и «Сталинград», прекрасный фильм Владимира Рогового «Офицеры», великий сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Отрадно наблюдать, что в последние годы российское искусство не оставляет без внимания патриотическую тему, в том числе и кинематограф. На экраны страны вышли такие фильмы, как эпопея Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2» и фильм Федора Бондарчука «Сталинград». Такие информационно насыщенные и остросюжетные фильмы способствуют воспитанию любви к Родине и гражданских чувств.

В современной России неясна роль идеологии, которую можно понимать и как политическое сознание. В целом, любая идеология – это система идей, выражающая в систематизированной форме важнейшие жизненные интересы определенной группы людей в социуме или же всего социума в целом. Считается, что сам термин ввел в 1801 году француз Дестют де Траси [12, с. 45], и этот термин долгое время использовался для обозначения науки о появлении и развитии идей. Позднее он приобрел негативный смысл, и уже Наполеон всячески ругал критикующих все и вся «идеологов», противопоставляя их людям дела и подлинным патриотам страны [13, с. 234]. Это противопоставление схоже с разницей между интеллектуалами, приносящими реальную пользу своей стране, и интеллигенцией, настроенной исключительно деструктивно.

Даже Маркс и Энгельс оценивали идеологию как «ложное сознание», присущее всем учениям, отличающимся от их теоретических разработок. Но Маркс подчеркивал связь идеологии с реальными общественными

обстоятельствами и конкретикой социального бытия: «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [14, с. 19].

И лишь впоследствии, после работ А.А. Богданова [15] и В.И. Ленина [16], идеология стала пониматься как система идей, направленных на организацию масс. Ленин понимал идеологию как духовно-теоретическое оружие класса. Он писал: «...вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)» [16, с.39].

Идеология не может быть научной, ибо нельзя говорить об истинной идеологии так же, как говорят об истине в науке, подразумевая под истиной соответствие наших знаний об окружающей действительности самой этой действительности. Видимо, идеологию целесообразно понимать как вид ценностного сознания, включающий в себя комплекс значимых политических, экономических, нравственных, правовых идей. Здесь идеология может быть соотнесена с понятием национальной идеи.

Национальная идея России при президенте Б.Н.Ельцине так и не была выработана, хотя первый гарант Конституции неоднократно давал такого рода поручения и даже ставил конкретные сроки – от месяца до года. Президент Путин часто отмечал, что национальная идея не появится, если государство не станет над этим активно работать. Именно это происходило в 90-е годы. Это было выгодно той части национальной элиты, которая, по словам В.В. Путина, «предпочитала воровать» [17].

Путин часто отмечал, что Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. Отвечая на вопрос российского журнала «VIP-Premier» о национальной идее, он назвал в качестве таковой сбережение народа. Приведем знаковую цитату: «Мне очень часто задают этот вопрос, и я позволю себе повториться и процитировать Александра Солженицына, который однажды назвал нашей национальной идеей "сбережение народа". В этой фразе, собственно, и заключена главная цель современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни» [18].

По мнению Президента, современной России не подходят три типа идеологии. Во-первых, от идеологии советского времени общество ушло навсегда. Во-вторых, не следует идеализировать монархизм дореволюционной России. В-третьих, совершенно неприемлем для России крайний либерализм Запада.

В 2013 году Президент обратился с призывом к представителям различных политических течений начать плодотворную дискуссию о российской идентичности: «Нам всем – и так называемым неославянам и неозападникам, государственникам, и так называемым либералам, всему обществу – предстоит

совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с ненавистью отвергая любую другую точку зрения» [17]. При этом красными линиями, за которые никому нельзя заходить, Путин считает принципы суверенитета, самостоятельности и целостности России [17].

Само появление всеобъемлющей национальной идеи, на наш взгляд, окажет огромное позитивное воздействие на степень военной безопасности страны и на национальную безопасность России в целом.

Проведение информационной политики, равно как и дело обеспечения военной безопасности, должно находиться под постоянным контролем государства, соотносясь с его важнейшими функциями. Отметим, что государство, во-первых, не может не заниматься проблемами гражданского общества. Во-вторых, государство как аппарат насилия и принуждения должно регулировать экономические отношения, поощрять развитие национальной экономики и защищать ее интересы в международных организациях и союзах. В-третьих, государство должно делать все для защиты национального суверенитета, обеспечивая надежную оборону и поддерживая высокий уровень боевой подготовки армии. В-четвертых, государство должно проводить патриотическую информационную политику среди граждан и соответствующую идеологическую работу. Именно государство при проведении и информационной политики должно бороться с проявлениями космополитизма и русофобии среди части отечественной интеллигенции, ориентированной на Запад. В-пятых, государство должно соблюдать каждого законопослушного гражданина, создавая условия для проявления его духовных и физических потенций.

Итак, нами была рассмотрена взаимосвязь между информационной политикой России и уровнем военной безопасности страны через диалектическое отражение в формах общественного сознания, таких как право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Мы показали ведущую роль экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны и действенную информационную политику.

Библиографический список

1. *Шабурова О.В.* Власть // Социальная философия. Словарь. М., 2004.
2. Интернет-портал "Российской Газеты". <http://www.rg.ru>
3. *Гобозов И.А.* Социальная философия. Учебный словарь. М.: Академический проект, 2008.
4. Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент» // <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/23/0000163134/002Gordon.pdf>.
5. Рейтинг одобрения Владимира Путина вырос до 86 процентов // Российская газета, 26.02.2015
6. *Never Give In.* The Best of Winston Churchill's Speeches. Pimlico, 2013.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии в 2 т. Т.1. М., 1976.

8. *Peter Patze*: Wie demokratisch ist Russland?. Ein tiefenorientierter Ansatz zur Messung demokratischer Standards (= Schriftenreihe "Demokratiestudien". Bd. 2). Nomos, Baden-Baden 2011.

9. *Tanja Wagensohn*: Russland nach dem Ende der Sowjetunion. Pustet, Regensburg 2001.

10. The New York Times, January, 14th, 2016.

11. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44.

12. *Соколов В.В.* Введение в классическую философию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.

13. *Тарле Е.В.* Избранные сочинения в четырех томах. Том II. Наполеон; Талейран. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1994.

14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Том 4.

15. *Богданов А.А.* Из психологии общества. (Статьи 1901 – 1904 г.). СПб, 1904, изд-во "С. Дороватовского и А. Чарушникова"

16. *Ленин В.И.* Что делать? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6.

17. Россия без идентичности // http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html

18. Путин назвал новую национальную идею // <http://newsland.com/news/detail/id/712314>

Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности*

Вопросы военной безопасности рассматриваются большинством государств мира как наиболее приоритетные и всегда – в явном или скрытом виде – находятся в политической повестке дня. В современном мире, в связи с появлением новых форм ведения военных действий (информационная, гибридная война) их значимость как никогда актуальна. Подтверждаются выводы многих российских политологов о том, что «процесс формирования новой системы международных отношений после окончания «холодной войны» приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе» [2]. В этих условиях возрастает внимание российского государства и общества к обеспечению своей военной безопасности.

В этом процессе задействованы многие институты государства, но особую роль среди них играют те структуры, которые относят к «силовому блоку» и в функции которых входит непосредственное противодействие внутренним и внешним угрозам. Реформирование подобных структур, перераспределение их полномочий непосредственно влияет на эффективность обеспечения военной

---

* Ковалев А.А. Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. – 2016. – №9. – С.52-59.

безопасности. Поэтому представляется необходимым рассмотреть изменения, происходящие в этой сфере сегодня в связи с созданием в России новой силовой структуры – Национальной гвардии.

5 апреля 2016 г. Президент России, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путин сообщил, что принял решение о создании на базе внутренних войск МВД России Национальной гвардии. При этом В.В. Путин заявил: «Мы активно обсуждали вопросы, связанные с совершенствованием работы правоохранительных органов и силовой их составляющей, и рассуждали, думали о том, как нам улучшить работу по всем направлениям. Решения приняты. Мы создаем новый федеральный орган исполнительной власти на базе внутренних войск МВД – создаем Национальную гвардию...»⁸⁷.

Позже, в ходе «прямой линии» 14 апреля с. г., Президент подчеркнул, что немаловажным фактором для принятия такого решения стала необходимость снижения затрат на содержание различных служб за счет оптимизации структур, прежде всего управленческого и штабного назначения⁸⁸.

Созданию Национальной гвардии предшествовало обновление стратегии национальной безопасности. Так, 31 декабря 2015 г. в соответствии с федеральными законами «О безопасности»⁸⁹ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁹⁰ Президент России утвердил стратегию национальной безопасности⁹¹, являющуюся базовым документом стратегического планирования, направленным на укрепление национальной безопасности РФ. В качестве предпосылок к созданию Национальной гвардии в стратегическом документе был указан ряд оснований. А именно: национальным приоритетом на долгосрочную перспективу названо укрепление обороны страны, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. В документе говорится, что достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований. Совершенствование военной организации государства осуществляется на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований современным вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Помимо прочего, стратегия предусматривает, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем

---

⁸⁷ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51643>

⁸⁸ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51716>

⁸⁹ О безопасности: Федеральный закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

⁹⁰ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

⁹¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб. А это возможно за счет совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, принятия на вооружение перспективных специальных средств и техники, развития системы профессиональной подготовки в области обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, назрели все необходимые основания для создания Национальной гвардии. В первую очередь это необходимость повышения эффективности использования имеющихся ресурсов внутренних войск МВД и ряда других подразделений в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, территориальной обороны, охраны государственной границы. Во-вторых, подчинение новой структуры исполнительной власти непосредственно Верховному Главнокомандующему, что повышает оперативность реагирования на возникающие угрозы. В-третьих, передача внутренних войск в структуру Национальной гвардии затрагивает и те подразделения, которые до настоящего времени существовали де-факто в автономном режиме (например, некоторые силовые структуры на территории Республики Чечня). Этим же днем вышел Указ Президента «Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации»⁹². Специалисты отмечают, что идея создания подобной структуры обсуждалась в течение нескольких лет. Изначально предполагалось, что у Национальной гвардии будут прежде всего охранительные функции – предотвращение и ликвидация массовых беспорядков⁹³. Но в итоге функции новой структуры значительно расширены.

Интересно сравнить их с функциями аналогичных служб в других странах. Например, национальная гвардия США рассматривается как резерв вооруженных сил и часто задействуется в военных операциях (за последние годы – в Афганистане и Ираке). Организационно подчиняясь командующему сухопутными силами армии США⁹⁴, она также выступает в роли силовой структуры при подавлении беспорядков, ликвидации последствий стихийных бедствий.

Можно провести определенные аналогии и с корпусом стражей исламской революции в Иране, который иногда называют «революционной гвардией». Формируется он в отличие от армейских структур этого государства на добровольной основе, но при этом имеет солидную материальную базу, большую численность личного состава и широкий спектр задач, связанных с распространением идеологии исламской революции и борьбы с внутренними и

---

⁹² Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

⁹³ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1>

⁹⁴ Козичев Е., Малаев М., Шелковников Д. Что нужно знать про национальную гвардию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956897>

внешними противниками⁹⁵. В частности, подразделения КСИР активно участвуют в боевых действиях на территории Сирии⁹⁶.

Существуют национальные гвардии и в ряде стран постсоветского пространства. Так, в Казахстане данная структура находится в подчинении МВД и выполняет функции, схожие с теми, что выполняли ранее существовавшие подразделения внутренних войск: охрана общественного порядка, сопровождение грузов, помощь пограничникам, участие в спецоперациях других силовых структур, конвоирование осужденных и т.д. Схожие функции выполняет национальная гвардия в некоторых других странах СНГ, например в Киргизии. А в таких государствах, как Азербайджан, Грузия, Таджикистан, нацгвардия в основном занята охраной глав государств и высших должностных лиц⁹⁷.

Наконец, в Украине созданная в 2014 г. национальная гвардия появилась в результате слияния внутренних войск МВД и «сил самообороны Майдана». Призванная выполнять преимущественно функции обеспечения внутренней безопасности и правопорядка⁹⁸, фактически она принимала активное участие в боевых действиях на востоке Украины.

Таким образом, национальные гвардии (или аналогичные формирования) тех стран, где они существуют, выполняют весьма разнообразные функции во внутренней и внешней политике. Сам термин «гвардия» указывает на стремление отобрать лучших представителей общества для решения поставленных задач и в то же время – на определенную обособленность от армейских структур. Но прямого аналога (по задачам и полномочиям) Национальной гвардии, создаваемой в РФ, в других странах нет.

Основной целью создания российской Нацгвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод человека и гражданина. Здесь стоит обратить внимание на один важный аспект. Согласно Указу Президента, была образована Федеральная служба войск Национальной гвардии Российской Федерации (сокращенное название – Росгвардия), т.е. по сути – федеральное министерство. А уже в структуре этого ведомства создаются войска Национальной гвардии.

Руководство войсками Национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации, который определяет задачи органов управления, утверждает структуру и состав войск, штатную численность военнослужащих и гражданских служащих. Непосредственное управление войсками Национальной гвардии осуществляет директор Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками Национальной гвардии. По должности он становится постоянным членом Совета Безопасности России.

---

⁹⁵ Сумбатьян Ю. Воины «мировой исламской революции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7177

⁹⁶ В Сирии погибли два иранских генерала [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/14/iranians/>

⁹⁷ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1>

⁹⁸ Верховная рада проголосовала за воссоздание Национальной гвардии Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.open/20140313141313.shtml>

Стоит также отметить, что новая федеральная служба является правопреемником МВД России в отношении передаваемых ей органов управления, объединений, соединений, воинских частей, военных организаций высшего образования и иных организаций внутренних войск МВД России, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений.

В связи с тем что работа по формированию войск Национальной гвардии только разворачивается, можно предположить, что в ближайшее время будут изданы дополнительные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность войск Национальной гвардии. Как отмечалось ранее, данные войска созданы путем преобразования внутренних войск МВД России. То есть с 5 апреля 2016 г. внутренние войска стали именоваться войсками Национальной гвардии в структуре ФСВНГ России. Указом Президента в них дополнительно включены: специальные отряды быстрого реагирования и мобильные отряды особого назначения территориальных органов, Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиационные подразделения МВД России, а также подразделения в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности и вневедомственной охраны.

Далее рассмотрим новый силовой институт федеральных органов исполнительной власти с точки зрения обеспечения военной безопасности.

Как известно, до сих пор вопросы обеспечения военной безопасности были возложены на подразделения Минобороны, ФСБ, ФСО, СВР, МВД, МЧС, ГУСП России [1].

На новый орган исполнительной власти также возлагается решение основных задач, касающихся обеспечения военной безопасности: участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы. К полномочиям Национальной гвардии в области обеспечения военной безопасности относится участие в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения, проведения мероприятий военного времени, гражданской обороны в условиях военного времени, а также участие в совместных действиях с Вооруженными Силами, воинскими формированиями и органами по обеспечению обороны Российской Федерации, деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности. Следует отметить, что задачи какой-либо структуры определяют основные направления ее деятельности, тогда как полномочия – возможности для реализации поставленных задач.

Рассмотрим некоторые моменты более детально. Под военной безопасностью мы понимаем особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий). Здесь важно понять, что военная безопасность – это состояние. И поддерживать это «состояние не начала войны» возможно при помощи ряда особых режимов (систем), применяемых как по отдельности, так и в комплексе. Эти режимы как раз и должны обеспечиваться силами Национальной гвардии

Российской Федерации. К таким режимам относятся: военное положение – в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии⁹⁹; чрезвычайное положение – как временная мера для обеспечения безопасности граждан в случае вооруженного мятежа, деятельности незаконных вооруженных формирований¹⁰⁰; военное время – начинается с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий¹⁰¹; гражданская оборона – как система мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах¹⁰²; территориальная оборона – как система охраны и обороны военных, важных государственных и специальных объектов, борьба с незаконными вооруженными формированиями¹⁰³.

5 апреля 2016 г. в соответствии с пунктом «г» ст. 84 Конституции Российской Федерации Президент России внес в Государственную Думу проект Федерального закона «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»¹⁰⁴. Законопроектом предусматривается определить задачи войск Национальной гвардии Российской Федерации, их состав, принципы деятельности и полномочия, урегулировать вопросы, связанные с руководством и управлением ими, комплектованием личным составом, обеспечением социальной защиты военнослужащих войск Национальной гвардии, а также с их финансовым и материально-техническим обеспечением.

22 июня 2016 г. законопроект был принят Государственной Думой, 29 июня 2016 г. одобрен Советом Федерации, и уже 3 июля 2016 г. Президент России подписал Федеральный закон «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»¹⁰⁵. В рамках данной статьи мы не имеем возможности полностью проанализировать указанный закон. Отметим главное, что войска Национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной безопасности.

11 апреля 2016 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен проект Указа Президента РФ «Положение о Федеральной службе войск Национальной гвардии Российской Федерации»¹⁰⁶. В пояснительной записке сказано, что данный правовой акт определяет основные задачи, полномочия и организационную деятельность федеральной службы, а также ее структуру.

В связи с тем что в настоящее время с правовой точки зрения остаются открытыми многие вопросы, касающиеся войск Национальной гвардии, до

---

⁹⁹ О военном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

¹⁰⁰ О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 мая 2001 г.

¹⁰¹ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

¹⁰² О гражданской обороне: федер. закон Рос. Федерации от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ.

¹⁰³ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

¹⁰⁴ Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1037356-6&02>

¹⁰⁵ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

¹⁰⁶ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects nra=47818>

вступления в силу ряда соответствующих законов, функционирование новой федеральной службы будет осуществляться в соответствии с положениями действующих федеральных законов, определяющих задачи, права и полномочия внутренних войск МВД России и полиции.

Итак, основной целью создания Национальной гвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «государственная и общественная безопасность». В Конституции России имеется одиннадцать установок по различным вопросам безопасности¹⁰⁷: это безопасность государства¹⁰⁸, государственная безопасность¹⁰⁹, общественная безопасность¹¹⁰, оборона и безопасность¹¹¹, экологическая безопасность¹¹², безопасность граждан¹¹³, безопасность людей¹¹⁴, а также безопасность труда¹¹⁵. Базовый закон «О безопасности» вообще не содержит никаких определений данного понятия. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т.д. Однако самого определения нет. Анализируя другие документы, мы выходим на концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2013 г. Под общественной безопасностью понимается здесь состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера¹¹⁶. Но концепция – это лишь система взглядов. В свою очередь стратегия национальной безопасности¹¹⁷ трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации – прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. Таким образом, чтобы не возникало правовых коллизий, стоит указать, что целью создания Национальной гвардии является обеспечение именно национальной безопасности. Это снимет ряд дискуссионных вопросов. Желательно также на законодательном уровне закрепить понятие государственной безопасности, по примеру «военной безопасности» в Военной доктрине Российской Федерации.

---

¹⁰⁷ Конституция Российской Федерации: официальный текст.

¹⁰⁸ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82.

¹⁰⁹ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

¹¹⁰ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

¹¹¹ Там же, п. «м» ст. 71.

¹¹² Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

¹¹³ Там же, ч. 1 ст. 56.

¹¹⁴ Там же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

¹¹⁵ Там же, ч. 3 ст. 37.

¹¹⁶ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685.

¹¹⁷ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

Непосредственное влияние нового института на обеспечение военной безопасности, на наш взгляд, возможно в силу следующих обстоятельств:

- Национальная гвардия может выступать инструментом обеспечения антитеррористических операций широкого масштаба на территории РФ против организаций мирового терроризма;

- Национальная гвардия или ее отдельные подразделения могут быть использованы при проведении внешних операций, однако в настоящее время этот вопрос законодательно не урегулирован;

- в условиях распространения гибридных форм ведения военных действий Национальная гвардия может рассматриваться как структура, противодействующая враждебным акциям на территории РФ – попыткам бунтов, вооруженного сопротивления законным властям, разжигания масштабных межэтнических конфликтов и др.

Согласимся с профессором И.В. Радиковым, который подчеркивает, что «мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства – всестороннего развития личности» [2].

Таким образом, рассмотрев вопросы начального этапа функционирования нового силового института власти, можно в заключение выделить ряд дискуссионных аспектов, которые заслуживают дальнейшего рассмотрения.

1. Вероятно, создание Национальной гвардии положительно скажется на обеспечении национальной безопасности в ее силовом аспекте. Создается новый силовой институт, который должен стать важным элементом большого механизма обеспечения безопасности государства, противодействия внутренним и внешним экстремистским силам.

2. Возникает ряд вопросов, касающихся задач и полномочий в сфере обеспечения военной безопасности. Не совсем понятны вопросы практического взаимодействия Нацгвардии с другими силовыми институтами власти (МВД, ФСБ), очевидны дублирующие функции этих структур. Необходимо дальнейшее развитие нормативной составляющей функционирования нового института и ее имплементация на практике.

3. Возникает дискуссионный вопрос относительно незакрепленного в правовых актах понятия «государственная безопасность», которое широко использовалось в советский период, а затем было вытеснено из законодательства понятием «национальная безопасность». В случае его возвращения в

политический и правовой дискурс необходимо четко определить содержательное наполнение, границы данного понятия, соотношение с другими видами безопасности.

В целом необходимо отметить, что создание Национальной гвардии РФ открывает новые возможности в сфере обеспечения военной безопасности, в частности, при использовании особых правовых режимов, проведении антитеррористических и анти-экстремистских операций. Но механизмы и пределы реализации этих возможностей могут быть оценены только исходя из ее реальной деятельности.

Библиографический список

1. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

2. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64-82.

3. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5-11.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агаев Э.Т. Внешнеполитические аспекты концепции безопасности России // *Международная жизнь*. – 1993. – № 9.
2. Аминов И.Р. О фундаменте национальной безопасности России // *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. – 2015. – № 2 (27). – С. 56-62.
3. Андрианова Т.В. Геополитические теории XX века. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 178 с.
4. Аникин В., Сурма И. Международные аспекты экономической безопасности в условиях геополитической нестабильности // *Современный мир и геополитика* / Отв. ред. М.А. Неймарк. – М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
5. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – М., 1970.
6. Аристотель. Политик. – СПб., 1911.
7. Армия в политической системе общества / Подгот. воен.- науч.об-вом «Безопасность Отечества» при клубе «Реалисты». – М., 1996. – 109 с.
8. Балашов А.И, Ковалев А.А. Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе // *Вопросы управления*. – 2017. – № 1(25). – С. 157-163.
9. Балто-славянские исследования. XIX. Сборник научных трудов. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 588 с.
10. Баранов С.В. Гражданский контроль силовых структур // *Обозреватель – Observer: научно-аналитический журнал*. – 2007. – № 8. – С. 51-55.
11. Барциц И.Н. Международные методики оценки эффективности государственного управления // *Управленческое консультирование*. – 2009. – №4 (36). – С. 10-26.
12. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
13. Белобородов В.А. Совет Безопасности как структурная единица механизма государственной безопасности // *Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов*. – Пермь, 2014. – С. 44-45.
14. Богданов А.А. Из психологии общества. (Статьи 1901-1904 г.). – СПб, 1904, изд-во «С. Дороватовского и А. Чарушникова».
15. Бочарников И.В. Национально-государственная политика России в дореволюционный период // *Человеческий капитал*. – 2017. – № 1 (97). – С. 6-10.
16. Бочарников И.В. Неядерное сдерживание как фактор обеспечения безопасности и суверенитета России в современных условиях // *Тренды и управление*. – 2015. – № 2. – С. 120-128.
17. Бочарников И.В. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне как высшее проявление патриотизма и служения Отечеству // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 2. – С. 72-86.
18. Бочарников И.В. Правый экстремизм в современном европейском пространстве // *Дипломатическая служба*. – 2017. – № 4. – С. 69-78.
19. Бочарников И.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. – М.: Экон-информ, 2013. – 144 с.
20. Бочарников И.В. Социальные механизмы управления устойчивым развитием российской системы образования // *Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института*. – 2013. – № 1 (13). – С. 71-75.

21. Бременский А. Деяния архиепископов гамбургской церкви. В кн.: Немецкие анналы и хроники X-XI столетий. – М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2012.
22. Бровко С.А. Военно-гражданские отношения: содержание, типология и особенности в России / Дисс. канд. филос. наук. – М.: ВУ, 1997. – 195 с.
23. Бронникова Т.С. Разработка бизнес-плана проекта. – М.: Инфра-М, 2016. – 224 с.
24. Бузин Н.Е. «Гибридная» война: новый феномен военной науки или очередной информационно-политический фантом // Наука и военная безопасность. – 2015. – № 3. – С. 2-6.
25. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. – Л.: Наука, 1964. – 483 с.
26. Васильев А.И., Прокофьев С.Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. – 2016. – №4. – С.44-52.
27. Вербин А.И., Келле В.Ж. Базис и надстройка и механизмы социальной деятельности людей // Философские науки. – 1979. – № 1. – С. 9-11.
28. Военно-гражданские отношения в демократическом обществе // «Научные доклады». – М.: Московский общественный научный фонд, 1998. № 51. – 150 с.
29. Воротников В.В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI в. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 271 с.
30. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. – М.: Логос, 2000. – 257 с.
31. Галкин А.А., Красин Ю.А. Критика российского авторитаризма / Ин-т социологии РАН. – М., 1995. – 46 с.
32. Гацко М.Ф. Гражданский контроль над Вооруженными силами РФ // Обозреватель – Observer: научно-аналитический журнал. – 2007. – № 1. – С. 14-21.
33. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
34. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в 2 т. Т.1. – М., 1976.
35. Геродот. История. – М., 2007.
36. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч.: в 2 т. – М., 1991.
37. Гобозов И.А. Социальная философия. Учебный словарь. – М.: Академический проект, 2008.
38. Гончаров Г.А. Управление институциональными изменениями: сложности и их решение на пути к успеху // Вопросы управления. – 2016. – №1 (19). – С.7-11.
39. Горобцов Г.А. Армия и политический режим // Власть силы, сила власти: сб. науч.тр. – М.: Юрист, 1996. – С. 70-85.
40. Горохов П.А. Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 7. – С. 44-50.
41. Горохов П.А., Батеженко В.В. Феномен перестройки четверть века спустя: опыт социально-философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 51-56.
42. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.
43. Громыко Ю.А. На пути к новому консенсусу по вопросам безопасности // Безопасность Евразии. – 2005. – № 1. – С. 221-249.
44. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – М.: Рольф, 2001.
45. Гуськов Ю.В. Армия в политической системе современного государства: дис. ... канд. филос. наук. – М.: Изд-во ГА ВС, 1993. – 213 с.

46. Давтян Д.В. Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7. – Ч. 2. – С. 52-54.
47. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995. Т. 1. А – З.
48. Дамаскин О.В. Новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и проблемы ее нормативного правового обеспечения // Современное право. – 2016. – № 4. – С. 119-124.
49. Демократизация общественной жизни и военная безопасность // Материалы междунар.конф. – М.: ГА ВС, 1994. – 275 с.
50. Деркачев В.В. Международная экологическая безопасность: концептуальный и практический аспекты: дисс. ...канд. ист. наук. – М., 1990.
51. Дорогой К.Б. Реформа государственного управления в России в критериях системности // Управленческое консультирование. – 2016. – № 2. – С. 145-152.
52. Ермишин А.Г. Базис теории военного управления // Вестник Академии военных наук. – 2003. – № 1 (2). – С. 70-71.
53. Жиркова С.В. Роль Балтийского региона в сотрудничестве Россия – Евросоюз // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 6. – С. 87-91.
54. Жирнов О.А. Политика России на постсоветском пространстве: прошлое, настоящее, будущее: обзор // Актуальные проблемы Европы. – 2011. – № 2. – С. 124-163.
55. Зарубежные негосударственные субъекты военно-политических отношений в 21 веке // Зарубежное военное обозрение. – 2006. – №3.
56. Золотарев В.А. «Холодная война»: далекая и близкая // Армия. – 1994. – № 9. – С. 32-37.
57. Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. – М.: Кучково поле, 2001.
58. Золотарев В.А. Военная безопасность Отечества. – М.: Канон-пресс – Кучково поле, 1998. – 462 с.
59. Иванов В.В., Маркус А.С. Топогеодезическая карта XIX века // Армейский сборник. – 1999. – № 9. – С. 42-45.
60. Ивашов Л.Г. Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. – 2006. – № 2 (22). – С. 42-51.
61. Ивлев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. – М., 2008.
62. Ионов М.Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // Прикладная эргономика. Специальный выпуск. – 1994. – № 1. – С. 44-45.
63. Кабузан В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). – М.: Институт российской истории, 2009. – 151 с.
64. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов в 1917-1920 гг. – М.: Наука, 1988. – 120 с.
65. Касюк Л.А. Активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве как фактор противодействия политике США в условиях перехода от биполярного к многополярному миру // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 604. – С. 51-73.

66. Клаузевиц К. О войне. – М., 1933.
67. Клочков В.В., Селезнева И.Е. Стратегические и прогнозные исследования и разработки: проблемы методологии и организации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т.13. – №3 (348). – С. 449-463.
68. Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – СПб., 2015. – 196 с.
69. Ковалев А.А. Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2018. – №6. – С.53-62.
70. Ковалев А.А. Военная безопасность в период изменения политических режимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. – №9. – Ч.1. – С. 106-112.
71. Ковалев А.А. Военная безопасность как подсистема национальной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – №11. – Ч.1. – С. 71-78.
72. Ковалев А.А. Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 2 (8). – С. 41-50.
73. Ковалев А.А. Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. – 2016. – №11. – С. 39-49.
74. Ковалев А.А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. – 2017. – №9. – С. 18-28.
75. Ковалев А.А. Европейская модель обеспечения военной безопасности // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – №2. – С. 10-13.
76. Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб., 2016.
77. Ковалев А.А. Механизм гражданского контроля как условие эффективности функционирования системы обеспечения военной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №5. – Ч.3. – С. 86-90.
78. Ковалев А.А. Модели взаимодействия гражданского общества с государством в сфере обеспечения военной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2013. – №1. – С. 300-304.
79. Ковалев А.А. Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. – 2016. – №10. – С. 126-134.
80. Ковалев А.А. О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. – 2018. – №2. – С. 24-31.
81. Ковалев А.А. Обеспечение военной безопасности при тоталитарном и авторитарном политических режимах // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – №1. – С. 7-10.
82. Ковалев А.А. Парламентское влияние на обеспечение военной безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – №10. – Ч.3. – С. 98-101.

83. Ковалев А.А. Перспективы развития механизмов обеспечения военной безопасности // Журнал правовых и экономических исследований. – 2012. – №4. – С. 13-14.
84. Ковалев А.А. Роль региональных органов власти в обеспечении военной безопасности Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – №3. – С. 418-423.
85. Ковалев А.А. Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №6. – С. 4-10.
86. Ковалев А.А. Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №1. – С. 158-166.
87. Ковалев А.А. Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. – 2016. – №9. – С. 52-59.
88. Ковалев А.А., Балашов А.И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1151-1165.
89. Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства // Управленческое консультирование. – 2017. – №5. – С.20-27.
90. Ковалев А.А., Кудайкин Е.И. Роль управления сферой военной безопасности в современном государстве в условиях трансформации международной системы безопасности // Управленческое консультирование. – 2017. – №3. – С. 42-50.
91. Ковалев А.А., Мрочко В.Л. Геополитический имидж военного статуса России // Власть. – 2017. – № 2. – С. 64-68.
92. Ковалев А.А., Мусин Э.А. Военная безопасность как проблема философии политики // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №3. – С. 106-115.
93. Корабельников А.А. О необходимости расширения законодательных основ по вопросам военной безопасности России // Вестник академии военных наук. – 2008. – № 3. – С. 29-34.
94. Корнеев В.С. Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. – 2008. – № 2. – С. 68-76.
95. Корнеев В.С. Международная регионализация на Балтике: монография. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. – 205 с.
96. Корнеев В.С. Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. – Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010. – 79 с.
97. Косов Ю.В., Фокина В.В. Политическая регионалистика. – СПб.: Питер, 2009.
98. Кулагин В.М. Международная безопасность. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 318 с.
99. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 26. – М.: Политиздат, 1969.
100. Леоненко С. Рефлексивное управление противником // Армейский сборник. – 1995. – № 8.
101. Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
102. Лефевр В.А. Лекции по теории рефлексивных игр. – М.: Когито-Центр, 2009. – 218 с.
103. Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий. – М., 1957.

104. Логунов А.Б. Региональная и национальная безопасность. – М.: Вузовский учебник, 2009.
105. Локк Д. Два трактата о государственном правлении. – М., 2009.
106. Малашенко И.Е. Безопасность и затратный подход // Коммунист. – 1988. – № 18. – С. 14-22.
107. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1980.
108. Мельников В.И. Совет Безопасности РФ в государственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2011.
109. Мир в условиях мира. Всеобщая безопасность в XXI в. – М.: ИНИОН-М, 1990.
110. Национально-государственные интересы в системе международных отношений нового типа / Материалы международного симпозиума. – М.: ИЭМСС АН СССР, 1987.
111. Нисневич Ю.А. Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России // Полис (Политические исследования). – 2011. – № 1. – С. 165-176.
112. Общая теория национальной безопасности. – М.: Вузовский учебник, 2002. – 320 с.
113. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. – М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997.
114. Отмахова Н.Н. Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2008.
115. Павлов Д.Б. Совет Безопасности России как основной субъект правового регулирования экономической безопасности // Экономика и право. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 25-32.
116. Панина О.В. Проектное управление в органах государственной власти // Альманах мировой науки. – 2017. – № 1-2 (16). – С. 122-125.
117. Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. – С. 167-170.
118. Платон. Диалоги. – М., 1986.
119. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1994.
120. Политология: энциклопедический словарь. – М.: Издательство Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 408 с.
121. Пономаренко Я.А. Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2016. – № 11. – С. 120-124.
122. Потехин В.К. Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?: сборник статей / гл. ред. Ю.В. Крупнов. – М., 1997. – С. 69-87.
123. Присяжнюк С.П., Филатов Н.В., Федоненков С.П. Геоинформационные системы военного назначения: учебник. – СПб.: БГТУ, 2009. – 208 с.
124. Проблемы демократизации в России: состояние и перспективы: материалы научно-практического семинара (21-22 мая 1998 г.). – СПб.: Петрополис, 1999. – С. 7-9.

125. Проскурин С.А. Баланс интересов государств – основа прогресса цивилизации // Социально-политические науки. – 1991. – № 4. – С. 68-73.
126. Проскурин С.А. Теоретико-методологические проблемы формирования внешнеполитического курса Российской Федерации в условиях меняющегося мира: дис. ... докт. полит. наук. – М., 1999. – 431 с.
127. Радиков И.В. Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2010. – Т. 6. – № 4. – С. 229-248.
128. Радиков И.В. Безопасность как ценностный императив мировой политики // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: изд-во МГУ, 2012. – С. 51-59.
129. Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 5-11.
130. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства. – СПб: ВАТТ, 2000. – 334 с.
131. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дисс. ... д-ра полит. наук. – СПб., 2000. – 408 с.
132. Радиков И.В. Военно-политические проблемы обеспечения безопасности Российского государства в переходный период: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.10 Радиков Иван Владимирович. – М., 1992.
133. Радиков И.В. Война в XXI веке и новая семантика Военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-1 (55). – С. 150-153.
134. Радиков И.В. Дисперсия современной архитектуры безопасности в АТР: глобальные тенденции и региональные особенности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 2 (30). – С. 10-19.
135. Радиков И.В. Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3. – С.27-39.
136. Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2007. – Т.3. – № 1. – С. 64-82.
137. Радиков И.В. Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 1 (18). – С. 90-94.
138. Радиков И.В. Новая сущность войны в XXI в. и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 39-51.
139. Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2009. – Т.5. – № 2. – С. 163-179.
140. Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 1 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2009. – Т.5. – № 1. – С. 56-71.
141. Радиков И.В. Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2013. – Т.9. – № 4. – С. 19-31.
142. Радиков И.В. Политический страх как фактор современной политики // Власть. – 2017. – Т.25. – № 4. – С. 43-49.

143. Радиков И.В. Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 4. – С. 130-134.
144. Радиков И.В. Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 66-73.
145. Радиков И.В. Ценностный подход в процессе формирования общей повестки дня международной безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 41-45.
146. Рассадин А.В. Военная сила и безопасность в объединяющемся мире // Военная сила. – М.: МО РФ, 1993. – С. 35-36.
147. Региональная и национальная безопасность. – М.: Вузовский учебник, 2009. – 432 с.
148. Родачин В.М. Идеология и современные военно-политические процессы: дис. ... докт. филос. наук. – М.: Изд-во ВУ, 1995. – 384 с.
149. Роттердамский Эразм. Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. – М., 2001.
150. Санистебан Л.С. Основы политической науки / пер. с испанского. – М., 1992. – 90 с.
151. Серебрянников В.В. Политическая безопасность // Свободная мысль. – 1997. – № 1. – С. 18-32.
152. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М., 2002.
153. Смолян Г.Л. Рефлексивное управление – технология принятия манипулятивных решений // Труды института системного анализа РАН. – М.: Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, 2013. – С. 54-61.
154. Смутьский С.В. Методологические основы оценки и прогнозирования современных военных конфликтов в интересах их урегулирования и предотвращения: дис. ... канд. филос. наук. – М., 1990.
155. Соколов В.В. Введение в классическую философию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
156. Станкевич Л.Т., Горбатова Н.В. Административная реформа России как процесс формирования диалога государственной власти и общества // Управленческое консультирование. – 2005. – № 3 (19). – С. 197-211.
157. Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В. Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. – 2016. – № 5 (61). – С. 49-54.
158. Стребков В.А. Военно-стратегический паритет как фактор международной безопасности: дисс. ... докт. филос. наук. – М., 1990.
159. Тарле Е.В. Избранные сочинения в четырех томах. Том II. Наполеон; Талейран. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1994.
160. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель: АСТ, 2000. – 1568 с.

161. Толковый словарь русского языка. 2-е изд-е, испр. и доп. / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. – М.: Азъ, 1995. – 908 с.
162. Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. – 2002. – Т. 1. – № 1. – С. 71-89.
163. Торкунов А.В. Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 990 с.
164. Трактаты о вечном мире. – М.: Соцэкгиз, 1963. – 278 с.
165. Фатеев К.В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. – М.: За права военнослужащих, 2005.
166. Фокин П.Е. Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. – М.: Молодая гвардия, 2016.
167. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: словарь. – М.: Луч, 1996. – 271 с.
168. Хантингтон С. Будущее демократических перемен: от экспансии к консолидации // Мировая экономика и международные отношения. – 1995. – № 6. – С. 11-18.
169. Харламов С.В. Геополитика и военная безопасность // Национальная безопасность России на Востоке: вызовы и ответы. – М.: Институт востоковедения РАН, 1994. – С. 159-163.
170. Ходаковский Е.А. Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2010.
171. Хоффман Ф. Гибридная война и ее вызовы // Мировойна. Все против всех. Новейшая концепция боевых действий англосаксов / сост., введение, заключение: Е.С. Ларина, В.С. Овчинников. – М.: Книжный мир, 2015. – С. 182-190.
172. Хрусталева Е.Ю. Глобальное военное противостояние и методология оценки обороноспособности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 9. – С. 2-9.
173. Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. – М., 2007.
174. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. – М.: Интерпракс, 1995. – 130 с.
175. Шабурова О.В. Власть // Социальная философия. Словарь. – М., 2004.
176. Шапошников Е.И. О концепции безопасности России // Международная жизнь. – 1993. – № 9.
177. Шенков О.А. Военный институт государства и демократический контроль // Современное право. – 2009. – № 7. – С. 12-14.
178. Шестаков В.А., Антошин В.А. Комплексное управление безопасностью на государственном уровне // Вопросы управления. – 2015. – №4 (16). – С.68-77.
179. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – М., 2005.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации.....	6
Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации.....	15
Военная безопасность в период изменения политических режимов.....	29
Военная безопасность как подсистема национальной безопасности.....	39
Военная безопасность как проблема философии политики.....	52
Военная безопасность России и проблемы геополитики.....	61
Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва.....	67
Геополитический имидж военного статуса России.....	79
Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций.....	83
Европейская модель обеспечения военной безопасности.....	95
Информационные технологии в обеспечении военной безопасности государства.....	100
Механизм гражданского контроля как условие эффективности функционирования системы обеспечения военной безопасности.....	107
Модели взаимодействия гражданского общества с государством в сфере обеспечения военной безопасности.....	114
Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти.....	119
О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны.....	129
Обеспечение военной безопасности при тоталитарном и авторитарном политических режимах.....	136
Парламентское влияние на обеспечение военной безопасности.....	140
Перспективы развития механизмов обеспечения военной безопасности.....	144
Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе.....	147
Роль региональных органов власти в обеспечении военной безопасности Российской Федерации.....	155
Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике.....	161
Роль управления сферой военной безопасности в современном государстве в условиях трансформации международной системы безопасности.....	167
Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности.....	177
Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности.....	187
БИБЛИОГРАФИЯ.....	196

Ковалев Андрей Андреевич

Военная безопасность в научном дискурсе

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т.2.; 95 3005 – учебная литература

Подписано в печать 22.04.2019. Формат 60х90 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 13. Тираж 700 экз. Заказ 182
Не для продажи.

Отпечатано в цифровой типографии
«Издательско-полиграфическая компания «ПОЛИКОНА»»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 199